ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД 1(17)/2008

МОСТЫ

журнал переводчиков

Читайте в этом номере:

Т.П. Некрасова
Идите вы в арбитраж!
Ошибки и ловушки в юридическом переводе

Ю. Плахтий
Перевод, редактура, корректура
и оформление: общие принципы

Д.А. Морозов
Латинские и русские транскрипции арабских
имён: происхождение, вариантность
и попытки практических рекомендаций

Л. Виссон
Как учат тех, кто учит. Проблема подготовки
преподавателей устного перевода в США

МОСТЫ

журнал переводчиков

№ 1(17)/2008

выходит 4 раза в год

Издатель:
ООО «Р.Валент»

Главный редактор:
З.В. Зарубина

Редакционная коллегия:
Мишель Берди
Линн Виссон
Д.И. Ермолович
М.А. Загот
И.В. Зубанова
В.А. Иовенко
Б.Н. Климзо
В.К. Ланчиков
А.И. Никольская
П.Р. Палажченко
И.И. Убин
М.Я. Цвиллинг
Н.Г. Шахова

Зав. редакцией:
В.Р. Колесниченко

Редакторы:
Н.Г. Богомолова
В.П. Кочин

Корректор
А.И. Никифорова

Подготовка макета
Т.И. Родионова

Адрес редакции:
105062, Москва,
Подсосенский пер., д. 23, стр. 5

Тел./факс: +7(495) 916-67-03
Тел.: +7(495) 979-63-91
e-mail: rvalent@online.ru
rvalent@yandex.ru
www.rvalent.ru

ISBN 978-5-93439-252-0

Номер подписан в печать 06.03.08

Цена свободная
Тираж 1000 экз.
Заказ № 615

Отпечатано в ОАО «КТС»
Калуга, ул. Московская, 256

Перепечатка материалов – только с разрешения «Р.Валент»

© ООО «Р.Валент», 2008

В номере:

Интервью с Виктором Петровичем Голышевым 3

А.Л. Борисенко. Ещё раз о буквализме 7

В.К. Ланчиков. По законам вообщистики 14

Т.П. Некрасова. Идите вы в арбитраж! Ошибки и ловушки в юридическом переводе 20

Д.А. Морозов. Латинские и русские транскрипции арабских имён: происхождение, вариантность и попытки практических рекомендаций 30

Протоиерей Пётр Иванов. Православные переводы Нового Завета на китайский язык 37

Е.М. Хомякова. Что не понял переводчик? Интервью В.В. Путина журналу *Time* 46

Е.В. Юшина. Терминологические головоломки 52

Д.И. Ермолович. Слова-привидения 55

Yuri Plarhti (USA). Translation, Editing, Formatting and Proofreading Procedure 60

Е.К. Масловский. Месседжем по электорату – это круто! (дополнение к «Нерусско-русскому бестолковому словарю переводизнов» 63

Франклин Рив (США). Современный переводчик классики: кто он? 65

James Kates (USA). Choices of Voices 68

О.М. Делендик (Украина). Креститель или Христитель? Об одной ошибке в переводах Евангелий 72

Н.И. Колотовкин. Заметки на полях. По поводу статьи О.М. Делендика «Креститель или Христитель?» 76

Lynn Visson (USA). Teaching Interpreter Training and Training Teachers of Interpretation: A Crucial Problem in the US 78

. . . . . 3-я ст. обложки

Интервью с Виктором Петровичем Голышевым

— Считаете ли вы закономерным, что стали переводчиком?

— Сначала это была просто студенческая подработка. Однажды курсе на третьем понадобилось подработать, и я взялся за какой-то технический перевод. Потом несколько переводов я сделал для Института научной информации (ВИНИТИ). Было свободное время, да и английский я уже немного знал. А вот потом, когда уже работал инженером, мне просто захотелось переводить. Оказалось, что это приятное занятие, и к тому же ты сам по себе, ни с кем не связан. Но свободного времени было немного: я переводил только вечерами и по выходным, — поэтому перевод одного рассказа мог занять месяца четыре. И в какой-то момент решил, что пора уходить из инженерных дел. Роль сыграло и то, что меня распределили не туда, куда хотелось, и то, чем я занимался, мне казалось совершенно бесперспективным. Мне казалось, что в науке КПД — процентов 10, а остальные девяносто — почва. Это вполне естественно, в литературе то же самое происходит. Но быть в составе этих девяноста процентов не очень интересно.

— Вашего знания языка было достаточно для перевода?

— Английский я к тому времени уже знал: учил с замечательной учительницей Елизаветой Юльевной Шустер — дома, в школе, в институте. Муж Елизаветы Юльевны, адвокат, сидел, а её выгнали с работы. В институте я стал читать уже довольно сложные книги на английском. Но любой иностранный язык в совершенстве выучить невозможно. Так же как и родной мы не знаем в совершенстве — возьмите словарь Даля, и вы увидите, что многих слов не знаем. А иностранный язык тем более. Конечно, со временем узнаешь всё больше. Но определённый уровень, конечно, необходим для того, чтобы почувствовать тонкости языка, а до тех пор переводом лучше не заниматься.

— Кто был ваш учитель? Какую роль в вашем становлении сыграла ваша мать, ведь она была профессиональной переводчицей?

— Роль её была очень проста. Во-первых, с четвёртого по девятый класс именно мама заставляла меня заниматься с учительницей английского языка. И первые рассказы, которые я переводил, именно мать редактировала. Вот и всё. Не могу сказать, что она поддерживала мою инициативу стать переводчиком, но, во всяком случае, не отговаривала. А вот её постоянный соавтор Борис Романович Изаков меня всячески от этого отговаривал. Говорил: «У вас хорошая профессия, зачем вам в это лезть?» А вообще родители мной никогда не руководили, но отец, хоть ничего и не говорил, наверное, огорчался, что наукой я не очень интенсивно занимался. Редактировала мать только первые рассказы, потом особой необходимости в этом не было.

А учителей, действительно, не было, и поэтому я никогда не учился переводу. Просто ты учишься всю жизнь. Читаешь хорошую литературу, классиков, учишь русский язык. А потом только требуется терпение, чтобы переработать всё это, и чтобы твой переводной язык стал похож на русский. Так что можно сказать, что мои учителя – это Гоголь, Тургенев, двор, родственники – как у всех, наверное.

Сейчас я сам преподаю перевод. Думаю, что обучение значительно облегчает вход в профессию. Своим умом ты медленно до чего-то доходишь, а с учителем ты имеешь возможность узнать об этом намного быстрее и быстрее свяжешься с издателями. Но в принципе учить этому не обязательно: тот, кто для этого приспособлен, тот и будет переводить. Большинство моих знакомых переводчиков никто не учил.

– Вы как-то сказали про своих студентов, что в итоге переводчиками станут только два-три человека.

– Да, но только не по недостатку способностей – способных очень много, – а просто исходя из нынешней ситуации. Когда книги выходят столь малыми тиражами, на гонорары просто нельзя жить. Молодёжь сейчас не хочет быть бедной – все работают где-то, и лишь в свободное время переводят. А это занимает много сил и времени, и надо очень любить перевод, чтобы им заниматься.

– А как вы пришли именно к американским авторам?

– Я не знаю, как это объяснить. Пока учился в школе, читал Джека Лондона, Марка Твена, уже позже Мелвилла. Мне попадалось много американцев. И, как обычно это происходит, когда, например, слушаешь джаз, возникло чувство, что эта цивилизация тебе близка. Английская литература мне тоже нравилась, но, по моему мнению, перед войной и непосредственно после неё в Америке литература была лучше, более сильная. Когда я начинал, ещё и Фолкнер был жив, и Хемингуэй, а в Англии таких больших писателей уже не было. К тому же американская литература менее воспитанная. Всё-таки в Англии есть школа хорошего письма, она более подчинена традициям. Америка – страна более свежая, более новая. В XX веке в её литературе безусловно произошёл взрыв – и эта молодая американская энергия обрела форму. В Англии писательством занималась в основном только интеллигентная прослойка, а в Америке в литературу приходили люди с разнообразным опытом. В этом смысле американцы нам более родственны.

– Как вы выбираете произведения для перевода? А с коммерческой точки зрения вы как-то судите о книге: пойдёт она или не пойдёт?

– Никакого принципа нет. Читаешь книгу, видишь, что она тебя касается, и тогда ты её хочешь перевести. Есть хорошие книги, но они не вызывают в тебе резонанса... Я не могу сказать, что я как-то систематизированно выбирал. Попался мне, например, Уоррен «Вся королевская рать», понравилось, и всё – мне захотелось её переводить.

А «пойдёт или не пойдёт» – раньше такой проблемы не было, была другая проблема: разрешат книгу или нет. Почти ни одна книжка спокойно не выходила. И к новым писателям очень консервативно относились. Перевести-то ты можешь, а «они» будут очень долго думать, напечатать или нет. Гонорары были одинаковые, и вопрос был в том, допустят или нет книгу к печати. Сейчас всё зависит от того, будет ли книжка хорошо продаваться, но это опять же не моя забота, а издателей. В этом и состоит трудность: книга может нравиться, но, к примеру, писатель неизвестный, и я знаю, что книга плохо пойдёт; издатель это ещё лучше знает – зачем она ему?

Сейчас время такое – большинство торговцев, большинство маркетологов, большинство издателей – интересует другой аспект литературы. А читатели идут на поводу у продавцов книг, у тех, кто издаёт. Они тоже воспитывают вкус, и подчас дурной вкус, так же, как и телевидение

воспитывает плохой вкус у своих зрителей. И не спрос рождает предложение, а предложение рождает спрос. Надо вкладывать большие деньги в то, чтобы книга пошла, а это уже издатель решает, во что вложить. Меня это, как правило, не интересует. К тому же предсказать тут что-то трудно, например, в позапрошлом году вдруг стали переиздавать «Над кукушкиным гнездом», чего я никак не мог ожидать. А когда я переводил, её вообще не хотели брать – находили там какие-то параллели с нашей жизнью.

У меня довольно консервативные вкусы в литературе, ни мистику, ни фэнтези, ни Дэна Брауна мне переводить не хочется. А обыкновенная литература классического толка вряд ли будет сейчас хорошо продаваться. Так что чаще всего я знаю, что моя книжка хорошо не пойдёт.

– Есть ли у вас любимая переведённая книга?

– Нет. Когда книгу переводишь, ты её обычно любишь, может, она не особенно великая, но ты всё равно любишь. Я любил все книги, которые переводил. Но потом только воспоминания остаются: как правило, я не перечитываю переведённое когда-то. Хотя мне попадались хорошие писатели и до поры до времени я переводил только то, что хотел. Сейчас иногда приходится переводить то, что предлагают.

– А самый трудный случай в практике?

– Порой это ничего не говорит о самой книге, это говорит о твоём состоянии на какой-то момент. Я помню, как мучился с Шервудом Андерсоном, «Уайнсбург, Огайо»: год переводил небольшое количество рассказов – просто не мог найти нужную интонацию. На самом деле, книга совершенно просто написана, но бывают какие-то личные трения с текстом. Вот с Фолкнером я никогда не мучился: там такой напор, что автор словно сам тебя тащит. А у Андерсона этого нет, интонация спокойная, простодушная. Впрочем, когда всё легко переводится, возникает некое ощущение опасности: что-то не то. Должно быть преодоление, ты должен напрягаться. Бывает, что и результат вроде бы неплохой, но если всё слишком легко, меня это пугает. Думаю, что всё-таки нужно выкладываться. И всё-таки, пожалуй, самым трудным была повесть Джима Гаррисона «Легенды осени». Повесть листа три, а насыщена, как эпический роман. Поэтому и во фразу напихано очень много, хотя и фразы-то не особенно длинные. И тон, лишённый какого бы то ни было лиризма. (Хорошо слышный тон вообще сильно облегчает дело.)

– Самый поучительный случай в практике?

– История была такая: я решил составить книгу переводных эссе Бродского в 1987 году. Только что напечатали у нас подборку его стихов, и взрослые опытные переводчики не хотели его переводить, потому что очень страшно, когда автор знает язык. Соглашались только молодые, и, когда одна статья осталась без переводчика, мне пришлось её перевести. Потом перевод привезли Бродскому в Америку, он поправил несколько слов, и написал, что всё равно будет морщиться, потому что интонация не та. Я знаю, что интонация не та – у него она более отстранённая, он любит, например, в хвост фразы поставить глагол, любит утяжелённую структуру фразы. Я не пытался подражать его письму, а переводил как умею. Потому что, если будешь подражать, ни автора не будет, ни переводчика. Впрочем, я думаю, что и другие авторы, если бы знали русский язык так же, как Бродский, не все, наверное, были бы довольны.

– Три книги, к которым вы чаще всего обращаетесь?

– Таких нет.

– Пять словарей, которые у вас всегда под рукой?

– Большой англо-русский словарь Гальперина и Медниковой, Random House, Англо-русский фразеологический словарь Кунина, Фразовые глаголы (Лонгман), Словарь синонимов З. Александровой.

– Ваши пожелания молодым коллегам? А вашим студентам вы даёте какие-то советы?

– Не знаю, как насчёт идеальных качеств, но могу сказать, что нужно переводчику. Во-первых, он должен иметь не только интерес к той стране, которую переводит, но, вероятно, и тёплое чувство. Во-вторых, переводчик должен знать родной язык, уметь отцепиться от английского. Внутри тебя должен находиться контролёр, который не оставлял бы ничего, что противно русскому языку – он может переварить многое, но есть некая грань, за которой перевод уже становится синтетическим. Так что самоконтроль должен быть очень сильным. Ну и, конечно, нужна усидчивость: перевод – такое занятие, когда ты должен долго сидеть на стуле. Тщеславие должно быть очень умеренное. Способность проводить без общения довольно длительное время – ведь общаясь с книгой, ты общаешься только с одним человеком, и, как правило, более умным и более интересным, чем ты сам. И некоторое умственное развитие требуется, чтобы понимать, что написано, что автор имеет в виду. И жизненный опыт. Поэтому я считаю, что совсем молодым людям переводить нельзя: психологически человек, который занимается переводом, должен быть достаточно зрелым, должен что-то пережить. Потому что пока ты не пережил того же или чего-то похожего, ты будешь просто слова переводить. В общем, это занятие для взрослых.

А своим студентам я советов не даю – могу лишь поправить фразу. Хочешь переводить – переводи. Руку набивать, конечно, надо. Но тут такая дилемма: чтобы прожить, переводчик должен очень быстро строгать, и чаще всего второсортную литературу. А это руку портит уже на всю жизнь. Поэтому нужен какой-то компромисс, и на начальном этапе лучше, чтобы перевод не был заработком. Надо начинать с хорошей литературы и стараясь изо всех сил. Но я не могу такой совет дать, потому что я знаю, что с этим советом можно сейчас помереть с голоду. Вместе с тем, надо понимать, что всё придёт, а если очень торопиться, человек может просто не раскрыть своих способностей. Поэтому до какого-то времени надо выжимать из себя всё, что можно, потому что профессионалу, как правило, уже не хватает на это времени – есть сроки, объёмы. Самое лучшее поначалу – быть любителем.

– И наконец: что вам дала (или отняла) профессия переводчика?

– Давала независимость и, часто, приятное занятие. Отняла – сузила круг и время общения с другими людьми, ограничила самостоятельность мышления по причине больших трудозатрат на вторичную деятельность.

Интервью основано на материалах Е. Шаралановой и А. Поляковой

Ещё раз о буквализме

А.Л. Борисенко

Ответы и вопросы

Эта статья должна была представлять собой ответ на статью В. Ланчикова «Пентхаус из слоновой кости», которая, в свою очередь, была ответом на мою статью «Не кричи: "Буквализм"!»[1]. Точнее, вопреки подзаголовку, НЕ БЫЛА ответом, потому что слово «ответ» наводит на мысль о диалоге, где собеседники не только говорят, но и слушают. Здесь же ничего подобного не наблюдалось – В. Ланчиков аргументированно, страстно и многословно возражал на то, чего я не говорила. Отзыв почти вдвое превышал по объёму исходное высказывание и оставлял отчётливое чувство недоумения.

И я, конечно же, взялась писать ответ на ответ, перечисляя все неточности и передёргивания, и список мой оказался очень длинным – на несколько страниц. Но тут, по счастью, выдалась передышка – материал не пошёл в номер. Это была большая удача. Во-первых, у меня появилось время остыть и понять, что внимательный читатель всё увидит сам, а невнимательный умрёт от скуки над этим реестром. И, во-вторых, я очно встретилась со своим оппонентом на заседании Клуба переводчиков, и обнаружила, что проблема тут не в скорочтении (как мне показалось вначале) и не в недостатке внимания. Проблема в том, что в отношении буквализма образовался чёткий шаблон, который порождает ощущение «несравненной правоты» и делает невозможным иной тон, кроме назидательного.

Я приведу всё-таки один пример. Упомянув статью М.Л. Гаспарова **«Подстрочник как мера точности»**, В. Ланчиков пишет следующее: *«Там автор анализирует выполненные по чужому подстрочнику брюсовские переводы армянских поэтов и даже берётся судить об их точности, хотя для этого сравнивает их не с армянскими оригиналами, а с подстрочником. И это при том, что Гаспаров, в отличие от Брюсова, армянский язык знал»*. То есть имеется непреложная истина: плохо сравнивать перевод с подстрочником, надо – с оригиналом; отсюда тон усталой укоризны (и ведь неглупый человек Гаспаров, и армянский язык знал в отличие от Брюсова, да вот не додумался взять в руки подлинник).

А ведь достаточно было внимательно прочитать название, чтобы понять, почему Гаспаров сравнивает переводы Брюсова с подстрочником – потому что он пишет **про подстрочник** (а не про переводы Брюсова и не про армянский язык). Кстати, армянского языка Михаил Леонович не знал – несмотря на армянскую фамилию, доставшуюся ему от отчима. Он с сожалением упоминает об этом в опубликованных письмах к М.-Л. Ботт. Зато в безупречной логике и научной точности Гаспарова сомневаться не приходится. Если не заменять его рассуждений своими.

В сущности, В. Ланчиков блестяще проиллюстрировал главный тезис моей статьи – буквализм так долго и так успешно клеймили, что разучились о нём думать и разговаривать. Это положение дел не так уж легко изменить – и потому жанр «ответа», а проще говоря, спора – не самый удачный. В споре ведь не столько выясняют истину, сколько отстаивают свою позицию любой ценой. Оче-

[1] Продолжение дискуссии, начатой статьёй А.Л. Борисенко «Не кричи: "Буквализм!"» («Мосты» № 2/14, 2007) и продолженной В.К. Ланчиковым «Пентхаус из слоновой кости» («Мосты» № 3/15, 2007).

видно, что затронутая проблема болезненна и актуальна; очевидно также и то, что устоявшаяся традиция превращает любую дискуссию о буквализме в испорченный телефон. Разговор сам собой соскальзывает в наезженную колею, и оппонент начинает ломиться в открытую дверь, доказывая, что не надо переводить "Watch out!" как «Посмотри снаружи!».

Само слово буквализм провоцирует на идеологическую риторику. «Победивший принцип», «призывать к развитию собственного языка за счёт чужого», «сторонники буквализма». Как насчёт «сторонников хорея»? Будут ли они непременно «противниками ямба»? Откуда вообще взялась идея, что должен «победить» один переводческий метод на все времена? Простой здравый смысл заставляет предположить, что у разных методов перевода – разные возможности и ограничения, которые можно продуктивно изучать, не стравливая их между собой. То, что Радлова плохо переводила Шекспира, само по себе не компрометирует идею эквиритмического перевода. То, что у Голышева и Любимова разный подход к переводу, не значит, что нужно быть «за» одного и «против» другого.

Пожалуй, в обсуждении буквализма на сегодняшний день вопросы уместнее ответов. И если ответы В. Ланчикова не показались мне убедительными, то его вопросы я охотно использую как отправную точку для дальнейших размышлений.

К определению буквализма

По моему убеждению, **термин «буквализм» не имеет удовлетворительного определения** (имеется в виду бытование термина в русском языке).

Не то беда, что «Яндекс», не являясь академическим источником, позволяет судить только о расхожих представлениях (как раз в этом качестве поисковая система эффективна и адекватна). Беда в том, что академические источники практически ничего не добавляют к обывательским клише. Я уже цитировала определение Я.И. Рецкера, который делит буквализм на два вида: «ложный друг переводчика» и неверное словарное значение, а также мнение В.С. Виноградова, что буквализм происходил из «лингвистической наивности». В. Ланчиков привёл рассуждение А.Д. Швейцера, который соглашается с Л.С. Бархударовым, «полагающим, что буквальным переводом следует считать перевод, осуществляемый на более низком уровне, чем тот, который необходим в данном случае». Интересно, что Бархударов, дав это определение, добавляет: «Следует подчеркнуть, что буквальный перевод недопустим...»[2] (разрядка авторская). Это добавление очень интересно само по себе, ибо показывает, что исследователь перевода в отечественной традиции не просто изучает и описывает переводческую практику, но считает нужным предписывать переводчику определённые правила. Наконец, В. Ланчиков пользуется определением В.Н. Комиссарова, который, в сущности, предлагает делить формально точный перевод на «плохой» и «хороший»: «Учитывая устойчивую негативную коннотацию термина "буквальный перевод", видимо его целесообразно закрепить за неприемлемым переводом, результатом ошибочного решения переводчика. "Дословным" будет результат правильного использования прямого перевода, а соответствующий этап процесса перевода можно назвать "пословным"».

При таком понимании буквализма спорить не о чем – он ошибочен и неприемлем **по определению**. (Если формальная точность не нарушает естественности ПЯ, то, следуя определению Комиссарова, мы уже не считаем её буквализмом.)

М.Л. Гаспаров в статье «Брюсов и буквализм» намечает следующий подход к определению этого понятия:

> В теории перевода есть понятие "длина контекста". Это такой объём текста оригинала, которому можно указать однозначный (или близкий к однозначности) объём текста в переводе. В зависимости от длины контекста переводы разделяются на "пословные", "посинтагменные", "пофразные" и т. д.
>
> В художественном переводе тоже можно говорить о "длине контекста". Это такой объём текста оригинала, которому можно указать притязающий на художественную эквивалентность объём текста в переводе. Здесь тоже "длина контекста" может быть очень различной – словом, синтагмой, фразой, стихом, строфой, абзацем и даже целым произведением. Чем меньше длина контекста, тем "буквалистичнее"

[2] Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М., «Междунар. отношения», 1975.

(не будем говорить "буквальнее" – в теории перевода этот термин уточняется несколько иначе) перевод.

Соответственно, перед нами оказывается целая градация "степеней буквализма". На одном её полюсе – перевод, стремящийся передать подлинник слово в слово (и порой даже отмечающий, скобками и курсивом, все слова, отсутствующие в подлиннике и добавленные по необходимости). Таковы, например, переводы Священного писания на все языки (пусть сами переводчики и относились к переводимому тексту не как к "художественному", а как к "священному" – значение этих переводов в истории художественной литературы столь велико, что ссылка на них вполне позволительна). На другом её полюсе – перевод, стремящийся передать подлинник в масштабах целого произведения, скажем, целого лирического стихотворения: передать его "впечатление", то есть прежде всего эмоциональное и идейное содержание подлинника независимо от передачи его образов, а тем более – стилистических фигур и отдельных слов; возможно вообразить такой "перевод", в котором ни одно слово подлинника не передано точно, а общее эмоциональное "впечатление" сохранено.

При таком понимании буквализма нет ничего странного в том, что этот метод использовали такие разные переводчики, как Жуковский и Брюсов, – пусть в разной степени и на разных языковых уровнях.

Интересно, что англо-американская традиция не знает разделения на «хорошую» и «плохую» формальную точность: *literal translation* и *word-for-word translation* употребляются как нейтральные термины и не имеют отрицательных коннотаций. Означают они перевод, в котором по возможности точно передаётся форма оригинала (независимо от того, нравится исследователю результат такого перевода или нет).

Это вполне пригодное рабочее определение, к которому нужно сделать несколько оговорок (я подчёркиваю, что речь идет не об исчерпывающем определении, а об уточнении понятия):

1. Переводчик, как правило, берётся передать лишь отдельные элементы формы оригинала, поскольку **все** элементы формы (как и **все** элементы смысла) передать невозможно. Поэтому можно говорить о «градациях» или об элементах буквализма в переводе.

2. Буквализм часто ставит формальную точность выше «естественности». (Термин «естественность», так часто звучащий в работах теоретиков перевода, нуждается в отдельном уточнении.)

3. Буквализм – относительное понятие, зависящее от господствующей эстетической нормы. По меркам сегодняшнего восприятия, лютеровский перевод Библии будет восприниматься скорее как буквалистский, т.е. склонный к большой формальной точности, тогда как для своего времени он был сравнительно «вольным» и «естественным» (и, что немаловажно, ставил перед собой именно такую задачу).

Исторический подход к буквализму

Отношение отечественной теории перевода к буквализму определено, с одной стороны, идеологической привычкой «борьбы» методов, с другой – «предписательным» характером самой дисциплины (в том виде, как она сложилась в нашей стране). Традиционно теория перевода у нас тесно связана с практикой и направлена на выработку рекомендаций, «рецептов молодым переводчикам». От стиховедения никто не ждёт, что, прочитав учебник, поэт будет лучше писать стихи. (Или что все стихотворные размеры будут расклассифицированы на плохие и хорошие.) От теории перевода ждут именно этого. Такой подход имеет закономерное следствие: переводческие методы рассматриваются с точки зрения сегодняшних эстетических критериев, вне временного и культурного контекста. При этом ни в одном из определений буквализма (ни у Рецкера, ни у Швейцера, ни у Комиссарова) не делается оговорки, что имеется в виду лишь современный этап развития языка.

А ведь цели, которые ставит перед собой переводчик, и культурная ситуация, в которой он находится, далеко не безразличны для оценки результата. Говоря о часто цитируемом принципе Цицерона "*non verbum de verbo, sed sensum exprimere de sensu*" (*не слово в слово, а смысл в смысл*), Сюзан Басснетт[3] отмечает, что римский читатель того времени зачастую был двуязычен и переводчик рассчитывал на двойное чтение – перевод выступал как своего рода метатекст по отношению к оригина-

[3] Susan Bassnett. Translation Studies. – London, Routledge, 2002.

лу и потому был свободен от «ознакомительной» функции. Понятно, что такой перевод нельзя судить по привычным нам меркам.

Невозможно не признавать историческую роль буквализма. Даже самые ярые противники этого метода не могут оспорить тот факт, что с помощью буквалистского перевода не раз в истории человечества создавались литературные языки (вполне себе «в виде Минервы, взрослой при рождении»). За счёт стремления к формальной точности язык получает новые стихотворные размеры, новые идиомы, новые слова, не существовавшие в нём прежде. И как бы ни был исследователь недоволен современным состоянием языка и обилием заимствований, он не может позволить себе игнорировать историческую перспективу.

Оценочное восприятие переводческого метода мешает увидеть его рациональное зерно. Буквализм не является самоцелью. Напряжение родного языка и утруждение читателя зачастую помогает глубже понять не только чужую культуру, но и переводимого автора, поскольку он тоже является частью этой культуры. Процесс этот имеет смысл рассматривать в диахронии: например, переход от русификации, обычной в переводах XIX века, к соблюдению национального своеобразия подлинника не мог не создать некоторую непривычность, странность текста, но сегодня это общепринятая норма, которая воспринимается вполне естественно. Ведь «естественность» – состояние не статичное, а постоянно меняющееся, в том числе за счёт переводов.

Буквализм и «адекватный» перевод

Можно ли считать, что буквализм противопоставлен «адекватному» переводу? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно разобраться, что мы считаем адекватным переводом.

В. Комиссаров даёт следующее определение: «*Адекватным переводом называется перевод, который обеспечивает прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм или узуса ПЯ, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствуя общественно-признанной конвенциональной норме перевода. В нестрогом употреблении «адекватный перевод» – это «хороший» перевод, оправдывающий ожидания и надежды коммуникантов или лиц, осуществляющих оценку качества перевода*»[4].

Определение вызывает много вопросов. Каковы «прагматические задачи переводческого акта»? Видимо, их можно понимать по-разному. Что значит «максимально возможный уровень эквивалентности»? Как доказать, что в конкретном переводе достигнут именно «максимальный уровень»? А уж что такое «общественно-признанная конвенциональная норма перевода» и вовсе неясно. Значит ли это, что если во Франции принят вольный, адаптирующий перевод, а в Германии – более точный, то и адекватность перевода в этих странах разная?

Пожалуй, единственная часть определения, обеспечивающая хоть какую-то опору, это запрет на нарушение «норм или узуса ПЯ». Согласно Большой Советской Энциклопедии, «*Узус – (от лат. usus – пользование, употребление, обычай) в языкознании, общепринятое употребление языковой единицы (слова, фразеологизма и т.д.) в отличие от его окказионального (временного и индивидуального) употребления (например, неологизмы не являются узуальными единицами языка). Обычно узуальное употребление единиц языка фиксируется словарями (толковыми, фразеологическими, орфографическими, орфоэпическими и др.).*»;

«*Но́рма языкова́я – исторически обусловленная совокупность общеупотребительных языковых средств, а также правила их отбора и использования, признаваемые обществом наиболее пригодными в конкретный исторический период*» .

Казалось бы, всё ясно. Но возникает следующая проблема: художественный приём часто основан на нарушении художественных и языковых форм, на «выводе из автоматизма восприятия» (Шкловский), на использовании временного и индивидуального употребления языковой единицы. На практике обычно считается, что если автор употребляет, скажем, необычное сочетание (не зафиксированное в словарях, не употребляемое дру-

[4] Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990.

гими авторами), то и переводчик имеет право сделать то же самое. Но из определения адекватности это не следует. Пожалуй, самая честная часть этого определения – его концовка, где прямо сказано что под «адекватным» переводом понимается «хороший» перевод.

И здесь мы вплотную подходим к главной проблеме термина «адекватность» – к его субъективности, отсутствию чёткого критерия. Ведь результатом перевода художественного произведения является художественное произведение (на другом языке). А никаких критериев, позволяющих чётко классифицировать произведения художественной литературы на «хорошие» и «плохие» не существует. Понятно, что даже у компетентных носителей языка, профессиональных филологов и переводчиков могут быть очень разные представления о том, хорош или плох тот или иной перевод. Прескриптивное переводоведение пытается обращаться с переводом как с точной наукой: получается, что после проб и ошибок (например буквализма) переводчики пришли к *правильному* методу (адекватности) – т.е. к методу, который позволяет создавать «хороший» перевод, «оправдывающий ожидания и надежды коммуникантов или лиц, осуществляющих оценку качества перевода». Это не соответствует действительности, поскольку все заявленные критерии субъективны, а разные коммуниканты могут иметь совершенно разные ожидания по отношению к переводу.

Главное противоречие «буквализма» и «адекватности» – в том, что буквализм зачастую нарушает узус и нормы ПЯ, т.е. противоречит принципу естественности перевода («чтобы было, как будто произведение написано по-русски). Здесь возникает довольно парадоксальная ситуация. Например, если следовать букве определения, то никогда не следует вводить в перевод кальки, заимствования, «экзотизмы», несуществующие в ПЯ идиомы и стихотворные размеры, поскольку всё это нарушает узус и нормы ПЯ. Тем не менее, тот же Комиссаров, а также Виноградов, Рецкер, Фёдоров и другие адепты «адекватности», признают допустимым использование всех этих приёмов в переводческой практике (до определённой степени). При этом они опираются не столько на определение, сколько на сложившуюся практику – такие слова, как «джентльмен», «саке», «пончо», прочно вошли в переводную литературу и воспринимаются как «естественные». Однако это, несомненно, результат буквалистского перевода. Буквально передаётся форма слова, которая на ПЯ не наделена содержанием, не зафиксирована в словарях и т.д. На таких примерах очень хорошо видна непоследовательность и субъективность в оценке адекватности перевода. Вот, скажем, М. Лорие критикует буквалистов за словечко «уотермен»:

«Переводя Диккенса, мы вместо "уотермена" уже давали "конюх", не смущаясь тем, что какая-то частица смысла пропадала, что "уотерменами" называли только тех конюхов, которые поили лошадей на стоянках почтовых и наёмных карет. Пусть "уотермен" это не всякий конюх, и насколько же важнее, что у читателя сразу возникает зрительное представление и нужные ассоциации, и ему не надо искать это слово в комментариях <...> А вот "кэб" в переводах с английского мне до сих пор милее, чем извозчик. Здесь, очевидно, играет роль и личное пристрастие, и то, что слово это, как-никак, вошло в русский язык»[5].

Итак, есть два возможных подхода: «естественный перевод» – не смущаться тем, что пропадает частица смысла и употреблять существующее в языке слово (не нарушать узус). Или («буквалистский подход») – создать в своём языке несуществующее слово, копирующее форму иностранного, дать сноску, нарушить узус, но донести дополнительную частицу смысла. Известный аргумент противников буквализма заключается в том, что в случае перевода «уотермен» Диккенс предстаёт новатором, выдумывающим слова (нарушается восприятие художественного текста). Всё это хорошо, но как же быть со словом «кэб»? Ведь какой-то буквалист написал его когда-то впервые вместо «экипажа», и оно было непривычным, и резало слух... А теперь оно «как-никак» вошло в язык и не мешает считать перевод адекватным. (В. Ланчиков, ошибочно приняв мой пример, поясняющий

[5] Лорие, М. Об одном хорошем переводе: «Тяжёлые времена» Диккенса в переводе В.М. Топпер //Мастерство перевода. —М.: Советский писатель, 1965. — вып. 5, с. 98-117.

мысль Шлейермахера, за призыв «переводчикам с индийского на несколько десятилетий учинить буквалистический комплот», говорит о наивности подобной идеи. Идея, повторяю, принадлежит Шлейермахеру, и ничего наивного в ней нет. Вся история перевода держится на комплотах: начиная от перевода имён собственных и кончая тем же самым кэбом).

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на определение, отечественное переводоведение очень часто признаёт адекватным перевод с буквалистскими вкраплениями. То есть, строго говоря, буквализм не противопоставлен адекватному переводу, отдельные элементы и вкрапления буквализма встречаются во многих переводах, которые считаются «адекватными» (то есть хорошими).

Освоение и очуждение

Буквализм – инструмент. За ним могут стоять разные переводческие задачи. Он может давать разный результат. Несомненно, что у этого метода есть отчётливые ограничения, несомненно так же и то, что буквализм позволяет преодолеть ограничения других переводческих методов. Особенно отчётливо это видно на примере поэтических текстов – потому что в поэзии нагляднее несостоятельность разделения «формы» и «содержания». Но это особая тема, которую мы отложим до другого раза.

Закрепившиеся в англо-американской традиции термины "*foreignizing*" (очуждение) и "*domesticating*" (освоение, одомашнивание) помогают понять взаимодействие и противостояние переводческих тенденций. («Очуждение» вовсе не является, как утверждает В. Ланчиков, политкорректной заменой термина «буквализм», это разные вещи.) Вопрос о том, хорош или плох буквализм, не имеет особого смысла. Важно, как и зачем он применяется, что получается на выходе. «Очуждение» и «освоение» – термины, переносящие разговор в более осмысленное русло. Нужно ли, чтобы переводной текст звучал так, как будто изначально был написан на ПЯ? Именно этим вопросом задавались Гёте и Шлейермахер. Я повторю ещё раз – Шлейермахер видел два варианта перевода: в одном случае немецкий, скажем, переводчик с латыни представляет, как бы римлянин написал то же произведение, *будучи немцем*. В другом случае, переводчик переводит так, как написал бы римлянин, знающий немецкий язык, но *остающийся римлянином*. Конечно, во втором случае текст будет звучать менее естественным для носителей немецкого языка, будет странным, иностранным – каковым он, по сути, и является. Отечественная школа перевода в большей степени склоняется к первому методу. За естественность приходится платить подменой – мы притворяемся, что книгу написал русский автор.

Осваивающий метод игнорирует связь между языком и мышлением. Англичанин структурирует реальность иначе, чем русский. Русский, читающий английский роман в оригинале, неизбежно чувствует это. Это же напряжение может сохраняться и в русском переводе, оно имеет право на существование. Вот, скажем, сцена дуэли из сборника «Напевы немецкой шарманки» в переводе Л. Гинзбурга:

> «Презренный пес!» — «Кровавая собака!»
> В старинном парке возгорелась драка.

Эта «кровавая собака» — явно не русская, она — часть немецкой образной системы, которую Гинзбург бережно сохраняет, не боясь утрудить читателя. По-русски так не говорят, это элемент очуждения, «иностранный акцент».

В ходе заседания Клуба переводчиков я привела другой – очень простой – пример. Мне встретились как-то размышления переводчика с японского, переводившего современную книжку для детей. Там мальчик видит на пляже дохлого краба и спрашивает маму: «Господин краб спит?» По-русски этот «господин краб» смотрится странно. Можно сделать вид, что это – русская сказка и перевести: «Мам, крабик спит?» А можно перевести буквалистически, сохранить слово «господин» – при этом неизбежно возникнет эффект очуждения. Ребёнок споткнётся на этой фразе, ему придётся вспомнить, что это – японская сказка, перед ним мелькнёт образ другой страны, другой культуры, где даже дохлого краба величают господином.

По поводу этого примера возникло разногласие. В. Ланчиков сказал, что это – не буквализм, потому что не был нарушен узус.

В XIX веке в русской сказке вполне мог появиться «господин краб». Но, во-первых, буквализм не обязательно нарушает узус. Во-вторых, напомню, это была современная сказка – то есть современная норма языка оказалась нарушена, сдвинута. Возникла странность текста, которой нет для читателя оригинала.

Совершенно бессмысленно спорить о том, какой из подходов лучше или правильнее. Обычно в таких случаях оппоненты уверенно ссылаются на интересы автора или на интересы читателя. Ну, мнением автора, как правило поинтересоваться не удаётся. Да и на мнение читателя ссылаются по большей части голословно. «Как быть, – пишет, например, В. Ланчиков, – если рядовые читатели хотят читать вот эту книгу вот этого автора, а не выступать в роли подопытных кроликов в остроумном лингвокультурологическом эксперименте». Эта забота о «рядовом читателе» – чистой воды лицемерие. Тот же В. Ланчиков едва ли согласится выполнить пожелания читателей «Гарри Поттера» – а ведь их взгляды на перевод подробно изложены на многих фанатских сайтах. Как ни странно, хотят они большей «точности», которую понимают как буквальность. Да, большинство их претензий смешны и безграмотны – но вот эти люди и есть рядовые читатели, прошу любить и жаловать.

Наверное, правильно будет сказать, что нет никакого усреднённого «рядового» читателя, есть очень разные читатели, и нужно им разное. Сосуществование в культуре разных переводческих методов продуктивно и необходимо, а попытка предписать всем единый шаблон – заведомо провальна. Особенно учитывая, что переводчики и между собой не могут договориться, что звучит «естественно», а что нет. Иногда это поколенческое различие – я, например, воспринимаю «скелет в шкафу» как английскую идиому, а 22 из 25 студентов переводческого семинара посчитали это «нормальным русским выражением».

Степень формальной точности перевода может зависеть от многих факторов: от типа и жанра текста, от переводческой задачи, от лингвокультурной ситуации. Несомненно, чем больше в переводе очуждающих стратегий, тем большего сотрудничества он требует от читателя (отсюда заведомо более узкий, более подготовленный читательский круг). И переводчику действительно приходится, пользуясь выражением В. Ланчикова, «*брать в руки указку*» и растолковывать те нюансы текста, которые он не смог передать в переводе. В этом нет ничего зазорного. Вне зависимости от переводческого метода, переводчик не может передать все особенности переводимого произведения (формальные или смысловые). Шекспир очень проигрывает без примечаний. Вот, например, что пишут переводчики в послесловии к роману А. Байетт «Обладать»:

«*Переводческая работа над таким произведением подчас приводит в отчаянье: к каким ухищреньям ни прибегай, без указки в виде сносок и комментариев не обойтись – иначе от читателя ускользнёт что-то очень важное, едва ли не самое важное в книге.*» (В. Ланчиков, Д. Псурцев.)

Буквализм как орудие прорыва

Понятие «адекватности» перевода – скорее интуитивное, чем формально точное. Тем не менее вполне понятно, что критерий «адекватности» пытается закрепить некоторый *status quo*: нормативность, традиционность, современное состояние языка. Однако нет никаких оснований считать «адекватность» последней и окончательной истиной. Нет повода для вселенского самодовольства. Многие вопросы художественного перевода остаются нерешёнными, и «адекватный» перевод не может предложить никакого удовлетворительного выхода.

Взять хотя бы переводы просторечия, диалекта, негритянского английского, речи англичанина в Америке и американца в Англии. Адекватный перевод на все эти случаи не предлагает ничего более выразительного, чем нейтральное просторечие. В сущности, роман Марка Твена «Приключения Гекльберри Финна» толком не переведён на русский язык. Потому что это, помимо прочего, роман об американском разноречии. Вот что говорится в авторском предисловии к роману:

«*В этой книге использовано несколько диалектов, а именно: негритянский диалект штата Миссури, самая резкая форма захолустного диа-*

лекта Пайк-Каунти, а также четыре несколько смягчённых разновидности этого последнего. Оттенки говора выбирались не наудачу и не наугад, а, напротив, очень тщательно, под надёжным руководством, подкреплённым моим личным знакомством со всеми этими формами речи».

Единственной робкой попыткой маркировать по-русски речь негров было введение в некоторых переводах романов Американского Юга словечка «масса» (молодой хозяин). Это, конечно, капля в море, и на сегодняшний день задача кажется нерешаемой.

Однако история перевода показывает, что то, что было непереводимо в одну эпоху, становится переводимым в другую – это происходит при более глубоком проникновении в чужой язык и культуру. Знаменитый – и очень «вольный» – переводчик Шекспира А.В. Дружинин (1824—1864) писал в предисловии к переводу «Кориолана» (1858): *«Признавая вполне, что в настоящее время, при настоящем положении русского языка и малом знакомстве нашей публики с Шекспиром, буквальный перевод некоторых Шекспировых фраз положительно невозможен, – мы этим никак не хотим сказать, чтобы он был невозможен и на будущее время. Несколько лишних десятилетий продвинут дело лучше всяких усилий со стороны переводчиков»*[6].

Переводческий прорыв редко происходит безболезненно. Очень часто экспериментальные, буквалистские переводы не находят понимания у «рядовых читателей» и становятся, по выражению М. Гаспарова, «переводами для производителей». Но они прокладывают дорогу другим.

По законам вообщистики

В.К. Ланчиков

Стало быть, глаз по-прежнему зажмурен. Самые существенные претензии к высказанной в первой статье позиции – смешение авторского и языкового, цели, метода и результата, голословное приписывание переводчикам «советской школы» переводить «не так, чтобы было по-русски» и многое другое – остались без ответа. Тогда – сразу о том, что ответа удостоилось: об определении буквализма, предложенном в новой статье.

Итак, отвергая определение представителей отечественной лингвистической школы перевода (отчасти потому, что «англо-американская традиция не знает разделения на "хорошую" и "плохую" формальную точность»), А.Л. Борисенко предлагает считать буквализмом «перевод, который стремится как можно точнее передать форму оригинала (независимо от того, нравится исследователю результат такого перевода или нет). Это вполне пригодное рабочее определение, к которому нужно сделать несколько оговорок (я подчёркиваю, что речь идёт не об исчерпывающем определении, а об уточнении понятия). Переводчик, как правило, стремится передать лишь отдельные элементы формы, потому что все элементы формы (как и все элементы смысла) передать невозможно <...> Буквализм часто ставит формальную точность выше естественности (термин *естественность*, так часто звучащий в работах теоретиков перевода, нуждается в отдельном уточнении)».

[6] Цит. по: Нелюбин Л., Хухуни Г. История и теория перевода в России. — М.: Московский педагогический университет, 1999.

Я нарочно привёл это определение почти полностью, чтобы избежать упрёков в искажении авторских взглядов, хотя остаётся загадкой, как можно отстаивать правомерность метода, которому ты не в состоянии дать исчерпывающего определения, или как метод перевода можно определять только через стремление переводчика. Но, видимо, это пустяки. Из определения следует, что переводчик-буквалист в своём стремлении ограничен лишь невозможностью передать некоторые элементы формы, а то, что воспроизводимо, добросовестно передаётся (по крайней мере, о других ограничениях на формальную точность ничего не сказано ни в самом определении ни в пространной цитате из работы М.Л. Гаспарова). Что ж, предлагаю вниманию читателей перевод первого абзаца опубликованной выше статьи А.Л. Борисенко на английский язык, выполненный *в полном соответствии с этим определением*.

This article was to present an answer to the article by V. Lanchikov "Penthouse of Ivory," which, in its turn, was an answer to my article "Don't Cry: Literalism!". To be more accurate, it, contrary to its subtitle, WAS NOT an answer, because the word "answer" leads to the thought about a dialogue, where the interlocutors not only speak, but listen. Here nothing likely was observed. V. Lanchikov argumentatively, passionately, manywordedly objects to what I had not said. The review twice surpassed the original utterance in volume and left a feeling of perplexity.

Для сравнения – другой перевод, сделанный носительницей английского языка, которая придерживается менее прогрессивных методов.

This article was intended as a response to V. Lanchikov's article "An Ivory Penthouse," which was, in turn, a response to my article "Don't Cry Literalism." His article, despite its subtitle, was *not* in fact a "response," since the word implies the existence of a dialogue, in which participants listen as well as speak. There was nothing of the kind in this case – V. Lanchikov constructed a passionate and lengthy objection to ideas not presented in the work he was analyzing. His article, almost twice as long as my original essay, leaves one with a distinct feeling of bewilderment.

Если А.Л. Борисенко предпочитает, чтобы англоязычные читатели составили представление о её авторском стиле по первому переводу, больше напоминающему переводы первокурсников, что тут возразишь? Но я сильно подозреваю, что у большинства авторов, отечественных и зарубежных, иные вкусы, как бы продвинуты эти авторы ни были. Впрочем, автор для буквалиста – не более чем представитель национальной культуры, а личные предпочтения среднестатистической единицы – мелочь, которой можно пренебречь.

Если же первый перевод всё-таки покажется А.Л. Борисенко неудовлетворительным, возможны три объяснения: или определение подкачало (тогда какой, собственно, метод защищается?), или буквализм не столь уж безобидный метод (я склоняюсь к этому объяснению) или «переводчику не хватило мастерства».

А переводчик возьмёт и упрётся: «Нет, хватило! Это вы ничего не понимаете». Вот и извольте объяснять, что именно в этом переводе выказывает недостаток мастерства, если все критерии оценки, кроме распутинского: «Я так вижу...», сданы в архив за ненадобностью, ибо «все заявленные критерии субъективны». Ведь «от стиховедения никто не ждёт, что, прочитав учебник, поэт будет лучше писать стихи. (Или что все стихотворные размеры будут расклассифицированы на плохие и хорошие)».

Здесь-то и кроется самое существенное расхождение наших позиций. За взглядами А.Л. Борисенко чувствуется отношение к переводу как к самостоятельному литературному творчеству. Отсюда и пренебрежение автором, зачем-то путающимся под ногами. Отсюда и отрицание каких-либо переводческих закономерностей, мешающих полёту вдохновения. Отсюда и постоянное желание провести сомнительную аналогию между переводоведением и тем же стиховедением и постоянное нежелание учитывать практическую сторону перевода.

Видимо, стоит напомнить, что по самому определению перевод – это вторичный коммуникативный акт. Вто-рич-ный. Поэт создаёт сам и волен в выборе размера. Переводчик *вос*-создаёт то, что написал автор. Это означает, что по молчаливому уговору между автором, переводчиком и читателями переводчик всего лишь воспроизводит коммуникативное намерение автора. Если же автор прибег к естественному способу выражения, а переводчик передал его формально точным, но не узуальным, он нарушает договор: не выполняет свою обязанность перед автором

и вводит читателей в заблуждение. Хоть бы предупредительный знак повесил: «Здесь самовыражаются!» А то ведь англоязычный читатель так и останется при мнении, что для стиля А.Л. Борисенко характерны лихие неологизмы вроде "many-wordedly".

Впрочем, в искренность этих доводов А.Л. Борисенко всё равно не верит, называя подобную заботу об интересах читателей лицемерной. А всё потому, что я, по мнению А.Л. Борисенко, не пошёл бы на поводу у не в меру горячих поклонников «Гарри Поттера». Что ж, если врач смеет утверждать, что ему дорого здоровье пациента, но при этом предпочитает назначать курс лечения самостоятельно, то он, по логике А.Л. Борисенко, тоже, видимо, неискренен. Но это так, к слову. Важно другое. Желание у читателей «Гарри Поттера» «большей "точности", которую понимают (кто? почему?) как буквальность» не означает, что эти читатели не имеют того же молчаливого уговора с автором. Просто они видят передачу коммуникативного намерения автора в этой пресловутой точности, которую и понимают в меру своих познаний в английском и русском языках. По сути переводчик и должен стремиться к точности, вопрос только в том, к какой именно. Профессиональный переводчик знает, что формальная точность подчас (хотя и не всегда) приводит к искажению более существенной содержательной точности. Рядовой читатель книги Роулинг, который до этого едва ли и брался за сравнение оригиналов и переводов, таких тонкостей может не понимать. И выполнить свой профессиональный переводческий долг, защитив интересы такого читателя, вовсе не означает стоять у входа на фанатский сайт с полотенцем на руке: «Чего изволите-с?»

Так вот о договоре между автором, переводчиком и читателем. Возьмём пример с «кровавой собакой» из перевода Л.В. Гинзбурга, оказавшейся там как «часть немецкой образной системы, которую Гинзбург бережно сохраняет, не боясь утрудить читателя. По-русски так не говорят, это элемент очуждения, "иностранный акцент"». Но откуда читателю догадаться, что утруждает его не автор, а переводчик? Откуда ему знать, что это не индивидуальное авторское употребление, а расхожее выражение?

Ну да этот пример заслуживает отдельного разбора и по другой причине. Как видно, история перевода действительно держится на комплотах, потому что эту самую «кровавую собаку» упомянул и другой переводчик – Ю. Корнеев: «Прочь лапы, Гиз, кровавая собака!». Только перевод это не с немецкого, а с английского – трагедия Кристофера Марло «Парижская резня». Но самое удивительное, в оригинале «собаки» и помину нет: "Thou traitor, Guise, lay off your bloody hands!" Тем не менее переводчик почему-то не услышал в этом выражении иностранного акцента и смело ввёл его в перевод без всякой оглядки на немецкую или английскую образную систему.

Это выражение так меня заинтересовало, что я по примеру А.Л. Борисенко обратился к помощи «Яндекса», и вот какие типичные контексты он выдал:

В той же газете «Гигант Бурятии» регулярно публикуются отчеты о привлечении денег на нужды обороны: «Пусть знает **кровавая собака** Гитлер, что мы, бойцы трудового фронта, для его уничтожения не пожалеем ничего».

Президента Югославии Тито в последние годы жизни Сталина в СССР называли не иначе как «**кровавая собака**» (не желая Тито, хоть и был коммунистом, ползать перед Сталиным на брюхе!).

Цзян Цинго писал в графе «родители» об отце: «Чан Кайши – **кровавая собака** черной китайской реакции».

Этот рассказ 1924 года показывает, что знаменитые формулы «иудушка Троцкий», «**кровавая собака** Тито», «и примкнувший к ним Шепилов», «ограниченный контингент советских войск в Афганистане» лишь продолжают то одеревенение языка, ту боязнь самостоятельной мысли и слова, которые начались с первых дней коммунистического режима.

Кажется, Гинзбург не первый начал приобщать читателя к немецкой образной системе[1]...

[1] Противоположную ошибку совершил Р. Пивер, передавший в переводе «Войны и мира» выражение «прозрачный звук» как "transparent sound", потому что это-де «чисто толстовский эпитет». Д.М.Бузаджи и С. Гомберт на блоге газеты «Нью-Йорк Таймс» показали, что это «толстовское» словосочетание встречается в произведениях А.А. Фета, А.А. Блока, К.Д. Бальмонта, В.В. Набокова, Ю.Н. Тынянова, за что им тоже пришлось выслушать от Пивера упрёк в нападках идеологического свойства. Более серьёзных доводов приведено не было. Подробнее с этой полемикой можно познакомиться на сайте «Думать вслух» (http://www.thinkaloud.ru/reviews/buz-gom-pevear.html).

Я бы не стал останавливаться на этом случае так подробно, если бы он не показывал со всей отчётливостью, что бывает, когда редактор, критик или преподаватель перевода единственным мерилом выставляет собственное «чувство языка». Как легко на этом основании объявлять, что некий оборот или конструкция «явно не русские», «по-русски так не говорят» (как будто русский язык сводится к одним клише и может пополняться лишь за счёт иноязычных калек) – и как легко при этом совершить ошибку, да ещё и другим её навязать.

Но вернёмся к двум переводам начала статьи «Ещё раз о буквализме». Не исключено, что А.Л. Борисенко одобрит оба варианта. Что ж, можно вслед за Мао Цзедуном призывать к тому, чтобы и в переводе «расцвело сто цветов». Но, если спуститься с неба на землю, где обычно и произрастает всякая флора, мы обнаружим, что для ста цветов места маловато. Чтобы издатели при наличии уже опубликованного перевода потратились на заказ нового (тем более, если это сопряжено с покупкой прав на произведение) – такое бывает крайне редко: выгоднее за бесценок приобрести готовый перевод, каково бы ни было его качество и каких бы принципов ни придерживался переводчик. Так что порадовать читателей многообразием переводческих подходов на одном и том же материале сегодня дело почти немыслимое. Многие авторы обречены существовать только в одном переводе на русский язык, и от качества этого перевода зависит и отношение к автору читателей, а следовательно, и восприятие автора в русской культуре.

Но это ещё полбеды. Не надо быть цветоводом, чтобы понять, во что превратится клумба, если садовник в надежде увидеть на ней сто цветов откажется от прополки и удобрения, а вместо этого будет преспокойно изучать то, что на ней вырастает, никак не применяя выводы из своих наблюдений на практике, ибо не дело науки вмешиваться в творческие порывы природы. Бог бы с ним, с цветоводством: кому нравятся розы, а кому и чертополох (хотя бы как «часть шотландской образной системы»). Но страшно подумать, что случилось бы, если бы представления А.Л. Борисенко о прикладных науках (к которым относится и переводоведение) прижились, например, среди ботаников, занимающихся лекарственными травами. Вряд ли покупателей, которые выпили такого настоя и схватились за живот, привели бы в прежнее весёлое расположение духа доводы о том, что «не дело ботаники навешивать на растения ярлыки», что «нужно очистить от отрицательных коннотаций волчью ягоду», что «современному пациенту хочется не лечиться, а посотрудничать с ботаником-экспериментатором» или что «борщевик в своё время развели как ценное сельскохозяйственное растение, а значит у гонителей борщевика нет исторической перспективы».

Сегодня принято объяснять обилие сорняков на клумбе художественного перевода тем, что переводчикам мало платят. Но это лишь одна из причин и, возможно, даже не главная. Главная, на мой взгляд, состоит в утрате представления о норме перевода. Не догме, а именно норме, в рамках которой допустимы разные подходы к решению одной задачи. Такие разные, как подходы Н.М. Любимова и В.П. Голышева.

Тут к месту будет упомянуть ещё один пункт наших с А.Л. Борисенко разногласий. В опубликованной выше статье утверждается: «Традиционно теория перевода у нас тесно связана с практикой и направлена на выработку рекомендаций, "рецептов молодым переводчикам"». Мне же представляется, что связь между теорией и практикой у нас как раз недостаточная. Виноваты в этом и теоретики, часто витающие в эмпиреях (недавно на предзащите кандидатской диссертации по переводоведению я тщетно допытывался у аспирантки, в чём состоит практическая ценность диссертации, и на меня смотрели как на нарушителя академического благочиния). Виноваты и переводчики, считающие любую помощь со стороны теории посягательством на их свободу творчества. В итоге – парадокс из парадоксов: когда-то И.А. Кашкин из боязни возрождения буквализма отвергал лингвистический подход к теории перевода, а сегодня переводоведам-лингвистам приходится доказывать справедливость его переводческой позиции в споре с необуквалистами, видящими за его полемикой всего лишь «идеологическую привычку "борьбы" методов». Знал бы Кашкин, что пройдёт время – и ему

вместе с его последователями огульно припишут стремление переводить не так, «как будто написано по-русски», а гонимые ими лингвисты, привыкшие поверять чутьё фактами языка, будут защищать их от напраслины. Вот вам и связь между теорией и практикой!

Несколько слов об исторической перспективе. «Откуда вообще взялась идея, что должен "победить" один переводческий метод на все времена?» – спрашивает А.Л. Борисенко. Спасибо за подарок, но дарить оппонентам мысли, которые они не высказывали – это, право, излишняя щедрость. В истории перевода чего только не бывало, но мы, если не ошибаюсь, говорим о буквализме *здесь и сейчас* (о будущем предоставим гадать оракулам). Историзм же состоит не в том, чтобы отметить прошлые заслуги буквализма в слабо связанных или даже никак не связанных с переводоведением областях и на этом основании считать буквализм почётным и неприкосновенным орудием переводчика на все времена, а в том, чтобы ещё и объяснить истоки буквалистских тенденций в каждую эпоху. Отстаивать буквализм сегодня, ссылаясь на историю возникновения литературного языка значит не замечать, что со времён Кирилла и Мефодия в состоянии русского языка произошли кое-какие перемены. Всякому рецидиву буквализма в былые времена было своё объяснение. Например, в прошлой статье я писал, что наиболее вероятная причина самого пышного за последние три столетия расцвета буквализма (1920–1930-е гг.) – стремление переводчиков по-своему ответить на призыв: «Отречёмся от старого мира, отряхнём его прах с наших ног». Применительно к тому времени это объяснение наверняка представляется более правдоподобным, чем потребность тогдашней духовной элиты постичь чужую культуру «вглубь», которой объясняет любые всплески буквализма М.Л. Гаспаров, чьей концепции придерживается А.Л. Борисенко.

Спрашивается, кто же рассматривает буквализм вне временного и культурного контекста: автор статьи «Не кричи: "Буквализм!"» или ваш покорный?

Теперь – о несогласии А. Борисенко с теоретиками лингвистического подхода к переводу. А. Борисенко не устраивает определение адекватного перевода, данное В.Н. Комиссаровым. По её мнению, единственное место, где переводовед не напустил туману, это там, где сказано, что «под "адекватным" переводом понимается "хороший" перевод». Но так ли это определение беспомощно, как изображает его суровый критик?

О непонятных А.Л. Борисенко «прагматических задачах переводческого акта» подробно пишет и тот же В.Н. Комиссаров, и А.Д. Швейцер. Видимо, их действительно можно понимать по-разному, но, как показывает практика, и у носителей языка оригинала, и у толковых переводчиков, и у опытных редакторов на этот счёт в большинстве случаев наблюдается удивительное единодушие.

Если выражение «максимально возможный уровень эквивалентности» действительно так загадочно, то поясню. Как известно, и у Комиссарова, и у Швейцера уровни эквивалентности выстроены в иерархическую систему. Соответственно, «максимально возможный уровень эквивалентности» достигнут, если перевод, выполняя заложенную в оригинале прагматическую задачу, не нарушает нормы и узуса языка перевода, и при этом выполнить перевод на более высоком уровне эквивалентности, но при соблюдении тех же условий невозможно. Наверное, в определение адекватности стоило бы внести все эти пояснения, но нас разбаловали студенты, которые год за годом удачно обходятся и без них.

Радует, что в ответе А.Л. Борисенко приведены определения узуса и языковой нормы (причём взятые из академического источника, а не как примеры «расхожих представлений»), однако, к сожалению, приведены не совсем по делу: изменения нормы и узуса в языке действительно происходят, но разве из этого следует, что на переводчика возлагается задача изо всех сил этому содействовать? Вообще, в этом отрывке А.Л. Борисенко ближе всего подходит к пониманию позиции оппонентов, но тут же опять отходит: «На практике обычно считается, что если автор употребляет, скажем, необычное сочетание (не зафиксированное в словарях, не употребляемое другими авторами), то и переводчик имеет право сделать то же самое. Но из определения адекватности это не следует».

С первой мыслью можно согласиться полностью, со второй – никак. Дело в том, что если автор художественного произведения (тип текста оговорить необходимо) употребил необычное сочетание, то прагматическая задача такого употребления во многом (а в некоторых случаях – исключительно) эстетическая. Соответственно, определение адекватности предписывает переводчику передать это явление таким образом, чтобы необходимый эстетический эффект в переводе был воспроизведён. В этом случае переводчику можно и нужно пойти на языковое новаторство вплоть до создания новых слов и непривычных словосочетаний, но с учётом сложившейся в языке традиции «создания непривычного» и всё той же нормы и узуса. Если же переводчик начнёт с размаху творить, не считаясь с традицией и внутренней логикой своего языка, то коммуникативный эффект будет так же не передан, как и в случае полного отказа от новаторства.

Получается прелюбопытная картина. В процитированном выше предложении – «если автор употребляет... необычное сочетание... то и переводчик имеет право сделать то же самое» – А.Л. Борисенко почему-то обращает внимание только на вторую часть («имеет право») и стремится уверить читателя, что определение адекватности за переводчиком такого права не оставляет. Как мы убедились, это отнюдь не соответствует действительности, как бы ни хотелось буквалистам записать сторонников лингвистической теории перевода в отъявленные гладкописцы. Но давайте посмотрим на первую часть фразы – «если автор употребляет... необычное сочетание». В определении адекватности это условие чётко оговорено: оценивая коммуникативный эффект отрезка оригинала и определяя прагматическую задачу, переводчик как раз обязан учитывать степень нормативности и узуальности высказывания. Однако сама А.Л. Борисенко в поддержку буквалистического метода приводит какие угодно доводы кроме тех, что связаны с характером оригинала. В другом месте, правда, А.Л. Борисенко роняет фразу о том, что «буквализм не обязательно нарушает узус». Но в том то и дело, что, если бы сторонники буквализма задались целью точно, без общих фраз описать, когда, собственно говоря, формальная точность нарушает узус и почему передавать её можно и нужно, а когда она не нарушает узус и почему это тоже можно и нужно, то в итоге они пришли бы примерно к тому же определению, что у Комиссарова. Однако поиск определений, анализ, проверка результатов – это долго и скучно. Гораздо интереснее отказаться от всяких определений и на вопросы «почему?» и «зачем?» беззаботно отвечать: «А так тоже можно!»

Странно всё это. История «вообще». Формальная точность «вообще». Перевод «вообще» (как будто проза, поэзия, сакральные тексты – явления одного порядка). Язык «вообще» (об авторском стиле ни слова). И при этом отсутствие исчерпывающего определения и ни одного мало-мальски показательного примера – не на уровне отдельных лексических заимствований, а хотя бы связного отрывка. Видимо, по мнению А.Л. Борисенко, такой и должна быть теория перевода – «дым, туман, струна звенит в тумане». Не пути, а направления, не критерии, а ощущения, не методы, а стремления. Но теория, которая вместо конкретных фактов и факторов опирается на отвлечённые и не выдерживающие никакой критики схемы, – не что иное, как питательная среда для шарлатанства и индульгенция для серости, возомнившей себя оригинальностью. Ибо, что бы ни говорила А.Л. Борисенко об автономности науки, завтра любой неумёха в споре с редактором сможет оправдывать свой косолапый перевод тем, что это просто один из ста цветов, и притом экзотический, и что его перевод «прокладывает дорогу другим». Ох, проложит! И мне, человеку, который может завтра оказаться его редактором или читателем, это небезразлично. Отсюда и «назидательный тон» и «идеологическая риторика», которые увидела в моей статье А.Л. Борисенко. Хотя, с высоты пентхауса из слоновой кости, эти вполне земные заботы действительно могут показаться «идеологической привычкой “борьбы” методов».

P.S. О том, что М.Л. Гаспаров знал армянский язык, я слышал от знавшего его сотрудника Института русского языка Эдуарда Арутюновича Григоряна (к сожалению, уже покойного). Если эти сведения не соответствуют действительности, приношу свои извинения.

Идите вы в арбитраж!

Ошибки и ловушки в юридическом переводе

Т.П. Некрасова

Ошибка в переводе – вещь, конечно, неприятная. Утешают два обстоятельства. Во-первых, от ошибок никто не застрахован, ведь не ошибается только тот, кто ничего не делает. А во-вторых, ошибка переводчика – не вселенская катастрофа. Тем не менее, ущерб всякие переводческие неточности и неправильности нанести могут. Какого рода ущерб? Ну, например, может пострадать стройность юридической аргументации, если в её основе лежит хотя бы один переводной документ, в котором допущены такие неточности. Или может возникнуть серьёзный спор между участниками правоотношений в результате того, что они по-разному толкуют одно и то же понятие. И происходит это не столько потому, что стороны вовремя не договорились о терминах и определениях, сколько потому, что они принадлежат к разным правовым системам, в одной из которых имеются терминологические казусы. Нетрудно догадаться, что система с казусами – это наша родная, российская правовая система.

Не так давно мне довелось переводить на английский статью об обеспечительных мерах. В этой статье анализировалась возможность принятия в России обеспечительных мер в ходе ведения дела в зарубежном арбитраже. Материал для перевода был, надо сказать, не самый простой. Переводческие ловушки попадались почти на каждой странице. Сама же статья представляла собой одну большую языковую головоломку, поскольку в переводе нужно было, прежде всего, корректно передать разницу между несколькими базовыми понятиями, которыми оперирует российская судебная система, где терминологическая путаница в некоторых вопросах способна сбить с толку кого угодно.

Необходимо было показать различие между арбитражем (*arbitration*) в общемировом, так скажем, понимании этого термина и арбитражными судами РФ, которые называются арбитражными в определённой степени условно, в силу традиции, и являются, именно в смысле названия, отголоском существовавшей в СССР системы Госарбитража. Как говорилось в Положении о Государственном арбитраже, утверждённом в далёком 1931 году, создан он был «для разрешения имущественных споров между учреждениями, предприятиями и организациями обобществлённого сектора». Арбитражем этот наполовину судебный, наполовину административный орган был назван по не совсем понятным причинам. Однако в те времена никакой терминологической путаницы не возникало, поскольку в Советском Союзе международный коммерческий арбитраж распространён, естественно, не был. Нынешние арбитражные суды РФ являются государственными судами, в компетенцию которых входит, по большей части, разрешение экономических споров между юридическими лицами, и ничего общего с тем, что западное право понимает под термином *arbitration*, они не имеют. Определение *arbitration*, содержащееся в Black's Law Dictionary, звучит следующим образом:

> a process of dispute resolution in which a neutral third party (*arbitrator*) renders a decision after a hearing at which both parties have an opportunity to be heard.

Перевод:

> порядок разрешения споров, при котором решение выносится беспристрастной третьей стороной (*арбитром*) после проведения слушания, где обе стороны имеют возможность быть выслушанными.

Вот и приходится в переводе либо добавлять *state arbitration court*, либо использовать такой вариант, как *artitrazh court*, сигнализируя необычным написанием, что это какая-то российская специфика, как это предлагает в своём Русско-английском юридическом словаре У.Э. Батлер, либо отказываться от фонетически сходных вариантов вовсе и переводить по смыслу. Именно этим путём пошли А.Н. Жильцов и П.Б. Мэггс в своей английской версии Гражданского кодекса РФ, переведя российский арбитражный суд как *commercial court*.

Справедливости ради стоит сказать о том, что от этой проблемы с переводом названий наших судов не остаётся в стороне и сам Высший арбитражный суд (ВАС) РФ. На сайте lawfirm.ru (интернет-ресурс, обеспечивающий доступ к юридическим и адвокатским услугам и консультациям) мелькнула информация о том, что отдел международного частного права ВАС «подготовил глоссарий для "внутреннего" пользования, где государственные арбитражные суды называются не Arbitrazh Courts, а Commercial Courts».

Как в Интернете, так и в периодической печати ведутся дискуссии о необходимости переименования российских арбитражных судов. Дискуссии не особо жаркие, но отдельные представители юридического сообщества являются весьма активными сторонниками идеи переименования. На интернет-ресурсе http://law-news.ru/up/u35/ мне попалась статья «Международный коммерческий арбитраж на пороге нового тысячелетия» (изначально опубликованная в журнале «Право и экономика», № 10, 2000). Автором статьи является Анатолий Павлович Белов – специалист по вопросам внешнеэкономической деятельности, заслуженный юрист РСФСР. Вот что он пишет:

«Государственные и третейские суды именуются одним и тем же термином "арбитражный суд", что совершенно недопустимо, поскольку вызывает путаницу и непонимание спорящих сторон в вопросе о том, в какой суд им обращаться при наличии арбитражной оговорки в контракте. Для ... иностранных предпринимателей термин "арбитражный суд" (Arbitration Court) означает только "арбитражный (третейский)" суд и ни в коем случае не "государственный арбитражный суд". Это не просто терминологический вопрос, ибо смешение понятий в терминологии приводит к негативным последствиям для спорящих сторон в виде задержки защиты своих прав и излишних материальных потерь. Этот важный вопрос требует скорейшего разрешения путем переименования государственных арбитражных судов в экономические либо коммерческие или хозяйственные суды, как это имеет место в законодательствах иностранных государств...»

Заглянув в историю российского судопроизводства, можно даже позволить себе утверждать, что это не столько переименование, сколько возвращение к истокам, поскольку историческими прототипами современных российских арбитражных судов являются коммерческие суды, которые существовали в дореволюционной России. Если бы подобные дискуссии увенчались внесением изменений в законодательство, польза от этого была бы несомненной. Дело даже не в том, что это облегчило бы жизнь переводчикам. Переводчики – люди изобретательные, всегда сообразят, как выйти из положения. Это, конечно, избавило бы их от проблемы выбора языковых средств для передачи хотя бы одной этой российской специфики. Но, главное, это сделало бы нашу судебную систему более понятной для всего остального мира, в котором *arbitration* ну никак не стыкуется с идеей разбирательства в государственном суде.

Как ни странно, Украина, где демократические преобразования порой принимают весьма своеобразные формы, оказалась в этом вопросе если не прогрессивнее России, то уж точно шустрее. Несколько лет назад там было проведено то, что позже окрестили «малой судебной реформой». В рамках этой реформы арбитражные суды были переименованы в хозяйственные (*укр.* господарський суд). Нельзя сказать, что прилагательное «хозяйственный» так уж легко поддаётся переводу во всех случаях, но в судебном контексте его можно перевести либо как *economic*, либо даже как *commercial*. Ведь разрешение хозяйственных споров в суде по-английски будет *commercial litigation*.

Какому варианту перевода отдать предпочтение, каждый решает для себя. Опыт показывает, что, например, в устном переводе на переговорах между иностранной компанией, которая столкнулась в России с серьёзны-

ми налоговыми проблемами, и российскими юристами, которые, оценив ситуацию, рекомендуют компании обратиться в арбитражный суд, вовремя прибавленное к *arbitration court* слово *state* может сослужить переговорщикам с обеих сторон добрую службу. Одним это помогает хоть немного сориентироваться в нашей судебной системе, а других избавляет от необходимости вдаваться в детали судопроизводства, по крайней мере на этапе принятия принципиального решения – идти в суд или урегулировать вопрос во внесудебном порядке (*out of court*).

Встречается и ещё один вариант перевода термина «арбитражный суд». О нём имеет смысл сказать несколько слов исключительно для предотвращения возможных ошибок. *Arbitrage court* – вариант не только самый неудачный, но и откровенно неправильный. В отличие от слова *arbitrazh*, которого в английском языке нет, слово *arbitrage* существует. Более того, оно имеет статус термина и даже может встретиться в юридических словарях, однако отношение этот термин имеет скорее к финансам, чем собственно к праву. В такой правовой энциклопедии, как Black's Law Dictionary, его просто не могло не быть. Определение его звучит следующим образом:

> The simultaneous purchase in one market and sale in another of a security or commodity in hope of making a profit on price differences in the different markets.

Если говорить коротко, то это – игра на разнице. За профессиональным объяснением стоит обратиться к специализированным финансовым словарям, например, к Новому англо-русскому банковскому и экономическому словарю под редакцией Б.Г. Фёдорова, который даёт следующее толкование этого термина:

> Одновременная купля и продажа одного и того же финансового инструмента или товара (или сходных инструментов) на разных рынках с целью получения прибыли от расхождения цен...

В общем, если *arbitrage* и имеет отношение к юриспруденции, то употребляется этот термин скорее в финансово-правовой сфере, нежели в судебном контексте.

В этой связи заслуживают внимания ещё несколько различительных моментов. *Arbitrator* не следует путать с *arbitrage(u)r*. Первое лицо – это арбитр, третейский судья, а второе – арбитражёр, т.е. тот, кто занимается арбитражными операциями, той самой пресловутой «игрой на разнице».

Иногда путают прилагательные *arbitral* и *arbitrary*. Первое имеет самое непосредственное отношение к арбитражу, второе с арбитражем никак не связано. *Arbitral* – это арбитражный. *Arbitral proceedings* = *arbitration proceedings* – арбитражное разбирательство. Решения арбитражных (третейских) судов называются *arbitral awards* или *arbitration awards*. Что же касается прилагательного *arbitrary*, то 4-е издание American Heritage Dictionary 2001 года определяет его так: *determined by chance, whim, or impulse* и даже *not limited by law, despotic*. По-русски это значит произвольный (от существительного «произвол»), самовольный, своевольный вплоть до деспотического. Судебное решение, конечно, может быть охарактеризовано как *arbitrary*, но это в том случае, если при его вынесении судья руководствовался исключительно собственными соображениями и собственной логикой, а то и вовсе вышел за рамки закона.

Юридическим переводчикам нередко приходится переводить обзоры судебных решений по самым разным спорам. При переводе на английский обзора арбитражной практики по налоговым спорам (т.е. практики рассмотрения налоговых споров государственными арбитражными судами) слово «арбитражный» лучше вообще опустить, чтобы избежать ненужных ассоциаций, и озаглавить английскую версию документа как *tax litigation overview*. Это будет абсолютно адекватным переводом. Юристов, которые специализируются на разрешении налоговых споров в суде, по-английски называют *tax litigators*.

Терминология российского права может быть сколь угодно противоречивой и специфичной, поэтому переводчику нужно всё время держать ухо востро. В юридическом обиходе, на юридических форумах в Интернете, где консультации дают профессиональные юристы, и в СМИ слово «арбитраж» часто используется в значении «арбитражный суд» в нашем, российском смысле. Речь может идти о требованиях к должнику, о невозможности договориться о чём-то с контрагентом, о спо-

ре с органом государственной власти. Во многих случаях совет профессионалов будет один: смело идите в арбитраж. Поскольку подразумевается государственный арбитражный суд, то, по сути, это всё равно будет *litigation*. По-русски судебная тяжба с властями или с партнёрами может стоять, в прямом и переносном смысле, на одной строчке с арбитражем. В английском этого не может быть никогда. У нас арбитражная практика по налоговым спорам – это то же самое, что арбитражно-судебная практика по налоговым спорам. В западном праве *litigation* и arbitration – совершенно разные понятия. Это два абсолютно разных способа разрешения споров. *Arbitration* относится к альтернативным способам разрешения споров (*alternative dispute resolution*), в число которых также входят *mediation* (посредничество, медиация), *conciliation* (примирение, согласительная процедура) и другие способы. Может встретиться такое понятие, как *med-arb* – «процедура, которая представляет собой гибрид медиации и арбитража» (определение из совсем недавно вышедшего из печати Глоссария международного коммерческого арбитража Б.Р. Карабельникова), но это смешение вещей, так скажем, одного порядка. *Litigation* и *arbitration* имеют разную природу и смешиваться ни в коем случае не должны.

Немало сложностей представляет и перевод такого термина, как «арбитражный управляющий». Российским законодательством о банкротстве предусматривается четыре типа арбитражных управляющих, и их перевод – тема для отдельного разговора. Скажу лишь, что практически всю эту классификацию, на мой взгляд, лучше переводить по смыслу, исходя из определений, содержащихся в законе. Если отталкиваться от смысла, то в переводе родового понятия не будет ни *arbitration*, ни *manager*. А будет, скорее, *court-appointed administrator*. Не рискну утверждать, что это единственно правильный вариант, но он вполне адекватно передаёт смысл. Почему не будет *arbitration*, после всего вышеизложенного (говоря юридическим языком) уже понятно. Почему *adminsitrator*? Потому что именно *administrator* лучше отражает идею внешнего управления, а арбитражный управляющий – это назначенное со стороны лицо, и именно *administrator* используется в англоязычном законодательстве, регулирующем вопросы банкротства. Искать прямые соответствия, например, с английским правом, конечно, не стоит. Их просто нет. Даже такой термин, как receiver, строго говоря, не является безоговорочным аналогом нашего конкурсного управляющего. Если взять американские *certificates of good standing* (свидетельства о благонадёжности), которые выдаются, как правило, секретарями штатов, то в качестве одного из подтверждений благонадёжности указывается, что компания *is not subject to an administration order*, т.е. тот факт, что в отношении компании не введены процедуры внешнего управления. А на веб-сайте английской юридической фирмы Geldards LLP по адресу www.geldards.com можно найти Glossary of Insolvency Expressions for England and Wales. Там есть и *administration order*, и *administrator*. Их определения дают основания полагать, что *court-appointed administrator* как перевод арбитражного управляющего по российскому законодательству – вариант вполне подходящий.

В общем, прилагательное «арбитражный», в зависимости от существительного с которым оно выступает в паре, подкидывает переводчику одну загадку за другой, но разгадывание этих ребусов было далеко не самым сложным в переводе статьи об обеспечительных мерах. Наибольшая сложность состояла в другом. До иностранного читателя нужно было донести ещё одну особенность российского правового поля, как сейчас модно говорить. Особенность эта заключается в неоднозначном понимании российским законодательством термина «третейский суд». Для целей перевода неоднозначность толкования термина оборачивается необходимостью показать ещё одно различие – различие между терминами «третейский суд» и «арбитраж», которые в западной правовой практике означают одно и то же.

Рассуждения о том, что у России свой собственный, особый, путь развития мы слышим настолько часто, что они уже порядком надоели. Иногда этой особостью пытаются оправдать любую нелогичность, а то и просто глупость. Однако пока я работала над переводом статьи, меня не покидало ощущение

того, что нигде эта самая «особость» не проявляется так отчетливо, как в российской судебной системе. У нас могут являться синонимами те понятия, которые больше нигде в мире таковыми не являются, а те термины, между которыми западное право ставит знак равенства, российское законодательство разграничивает.

В статье были приведены результаты правового исследования, свидетельствующие о том, что в новом Арбитражном процессуальном кодексе (АПК) Российской Федерации, принятом в 2002 году, термин «третейский суд» имеет как минимум два значения. Первое значение – широкое, «обычно понимаемое в правовой доктрине», как говорится в статье. В широком значении термин «третейский суд» означает негосударственный суд, избираемый «самими участниками правоотношения для разрешения возникшего между ними спора» (цитата оттуда же). Для ясности приведу ещё одно определение третейского суда, которое предлагает интернет-ресурс www.treteysk-sud.pp.ru и которое показалось мне чётким и внятным:

Третейский суд – альтернатива государственной юстиции, суд третьего лица, избранного самими спорящими сторонами, которому они добровольно доверяют вынесение решения по своему делу и заранее обязуются подчиниться этому решению.

Во втором, узком, значении термин «третейский суд» подразумевает только третейские суды и международные коммерческие арбитражи, находящиеся на территории России. Автор статьи утверждает (и убедительно доказывает), что «разделение терминов "третейский суд" и "арбитраж/зарубежный арбитраж" прослеживается во многих статьях АПК». Что делать переводчику? Как переводить в данном случае «третейский суд»? Однозначного ответа и здесь нет. У. Батлер предлагает *arbitration court*. Напомню, что арбитражный суд он переводит как *arbitrazh court*, так что в его системе координат оба варианта «работают». Второй вариант перевода – *court of private arbitration* – как противопоставление *state arbitration court*. И ещё один имеющийся в распоряжении переводчика вариант – это *arbitration tribunal* (или *arbitral tribunal*). В мой перевод вписался именно он. Отчасти по соображениям сочетаемости, отчасти по соображениям смысла. Однако проблема заключалась не в том, можно или нет использовать *arbitration tribunal* в качестве перевода термина «третейский суд». Использовать, конечно, можно. Камнем преткновения была та самая своеобразная трактовка этого термина в российском правовом контексте, в то время как в англоязычном мире *arbitration court/court of arbitration* и *arbitration tribunal* означают по сути одно и то же.

Что такое *tribunal*? Как ни странно, но такой юридический словарь, как Oxford Dictionary of Law 2003 года не даёт чёткого определения этого термина, а если говорить со всей откровенностью, то и вообще никакого определения не даёт, отсылая пользователя сразу к конкретным *tribunals*, например, к *administrative tribunal*. Переведём этот термин как «административный суд» (слово «трибунал» вызывает всё-таки слишком сильные военные аллюзии). Про *employment tribunals* (суды по трудовым спорам – разновидность административных судов) сказано, что они "*exist outside the ordinary courts of law*", т.е. не являются частью системы обычных судов. Это именно тот компонент значения существительного *tribunal*, который позволяет использовать его в сочетании с *arbitration* или *arbitral* для перевода термина «третейский суд».

Если воспользоваться интернет-ресурсом www.answers.com, то к термину *tribunal* можно найти вот какие интересные комментарии:

Many bodies that are titled 'tribunals' are so described to emphasize the fact that they are not courts of normal jurisdiction.... Private judicial bodies are also often styled 'tribunals'.

Private judicial bodies – негосударственные органы правосудия. Вот что существенно, ведь третейский суд – это негосударственный орган, осуществляющий правосудие на добровольной основе и по соглашению сторон. Он может быть постоянно действующим, а может формироваться сторонами для разрешения конкретного спора. В *tribunal* тоже прослеживается идея создания этого органа для конкретной цели, для конкретного разбирательства. American Heritage Dictionary в числе значений этого существительного фиксирует следующее:

A committee or board appointed to adjudicate in a particular matter.

В пользу *arbitration tribunal* как варианта перевода термина «третейский суд» в российском правовом контексте говорило ещё одно обстоятельство. Именно этот термин был использован в англоязычном обзоре законодательства РФ, подготовленном российским подразделением одной из крупнейших в мире консультационно-аудиторских компаний. Ко мне в руки этот обзор попал несколько лет назад и запомнился как раз благодаря этому переводческому решению. По всей видимости, у специалистов, работавших над этим материалом, тоже закрадывались в душу сомнения по поводу использования *arbitration tribunal* в качестве перевода термина «третейский суд», поскольку в скобках, на всякий случай, давалась английская транслитерация русского термина. Бережёного, как говорится, бог бережёт.

Это все было про головоломку, а к переводческим ловушкам я бы отнесла такой термин, как «обеспечительные меры».

Прилагательное «обеспечительный», естественно, образовано от существительного «обеспечение». Наиболее общим английским аналогом этого термина является *security*.

предоставить что-либо в качестве обеспечения уплаты долга – to provide sth as security for debt repayment

служить в качестве обеспечения исполнения договорных обязательств – to serve as security for contractual obligations

использовать в качестве обеспечения погашения займа – to use as security for loan repayment

Выражение *to give security* встречается и в Конвенции ООН «О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений» (UN Convention on Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards). Она была принята 10 июня 1958 года в Нью-Йорке, и поэтому её часто называют просто Нью-йоркская конвенция. Эта конвенция нам ещё встретится, и называть её мы будем так же, Нью-йоркская. Статья VI данной конвенции гласит:

If an application for the setting aside or suspension of the award has been made to a competent authority referred to in article V(1)(e), the authority before which the award is sought to be relied uon may, if it considers it proper, adjourn the decision on the enforcement of the award and may also, on the application of the party claiming enforcement of the award, order the other party to give suitable security.

Официальный перевод:

Если перед компетентной властью, указанной в подпункте «е» пункта 1 статьи V, было возбуждено ходатайство об отмене или приостановлении исполнения арбитражного решения, то власть, к которой обратились с просьбой о признании и приведении в исполнение этого решения, может, если найдёт целесообразным, отложить разрешение вопроса о приведении в исполнение этого решения и может также по ходатайству той стороны, которая просит о приведении в исполнение этого решения, обязать другую сторону представить надлежащее обеспечение.

Существительное *security* может употребляться в атрибутивной функции, выступая в качестве определения к другим существительным:

security interest – обеспечительное право, обеспечительный интерес

security deposit – обеспечительный депозит, обеспечительный взнос

А вот с обеспечительными мерами эта модель не работает. *Security measures*, конечно, существуют, только переводится это словосочетание как «меры безопасности» и используется совершенно в ином контексте.

Что же делать с обеспечительными мерами? В некоторых случаях допустимо сказать *securing measures*, но это будет не строгий термин, а описательный перевод, который может использоваться, во-первых, тогда, когда в тексте указывается, что именно обеспечивается данными мерами, и, во-вторых, когда переводимый документ не является судебным документом или не имеет отношения к разбирательству в суде. Например, если мы переводим выдержку из такого языкового «шедевра», как Налоговый кодекс РФ, в статье 101 которого сказано:

«После вынесения решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения ...руководитель... налогового органа вправе принять обеспечительные меры, направленные на обеспечение возможности исполнения указанного решения, если есть достаточные основания полагать, что непринятие этих мер может затруднить или сделать невозможным в дальнейшем исполнение такого решения».

Вот здесь *measures securing enforcement of said decision....* будет вполне уместно и, к тому же,

позволит избежать тавтологии, которой грешит русский текст и которая даёт основания слегка поиронизировать по поводу его качества. Далее обеспечительные меры конкретизируются, но о том, как переводить подобную конкретику, чуть позже.

В переводимой статье упоминались рекомендации по внесению изменений в Типовой закон о международном коммерческом арбитраже (Model Law on International Commercial Arbitration), принятые ЮНСИТРАЛ – Комиссией ООН по праву международной торговли (UNCITRAL – United Nations Commission on International Trade Law). В числе рекомендованных поправок была статья, предоставляющая государственным судам право принятия обеспечительных мер в связи с арбитражным разбирательством независимо от места его проведения. Словно в помощь переводчику (что случается нечасто), статья содержала бесценную ссылку на интернет-адрес, где можно было посмотреть материалы 39-й сессии ЮНСИТРАЛ (http://www.unis.unvienna.org/unis/pressrels/2006/unisl102.html), на которой и были приняты данные поправки. В пресс-релизе ЮНСИТРАЛ используется термин *interim measures of protection*. Прилагательное *interim* может перемещаться в этом словосочетании, не меняя его смысла, и в западной правовой публицистике может встретиться *measures of interim protection*. Если буквально, это промежуточные меры защиты. Как они соотносятся с русским термином «обеспечительные меры»? Они являются его расшифровкой, если можно так сказать. Определение термина «обеспечительные меры», основанное на российском законодательстве, звучит следующим образом:

Обеспечительные меры представляют собой меры, направленные на обеспечение иска или имущественных интересов заявителя.

На взгляд лингвиста, определение несколько туманное. В нём не отражены два принципиальных для подобных мер момента. Это уже утверждение лингвиста, предпринявшего определённые поиски, чтобы «обеспечить» корректный перевод. Во-первых, это идея временности, указание на их промежуточный характер, а во-вторых, идея защиты. Автор переводимой статьи один раз отступил от принятого в российском праве термина, дав его менее строгий русский вариант – «промежуточные меры», но именно этот менее строгий вариант оказывается, как ни странно, ближе к английскому аналогу этого термина. В слове «обеспечение» идея защиты как-то размывается, а переводчик, по незнанию, может начать поиск в неверном направлении. Нашего законодателя проблемы, которые представляет для переводчиков российское законодательство, волнуют, естественно, меньше всего. Хочешь быть хорошим переводчиком, будь им. Учись читать между строк, копайся в словарях и справочниках, вороши кипы документов, вникай, сопоставляй, доходи до сути, в общем – работай. В результате подобной работы переводчик всё равно рано или поздно придёт к нужному варианту – к *interim measures of protection* или к его более идиоматичным аналогам.

Самым общим из них будет *provisional remedies*. Дословно – временные меры (правовой) защиты. У этого термина есть синоним – *provisional relief/interim relief*. Правда, синоним неполный, поскольку отражает, так сказать, взгляд с одной стороны. Для той стороны, в пользу которой приняты эти меры, это *relief* (т.е. некое облегчение положения). А для противоположной стороны это не будет *relief*. Скорее даже наоборот, её позиция может оказаться чуть более шаткой и уязвимой, хотя одной из целей принятия обеспечительных мер является сохранение существующего состояния отношений (*status quo*) между сторонами до момента разрешения спора. Как бы то ни было, это синоним с некоторыми оговорками.

Полным синонимом *provisional remedies* будет *interim remedies*. Этот термин используется Министерством юстиции Великобритании. На сайте www.justice.gov.uk приводятся Правила гражданского судопроизводства (Civil Procedure Rules), в которых содержится подробный перечень видов обеспечительных мер. К ним относятся, в частности, *injunctions* – запреты (налагаемые компетентными судами).

Иногда обеспечительные меры переводят как *injunctions*, а ходатайство об обеспечении иска (о принятии обеспечительных мер по иску) как *petition/motion/application/request for injunction*. Это корректно только в том случае, когда речь идёт об обеспечительных

мерах запретительного характера. Синонимом *injunction* может выступать *injunctive relief*, но с теми же оговорками, что и для *interim relief*. Если одной из сторон судебного разбирательства суд запретил осуществление каких-либо действий (например, вынес запрет на продажу определённого имущества) по ходатайству другой стороны, то для ходатайствующей стороны это *injunctive relief*, а для другой – *injunction prohibiting it from selling some of its property*. Иногда идею временности запрета усиливают добавлением к *injunction* уже упомянутых мной прилагательных *provisional* или *interim*. Ту же идею передают и прилагательные *temporary, provisional* и такое чисто юридическое прилагательное, как *interlocutory*.

Если из текста не понятно, о каких именно обеспечительных мерах идёт речь, "безопаснее" воспользоваться термином *provisional/ interim remedies*. Это правило можно было бы считать практически универсальным, если бы не последние изменения в российском законодательстве. Данное переводческое решение можно было бы всегда держать наготове, не предоставь российский законодатель право принятия обеспечительных мер ещё и налоговым органам. Полученное налоговиками право вызывает много споров и среди юристов, и в деловом сообществе. Право предоставлено, а чётких оснований введения обеспечительных мер закон не содержит, что может привести к субъективному подходу и даже закончиться приостановлением деятельности компании-налогоплательщика. Юридическими аспектами этого законодательного нововведения пусть занимаются профессионалы, а вот лингвистический аспект здесь оставить без внимания никак нельзя.

Если необходимо сделать перевод, например, информационного письма, озаглавленного «Изменён порядок вступления в силу решений налоговых органов по результатам налоговых проверок. Обеспечительные меры», то первую часть заголовка можно перевести с ходу, а для перевода второй части понадобится полный текст письма.

Конечно, это непреложный закон перевода – названия и заголовки переводятся в последнюю очередь или, в крайнем случае, после того, когда станет понятно, о чём идёт речь. Но переводчика могут попросить перевести и выдержку из документа, не проливающую ни малейшего света на название, перевод которого в итоге тоже окажется необходим. На перевод может быть прислан и просто перечень публикаций без текстов. Сколько раз, переводя обзоры публикаций коллег-юристов, мне приходилось запрашивать полные тексты статей, чтобы перевести их заголовки в пять-шесть слов.

Что касается обеспечительных мер, которые теперь вправе принимать российские налоговые органы, то, если основания для их принятия чётко и не прописаны в законе, сами меры определены со всей ясностью. Согласно НК РФ, «обеспечительными мерами могут быть:

1) запрет на отчуждение (передачу в залог) имущества налогоплательщика без согласия налогового органа...

2) приостановление операций по счетам в банке в порядке, установленном статьей 76 настоящего Кодекса».

Как же перевести «обеспечительные меры» в таком случае?

Если смотреть на эти обеспечительные меры как на способ государства защитить свои интересы от недобросовестных налогоплательщиков, то получается, что это всё те же *interim measures of protection*. С той лишь разницей, что в случае судебного разбирательства эти меры принимает суд, который должен быть объективным и беспристрастным, как бы чуть-чуть приподнимаясь над спорящими сторонами, а в случае возникновения проблем с исполнением решения налогового органа он же и принимает обеспечительные меры на своё собственное усмотрение. Это, естественно, ставит под сомнение их объективность.

Если же взглянуть на ситуацию под другим углом, то выходит, что государство действует теми методами, которые ещё лет 150 назад Салтыков-Щедрин увековечил двумя меткими глаголами «запрещать» и «не пущать». Тогда получается, что обеспечительные меры это просто-напросто *injunctions* или *injunctive measures*, потому что и запрет, и приостановление – это всё обеспечительные меры запретительного характера.

Чтобы в переводе «обеспечение по иску» и «обеспечительные меры» были переданы корректно, важно представлять себе, кто и какие действия совершает в ходе судебного разбирательства. Если обеспечение предоставляет одна из сторон по требованию суда, то это будет *security*. Если обеспечительные меры принимаются судом по ходатайству одной из сторон, то это будут *interim measures of protection, provisional remedies или interim relief*.

Говоря об обеспечительных мерах, стоит обратить внимание на глагольную сочетаемость. В русском и в английском она будет разной.

По-русски говорят:

принять обеспечительные меры
применить обеспечительные меры
ввести обеспечительные меры

Может встретиться и такой вариант, как «наложить обеспечительные меры». Это не совсем обычная сочетаемость, но в юридическом языке этот оборот употребляется, например, когда речь идёт об обеспечительных мерах запретительного характера. Процитирую одно из юридических заключений, которое мне довелось переводить:

«В соответствии с Арбитражным процессуальным кодексом РФ обеспечительные меры в рамках судебного спора могут быть наложены по заявлению лица, участвующего в деле, и только на принадлежащее непосредственному ответчику имущество».

По-английски чаще используют глаголы *to grant* и *to issue*. Однако если *to grant* в сочетании с *remedies* или *relief* вопросов не вызывает, то в таком обороте, как *to grant measures of protection* сочетаемость кажется немного необычной, на первый взгляд. Но это юридический язык, у него свои законы.

В уже упоминавшемся мной пресс-релизе ЮНСИТРАЛ это выражение тоже встречается:

The new provisions on arbitration reflect the need to align the UNCITRAL Model Law on International Commercial Arbitration ... with current practices in international trade, particularly with respect to the form in which arbitration agreements are concluded and the granting of interim measures of protection.

Перевод:

Новые положения об арбитраже отражают необходимость приведения Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже в соответствие с современной практикой международной торговли, особенно в отношении формы заключения арбитражных соглашений и принятия обеспечительных мер.

Объяснение этой сочетаемости видится мне в том, что глагол *to grant* «тяготеет» в данном словосочетании, скорее, к *protection*, чем к *measures*, а вот *to grant protection* — это уже вполне традиционная комбинаторика. Сказать *to grant protection* — предоставить защиту можно и в отношении объектов интеллектуальной собственности, например, товарных знаков.

Такая сочетаемость, как *to issue measures of interim protection/interim relief* тоже может показаться нетипичной, но и здесь можно найти объяснение. Обеспечительные меры применяются судом путём принятия отдельного процессуального документа. Если судом приняты обеспечительные меры, то подразумевается наличие документа, который это подтверждает. Это может быть *interim relief order* или *ruling on interim protection, a to issue an order* или *to issue a ruling* — сочетаемость давно и прочно устоявшаяся.

Что касается *injunction*, то с этим существительным хорошо сочетаются глаголы *to issue* и *to impose*. Поэтому предложение

Суд наложил обеспечительные меры в виде запрета на продажу акций

можно перевести так:

The court imposed an injunction on the sale of the shares.

А если в английском тексте встретилось такое предложение, как

The court upheld the petition for injunctive relief and issued a temporary injunction prohibiting disposal of the assets.

то юридически корректный перевод на русский может звучать следующим образом:

Суд удовлетворил ходатайство о принятии обеспечительных мер (запретительного характера) и вынес/наложил временный запрет на отчуждение активов.

Выражение «обратиться в суд за обеспечительными мерами» можно перевести как *to seek provisional remedies from the court*. Если результат подобного обращения успешный, то по-английски говорят *to obtain provisional remedies*, а по-русски — добиться принятия обеспечительных мер.

Удачно, как мне показалось, обойдя все ловушки и продравшись в итоге через сложные логические построения, я приблизилась к завершающей части статьи, где речь шла о международных договорах, которые регулируют вопросы, связанные с арбитражными разбирательствами.

В статье содержались ссылки на некоторые положения Нью-йоркской конвенции, но прямые цитаты не приводились. Здесь можно было бы и не давать строгих официальных формулировок, а предложить свой перевод, благо текст казался простым и прозрачным, к тому же, сроки, как всегда, поджимали.

Абзац начинался следующим образом:

«Представляется, что оба документа понимают под решением судебный акт, который является окончательным для сторон и который разрешает по существу предмет спора».

Под документами подразумевались всё та же конвенция и российский закон «О международном коммерческом арбитраже». Кстати, решения международных коммерческих арбитражей по-английски называются *international commercial arbitration awards*. Прилагательное «окончательный» я, естественно, перевела как *final*. Дойдя до предложения: «В подпункте (е) пункта 1 статьи V конвенции основанием для отказа в признании решения является доказательство того, что решение не стало окончательным для сторон», я в силу, наверное, собственной переводческой въедливости, заглянула на всякий случай в английский текст конвенции. Статья V сформулирована следующим образом:

1. Recognition and enforcement of the award may be refused, at the request of the party against whom it is invoked, only if that party furnishes to the competent authority where the recognition and enforcement is sought, proof that:

....

(e) The award has not yet become binding on the parties...

Как бы ни были близки по значению *final* и *binding*, это всё-таки не одно и то же. Они очень часто встречаются в юридических документах в паре, но ставить между ними знак равенства всё же не совсем, на мой взгляд, правильно.

Посмотрим, как определяет эти слова American Heritage Dicionary:

Final:

1. Forming or occuring at the end; last.
2. Of or constituting the end result of a succession or process; ultimate.
3. Definitive; unalterable.

Binding:

1. Serving to bind.
2. Commanding adherence to an obligation or commitment.

Для иллюстрации второго значения в неюридическом словаре приводится стопроцентно юридический пример: *binding arbitration*.

Возьмём словарь синонимов-антонимов, например, A Basic Dictionary of Synonyms and Antonyms by Laurence Urdang. Это не самый известный словарь подобного рода, но мне с ним комфортно, он часто служит мне хорошим подсказчиком, и я люблю его ещё со студенческих времен. Предлагаемая им цепочка синонимов *final* включает в себя *last, ultimate, terminal, concluding*. *Binding* в этой цепочке нет.

Перепроверим себя по Oxford Thesaurus of Current English. Там цепочка синонимов прилагательного *final* подлиннее, но и в ней *binding* отсутствует: *clinching, closing, concluding, conclusive, decisive, dying, end, eventual, finishing, last, settled, terminal, terminating, ultimate*. В качестве синонимов *binding* предлагаются *compulsory* и *formal*.

Так что лексических оснований для замены одного прилагательного другим, похоже, нет. Да и логически получалась некоторая неувязка. То, что может быть *binding on the parties* (иметь обязательную силу для сторон), может и не быть окончательным.

Из-за этой, рискну сказать, неточности в переводе, а в официальном русском тексте Конвенции подпункт (е) пункта 1 статьи V

The award has not yet become binding on the parties...

переведён следующим образом:

решение ещё не стало окончательным для сторон,

логика рассуждения, конечно, не рушится, но ей начинает недоставать изначальной стройности. К тому же, это влекло за собой

определённые сложности с переводом еще нескольких предложений, в которых речь шла о степени окончательности судебного решения о принятии обеспечительных мер. Проблема была именно в том, что аргументация частично базировалась на официальном русском тексте Нью-йоркской конвенции, где вместо идеи обязательности, заложенной в английском тексте, звучала идея окончательности.

В общем, юридический перевод напоминает порой путешествие по лабиринту с массой тупиков и тёмных закоулков. Здесь очень не помешала бы нить Ариадны, но такой нити, увы, нет. Зато есть много других. Есть тончайшие смысловые нити, которые имеют обыкновение ускользать и прятаться. Есть незримые нити межкультурных соответствий, ухватить которые бывает очень и очень непросто. Есть нити, из которых плетут свои сети ложные друзья переводчика. А ещё есть нити, которыми вышивается стилистический узор текста, ведь даже в юридический перевод можно внести определённую долю художественности и сделать его не только правильным, но и красивым.

Выражаю благодарность моему коллеге Максиму Кулькову, руководителю коммерческой практики компании «Пепеляев, Гольцблат и партнеры», за любезное разрешение воспользоваться его статьей при подготовке данного материала.

Латинские и русские транскрипции арабских имён: происхождение, вариантность и попытки практических рекомендаций

Д.А. Морозов

Транскрибироваться могут собственные имена, географические названия, разные реалии, которые со временем могут войти в другой язык, а иногда и целые расхожие фразы в художественной литературе. В любых транскрипциях всегда борются правдоподобная передача оригинала на слух и стремление сохранить в виде, позволяющем специалисту узнать оригинал, особенно когда могут быть взаимоисключающие варианты. И то, и другое получается не всегда. Иными словами, происходит постоянный спор между фонетическим и фонематическим принципами. А поскольку ещё накладываются разные культурные традиции, то в результате получается много любопытного.

Единой системы на практике нет, но разобраться можно, и многое выясняется между строк. Поскольку разные материалы на восточные темы охотно переводились последовательно с одного европейского языка на другой, и так до четырёх раз, то и какие-то написания восточных имён и реалий стали почти международными. В связи с этим ограничиваться материалом одного какого-либо западноевропейского языка нет смысла. Здесь сделана попытка систематизировать и объяснить наиболее часто встречающиеся случаи и дать им определённую стилистическую привязку. Сразу следует оговориться, что некоторые детали сознательно даются в упрощённом виде, и существует много вполне объяснимых

исключений, которые здесь вряд ли могут быть разобраны. Кроме собственно арабских примеров затрагиваются и некоторые употребительные в арабском узусе заимствования из других восточных языков.

Сразу нужно сказать, что дальше придётся приводить какие-то сведения по арабской фонетике, грамматике и диалектологии.

Иногда подводят, конечно, и собственно арабоязычные справочники. Довольно многие дают обратную транскрипцию с более доступных европейских источников, не всегда удачную, когда речь идёт не о той же самой стране. В ливанском энциклопедическом словаре, например, географические названия не совпадают с местными написаниями, а иногда даются в разных местах по-разному. Другому издательству было проще ретранскрибировать целую английскую карту Йемена, и тоже не обошлось без ошибок в сторону гипертрофированного правдоподобия. Но это – справедливости ради.

Латинские транскрипции далее приводятся в квадратных скобках, русские – в кавычках.

1. Гласные

В литературном арабском языке есть шесть гласных фонем, укладывающихся в очень простую схему: по три долгих и соответствующих им кратких. Их удобно и принято обозначать как [a], [i], [u]. Над долгими гласными в серьёзных публикациях принято ставить знак долготы: [ā], [ī], [ū] Это старая латинская традиция, упоминавшаяся ещё Исидором Севильским (570-636). Во французских изданиях, да и во многих других, особенно старых, горизонтальная черта заменяется типографски более доступным циркумфлексом: [â], [î], [û]. Хотя во Французско-русском словаре К.А. Ганшиной (Изд.7., 1977, с.895) приводится и написание Hindū Kūch (Гиндукуш), взятое, очевидно, с небольшой поправкой из какого-то английского (британского) источника. Долгие гласные отличаются от кратких тем, что они в любом случае сохраняются, а краткие ведут себя примерно так же, как и краткие безударные гласные в русском языке: часто неотличимы на слух друг от друга, а их качество, где можно, устанавливается только по этимологии. Фактически [a] звучит между русскими «а» и «э», [i] – между русскими «и» и «е», а [u] – между русскими «у» и «о» вдобавок с колебаниями по регионам. Поскольку и [a] и [i] сплошь и рядом воспринимаются на слух иностранца как «е/э» (с небольшими оттенками), но выполняют смыслоразличительную функцию, например, действительного или страдательного залога, то удобнее всё же их различать и в транскрипции. Отсюда объясняются всевозможные варианты написания имени Мухаммад, в данном случае приведённом в упрощенной фонематической транскрипции. Долгие гласные, в основном, звучат ближе к их условным европейским базовым аналогам, но этимологический [ā] колеблется от [ē] в Ливане, Тунисе и Марокко (Fez, Фес =[Fās]) до [ō] в произношении арабских слов в Центральной Азии и Иране (Навои), что наверняка многие заметили по разным таджикским написаниям русскими буквами (Бухоро).

На практике неразличение долготы гласных фонем чаще всего ведёт к путанице часто встречающихся совершенно разных имён Ḥāmid и Ḥamīd, Rāšid и Rašīd, Kāmil и Kamīl (последнее хоть и редко, но встречается тоже). По происхождению это действительные причастия и аналоги страдательных. В традиционных обиходных транскрипциях в первом случае [i] передавали как [e] (Камель, Рашед, Хамед). Такая транскрипция не совсем корректна, но понятно, какой из двух вариантов имеется в виду: имена с двумя краткими и/или двумя долгими гласными [-a-i-] и [-ā-ī-] встречаются редко. В более позднее время в подобных случаях упрощённая фонематическая транскрипция с пропущенной диакритикой в не знакомых заранее именах просто ставит в тупик.

Два дифтонга [ay] и [aw] на слух колеблются, соответственно, между русскими «ай», «ей» и долгим «ē» и между русскими «ау», «оу» и долгим «ō». Причём в первом случае из двух фонетический сдвиг зашёл дальше, чем во втором, то есть в одном и том же месте можно встретить и долгое «ē» и чёткий дифтонг «ау».

Есть различия и по регионам. В Северной Африке стандартному дифтонгу [ay] соответствует долгий [ī]: Зидан, Хосин (=Хусейн).

При обозначении арабских гласных ранее в английском языке практиковалась подгонка под фонетические соответствия сочетаний букв: Shuekh Uhmud bin Moohummud Sheerwanee ool Yumunee (1814 г.; в принятой фонематической транскрипции: [šayẖ Aḥmad b. Muḥammad Širwānī al-Yamanī]). На обиходном уровне это встречается и сейчас. Эти же английские написания были в своё время перенесены в сочинения ахмадийской конфессии в немецком переводе 1920-х годов[1]. В меньшей степени такой принцип обнаруживается во французском употреблении: Saroit (= Сарвет, от литературного арабского Ṯarwa в форме, заимствованной турецким языком и вернувшейся в качестве собственного имени в арабский узус Египта).

Как бы то ни было, механическое перенесение гласных из латинской транскрипции в русскую неясностей не прибавляет. В том же случае, если в латинском оригинале проставлены долготы, а другие гласные кроме [a], [i], [u] не встречаются, то эти долготы лучше, конечно, передать такими же чёрточками над соответствующими русскими буквами. Если, конечно, позволяют технические средства.

2. Согласные

С согласными проблем больше, и они противоположного плана. Одной и той же условной европейской букве чаще соответствует несколько разных арабских фонем.

Сразу лучше отметить, что в самых ранних массовых латинских транскрипциях арабских слов, века двенадцатого, отразилось старое испанское произношение, ближе к современному португальскому (b=u=v=«б», c=«с», g=«дж», s=«ш»): Avicenna, Averroes, Geber и многие другие. По-русски такие имена произносятся, естественно, по немецко-польской традиции латинского чтения, и в результате получается не очень похоже: Аверроэс (Ибн Рушд), Авиценна (Ибн Сина), Гебер (Джабир).

Самая сложная проблема передачи согласных в том, что существует аналог различения русских твёрдости и мягкости, и те и другие варианты представляют совершенно разные фонемы. Проще сказать, что ряд согласных: [d], [s], [t], [k], [z] — могут быть либо нейтральными, средними между русскими твёрдыми и мягкими, либо сверхтвёрдыми. В учебниках последние называются эмфатическими. В серьёзных публикациях сверхтвёрдость обозначается точкой под буквой. В разных пособиях по разговорному языку отдельных стран, предназначенных, в основном, для туристов, в этом качестве часто встречаются заглавные буквы, в том числе и в середине и конце слова. В соседстве со сверхтвёрдыми согласными нейтральные также становятся твёрдыми (в фонематической транскрипции это не всегда обозначается), [a] звучит в чистом виде или даже с лёгким оттенком «о», а [i/ī] звучит почти как «ы». В упрощённой русской фонетической транскрипции передача соответствующих аллофонов (то есть вариантов звучания одной и той же фонемы) иногда позволяет догадываться об оригинальной форме.

В русской и строгой латинской транскрипциях в этих случаях выбор базовых букв совпадает за немногими исключениями.

Сверхтвёрдый [ḳ] сейчас в латинских транскрипциях, особенно в английской, принято передавать как [q], что любопытно, буквой, в своё время заимствованной из финикийской письменности, где она обозначала этимологически ту же самую общесемитскую фонему. В этой мелочи можно усмотреть традиционную английскую протестантскую любовь к Библии и связанным с ней филологическим штудиям. На обиходном уровне [q], как правило, употребляется в современных английских транскрипциях иракских и аравийских имён, относительно недавно получивших сколько-нибудь широкую известность: Iraq, Qatar, Qataban, Al Qaeda.

Вообще, произношение этой фонемы по регионам является своего рода маркером. Стандартное произношение в быту сохранилось только в немногих сельских и горных местностях на периферии. В интеллигентском произношении Каира, Дамаска и Бейрута она воспроизводится как английский glottal stop, но на письме такая особенность отражается очень редко. Единственный обнаруженный пример — слова популярной песни с грампла-

[1] Тоган, Заки Валиди. Воспоминания. М., 1997. С. 477.

стинки в повести алжирского франкоязычного писателя. В говорах кочевников-бедуинов и их не слишком дальних потомков произносится как «г»: Бургиба, (этимологически [Abū Ruqaybah]), Габес. Стандартное произношение в разной мере сохраняется в более или менее книжных словах, связанных с реалиями культуры, которые можно считать своего рода заимствованиями. Следующий этап палатализации – «дж» в Южном Ираке и Персидском Заливе: Шарджа (принятая арабская орфография соответствует [Aš-Šāriqah]). Это, кажется, единственный широко известный, по крайней мере филателистам, пример.

Три никогда не смешивающиеся между собой арабские фонемы передаются одной и той же базовой русской буквой «х». Их можно условно назвать «придыхательной», «шелестящей» и «хриплой».

1. «Придыхательная» (ه). В латинских транскрипциях передаётся как [h], в современной русской как «х», в более ранней как «г», в чём можно усмотреть южнорусское (и украинское) фрикативное произношение соответствующей буквы. В современных изданиях Украины на русском языке такое обозначение вновь возвращается в употребление (Шагрияр, Шагземан). В конце слова эта фонема, чаще обозначающая суффикс женского рода, практически не произносится.

2. «Шелестящая» (ح). В латинских транскрипциях также передаётся как [h], в серьёзных публикациях, чтобы отличить эту фонему от предыдущей, под ней ставится точка как в латинской [ḥ], так и в русской «х̣» транскрипциях. В старых латинских транскрипциях точка может стоять и над буквой. В очень старых транскрипциях эта фонема может не обозначаться вовсе: Арефа/Х̣āриș, Алеппо/Халеб. Арефа – редкий случай, когда безусловно арабское имя вошло в европейский ономастикон в очень раннее время вне связи с исламом. Первый известный обладатель этого имени (523 г. н. э.) жил в Аравии, более поздние названы в его честь. Эта же фонема присутствует, в частности, в распространённых именах Мухаммад, Махмуд, Ахмад, Хасан, Хусейн.

3. «Хриплая» (خ). В латинских транскрипциях чаще передаётся как [kh]. Тот же звук в более ранние времена немецкие авторы обозначали как [ch]. В строгой транскрипции его же принято обозначать через [h] с галочкой остриём вниз под буквой [ẖ] или, для простоты, подчёркнутой буквой [h̲]. В некоторых изданиях, преимущественно транслитерациях арабских текстов, изначально записанных еврейскими буквами (таких очень много), используется и подчёркнутая буква [k̲]. В английской традиции стабильно произносится как [k], хотя близкий к арабскому звук может или мог воспроизводиться в некоторых кельтских и немецких заимствованиях.

Звонкий аналог последней фонемы – (غ), на слух больше всего похожий на картавое русское «р», обозначается в обиходных транскрипциях сочетанием [gh], в строгой транскрипции – буквой [ġ] с точкой наверху: Baghdad, Baġdād. Во французский, а из него в английский язык вошло слово razzia, того же происхождения и значения, что и «газават» («набег») русской классики, и этимологически содержащее эту фонему.

Обозначение звонкого «з» через s, характерное для немецкого языка, встречается только в очень старых текстах. Столь же явно устарело и удвоение [s] для обозначения глухого, а не звонкого свистящего между гласными. Исключения составляют сохраняющиеся традиционные написания: Essam (Исам), Hassan (Хасан), Hussein (Хусейн), Moussa (Муса), Nasser (Насер), Yasser (Ясир), Youssef (Юсеф). В русской транскрипции явно устарели транслитерированные с подобных написаний Ассуан, Гассан, Хуссейн, хотя последнее встречается до сих пор.

Шипящий «ш» в западноевропейских языках обозначается либо сочетаниями букв (французским [ch], немецким [sch], и английским [sh]) в обиходных транскрипциях, либо, в более позднее время, заимствованной из чешского языка буквой [š]. Абсолютной привязки к языкам тем не менее нет. Французское обозначение [ch] встречается в очень любопытных репликах на марокканском арабском диалекте в произведениях долго жившего в Марокко американского писателя Пола Боулза (Paul Bowles 1910–1999). Будучи переписанными русскими буквами в некоторых переводах, они превращаются в абракадабру. Для таких случаев можно заметить, что звук «ч»

встречается практически только в Ираке в многочисленных там персидских и турецких заимствованиях и курдских названиях. В классическом французском переводе «1001 ночи» 1704 г. немецкое сочетание [sch] почему-то использовано в имени Schéhérazade (Шехеразада). Иногда в русской передаче встречается анекдотическая ошибка: «Ишак» вместо «Исхак» (=Исаак). Объяснить использование экзотичной до недавнего времени чешской буквы [š] кроме удобства использования одного чёткого символа для одной фонемы можно, пожалуй, массовым переходом на английский язык после Второй мировой войны ранее писавших на немецком языке востоковедов, для которых такое обозначение в именах было вполне привычно. Вообще, такое универсальное обозначение ряда звуков получает всё более широкое распространение. В совершенно случайно попавшемся на глаза названии недавнего испанского перевода знаменитого романа Бориса Пастернака фамилия главного героя фигурирует как Živago.

Исключение при конвертировании одной транскрипции в другую составляют и межзубные «з̲» и «с̲». В более или менее престижных диалектах они не сохранились, перейдя в «д» и «т», и в строгой латинской транскрипции обозначаются соответствующими буквами с подчёркиванием [d̲] [t̲], либо, в менее притязательных текстах, сочетаниями [dh] и [th]. В России, по понятным причинам, в меру сил орфоэпичное арабское произношение, как правило, сопровождалось персидско-турецко-татарским акцентом, когда соответствующие межзубные просто заменялись на соответствующие свистящие, к которым в строгой транскрипции для различения фонем и было добавлено подчёркивание. В советских изданиях встречается и механическая подмена русских базовых букв латинскими: [s̲, z̲].

В некоторых научных изданиях, в первую очередь разноязычных параллельных изданиях Энциклопедии Ислама, приведённые выше диграфы дополнительно подчёркнуты общей чертой.

Не менее сложно обстоит со звуками «г», «дж», «ж», являющимися аллофонами одной и той же фонемы (ʒ̲) в разных диалектах и произносительных стилях. В стандартной орфоэпии и некоторых диалектах произносится «дж», для чего во французских транскрипциях принято обозначение [dj]. В сугубо британских публикациях применяется буква [j], а в последнее время часто в строгой научной транскрипции – образованный по аналогии знак [ǧ]. В Нижнем Египте (северной части с Каиром) эта же фонема произносится как «г», причём почти на всех стилистических уровнях, кроме чтения Корана. Наиболее известные примеры в русском употреблении: Гамаль Абдель Насер, Нагиб Махфуз (вместо «Джамаль» и «Наджиб», как их и называют в других арабских странах), Аль-Гумхурия («Республика», газета, фактически одноимённая с иракской «Аль-Джумхурия» и турецкой «Джумхурийет»), Гиза, Наг-Хаммади.

Особенность транскрипции, в том числе строгой, двух согласных в современных испанских публикациях: «x̲» = j , «дж» = ŷ.

Две согласные фонемы [ʾ] и [ʿ] (модифицированные обозначения тонкого и густого придыхания в греческом языке) в европейских языках близких аналогов не имеют. Первая из них [ʾ], которую принято обозначать апострофом хвостом обязательно влево, соответствует английскому glottal stop. В начале слова она чаще опускается, так как с гласного слово в литературном языке начинаться не может, и теоретическое присутствие этой фонемы предполагается по умолчанию, а в произношении она почти всегда пропускается. Вторая согласная [ʿ] обозначается апострофом хвостом вправо или, по внешнему сходству, маленькой буквой «с» в показателе: [ᶜ]. На практике в соседстве с этой фонемой гласная фонема [a] сохраняет своё качество, не переходя в [e] (джамаат, халат, шариат), а фонема [i] звучит скорее как «а». В обиходной транскрипции в таких случаях встречается удвоенная буква «аа»: Баальбек, Саади. Между прочим, у Пушкина в «Евгении Онегине» более близкая к арабскому оригиналу двухсложная форма «Сади» [Saʿdī]. Курьёза ради можно упомянуть, что финикийские аналоги соответствующих арабских букв в своё время были использованы для обозначения греческих и латинских гласных [a] и [e].

В культурных изданиях, например лейденского издательства Brill, существующего с 1683 г., строгая транскрипция последовательно выдерживается вплоть до титульных листов.

В виде приложения можно привести установленные опытным путём соответствия расположения подстрочных диакритических точек в шрифте Times New Roman как можно ближе к середине буквы; в квадратных скобках – номер точки по порядку в диалоговом окне «Символ»: ḍ F027 [10], Ḍ F01F [2], ḥ F027 [10], Ḥ F01F [2], ṣ F024 [7], Ṣ F026 [9], ṭ F02C [15], Ṭ F01E [1], ẓ F024 [7], Ẓ F01E [1], ґ F028 [11], Ґ F022 [5], д̣ F025 [8], Д̣ F01F [2], з̣ F024 [7], З̣ F023 [6], ḳ F023 [6], Ḳ F01E [1], ç F024 [7], Ç F026 [9], ţ F023 [6], x̣ F025 [8], X̣ F020 [3]. Безусловно, могут быть и другие варианты.

Удвоение согласных (геминация) в арабском языке несёт смыслоразличительную функцию, и в транскрипциях кроме удвоенного [ss], о котором говорилось выше, его лучше сохранять.

Удвоение согласных, обозначаемых диграфами, в обиходных транскрипциях кажется, очевидно, слишком сложным и избегается: Asharq, Башар (правильней было бы Aš-Šarq, «Башшāр»).

3. Суффикс женского рода –a, -ah, -e, -eh

Окончание, вернее суффикс, женского рода в латинских транскрипциях обычно фигурирует как –a, -ah, -e, -eh (dahabeeah, dahabiyeh, Shiah). Вариант -ah обычен для британских, как правило максимально точных, транскрипций аравийских реалий, варианты -e и -eh характерны для сиро-ливанского региона в самом широком смысле. Во французском употреблении [h] в конце слова в ряде случаев становится архаизмом. В русской транскрипции практически не звучащее [h] в конце слова лучше не передавать вовсе.

4. Обозначения определённого артикля

Знаменитый определённый артикль «аль-» во всех произносительных стилях без исключения ассимилируется перед согласными «д», «з», «з̣», «н», «р», «с», «с̣», «т», «ш». В принятой арабской орфографии он пишется всегда одинаково без исключений. В латинских же транскрипциях он может либо транслитерироваться, что встречается, кажется, чаще, либо транскрибироваться с ассимиляцией. Примеры без ассимиляции в русском употреблении представляют собой прямую транслитерацию латинских транскрипций: Гарун аль-Рашид, Шарм-эль-Шейх. Удобнее, кажется, всё-таки вариант с ассимиляцией: неспециалист произнесёт максимально правдоподобно, а специалист без труда восстановит оригинал.

Ко всему прочему, отдельно стоящий неассимилированный артикль в собственных именах становится неотличим от совершенно другого слова آل ['āl] «семейство», употребительного только в именах членов правящих домов Саудовской Аравии (Аль Сауд), Бахрейна (Аль Халифа) и Катара (Аль Тани). В этих случаях могут писать с двумя «аа»: Ааль. Ошибки на всех языках встречаются тоже.

По арабской классической норме артикль должен быть обязательно у аналогов фамилий – относительных прилагательных, оканчивающихся на [-ī] (по арабской орфоэпии всегда безударный!). Аналогичные относительные прилагательные с тем же суффиксом вошли в английский (Azerbaijani, Iraqi, Kuwaiti, Pakistani, Saudi, Sudani, Sunni, Yemeni) и французский языки (askari, bengali, biskri, fassi, hindoustani, méhari, ouargli, roumi, sénégali, targui, touati, laghouati), искусственно образовано французское Marroquí. Сложность состоит в том, что в персидском употреблении и зависящих от него традициях, в первую очередь старой турецкой, те же самые фамилии арабского определённого артикля не содержат, а ударение переносится на суффикс: Саади, Айни, Бируни, Фирдоуси. В современных арабских фамилиях, прошедших через турецкие административные реестры, артикль может потеряться уже в оригинале, может колебаться по стилю (воспроизводиться в каких-то особо торжественных обстоятельствах) и в любом случае может опускаться при транскрибировании (Каддафи). Артикль чаще сохраняется в недавно получивших известность в европейском узусе аравийских и иракских фамилиях, не имеющих сложившейся традиции передачи и впервые транскрибированных специалистами относительно недавно. В Северной Африке (Магрибе) при французской передаче артикль чаще отбрасывается вовсе.

Географические названия, образованные от нарицательных имён с более или менее понятным значением, в арабском оригинале,

как правило, имеют определённый артикль. Исключение составляют географические названия арабского происхождения, состоящие из одного слова, вне арабоязычного ареала. Их можно считать другим случаем приведённой выше закономерности. Прямая калька – французское Le Caire (Al-Qāhirah). По аналогии образовано устаревшее (?) La Mecque. В различных европейских транскрипциях арабский артикль может либо сохраняться, либо нет. Общая прослеживаемая закономерность: чем раньше название вошло в обиход в какой-либо связи и чем оно известнее, тем вероятнее пропуск артикля. Курьёзный пример: английское Riyadh, французское Riyad но русское Эр-Рияд. Географические названия в разных странах, полностью совпадающие в оригинальном написании, могут передаваться поразному, иногда с передачей регионального произношения: Эль-Кунейтра в Сирии и Кенитра в Марокко, Хилла в Ираке и Эль-Хилла в Саудовской Аравии. В обоих случаях в оригинале названия, означающие «мостик» и «селение», имеют определённый артикль. В русской традиции принята дифференциация: Кувейт для государства и Эль-Кувейт для его столицы.

По общему правилу, гласный [a] артикля при орфоэпическом чтении с падежными окончаниями пропускается, фактически заменяясь на предшествующее ему окончание, а в разговорном языке, где падежных окончаний нет – заменяется на протетический гласный, средний между «и» и «е», что даёт в результате в латинских транскрипциях написание El. В собственных именах, состоящих из двух слов с артиклем между ними, он часто совершенно нелепо присоединяется к первому слову, что даёт в русской транслитерации Абдель Кадер, Абдель Насер.

В этих же именах, заимствованных в другие языки и часто пишущихся в транскрипциях слитно (Абдуррахман), перед артиклем часто оказывается гласный «у», окончание именительного падежа. Оно, как и другие падежные окончания, на практике произносится только в самом высоком стиле (обычно чтении Корана), из которого и происходили эти заимствования.

Просто стихи

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОГРАММА РУССКОГО ФУТУРИЗМА

А. Кручёных, "Декларация слова как такового" (1914)

Стих даёт (бессознательно) ряды гласных и согласных. Эти ряды неприкосновенны. Лучше заменять слово другим, близким не по мысли, а по звуку...

Поэтому переводить с одного языка на др. нельзя, можно лишь написать и дать подстрочник. Бывшие д<о> с<их> л<ор> переводы лишь подстрочники, как художественные произведения, они – грубейший вандализм.

НАДПИСЬ НА КНИГЕ ПЕРЕВОДОВ

В одно и то же время океан
Штурмует скалы севера и юга.
Живые волны – люди разных стран
О целом мире знают друг от друга.

С. Маршак. Собрание сочинений. Москва, "Художественная литература", 1970.

Православные переводы Нового Завета на китайский язык*

Протоиерей Пётр Иванов

Особый интерес для отечественного исследователя истории христианства в Китае представляет опыт православной Российской Духовной Миссии. Многое из трудов российских миссионеров оказалось несправедливо преданным забвению. Думаю, это в первую очередь касается переводов Священного Писания и богослужебных книг, а также миссионерской деятельности на просторах Китайской империи.

Перевод Священного Писания на китайский язык имеет долгую историю. Впервые библейские тексты попадают в Китай при династии Тан в середине VII в. по Р.Х., принесённые сирийскими проповедниками, принадлежавшими к несторианской ереси, получившей название *цзинцзяо* (религия света – 景教). Они были переведены на языки, которыми пользовались народы, населявшие западные регионы страны. В начале XX в. при раскопках в Дуньхуане был обнаружен список переведённых библейских книг, среди которых были: Бытие, Исход, Книга пророка Захарии, Книга пророка Осии, Псалтирь, очевидно Четвероевангелие, Книга Деяний, некоторые послания святого апостола Павла, Апокалипсис. Большая часть текстов не сохранилась.

В середине XII в. во время правления династии Сун в Китай прибывают еврейские переселенцы. Они преподнесли императору Ветхий Завет, который китайцы наименовали *даоцзин* (книга пути – 道經) или *чжэньцзин* (книга истины – 真經). Предполагается, что пришельцы, впоследствии обосновавшиеся в Кайфыне, были потомками самаритян[1].

Через Среднюю Азию христианская Библия достигла монголов, что произошло ещё до возвышения Чингисхана. Известно, что основатель монгольской династии Юань – Хубилай обращался через родственников известного путешественника Марко Поло к Папе Римскому с просьбой помочь в переводе Священного Писания на китайский язык. К концу XII – началу XIII века Новый Завет и Псалтирь уже получили распространение при дворе в Пекине, что, правда, не привело к обращению аристократии в христианство. Книги эти рассматривались монголами как магические или гностические[2].

К сожалению, до сих пор не обнаружены переводы Священного Писания на китайский язык, сделанные в те далёкие времена.

В конце XVI – начале XVII вв. в Пекине при дворе императоров династии Мин трудился католический миссионер и учёный Маттео Риччи. В результате его усилий в Китай в разное время прибыли более 2 тыс. проповедников. В этот же период были сделаны рабочие переводы отдельных отрывков Священного Писания, предназначавшиеся исключительно для использования самими миссионерами. Первый католический перевод Четвероевангелия и посланий святого апостола Павла, дошедший до наших дней, – это рукопись французского миссионера Ж. Бассе, составленная в начале XVIII в. и хранящаяся в настоящее время в Британском музее. В конце этого столетия почти полный перевод Библии был сделан иезуитом Луи де Пуаро. Он также не был опубликован и хранится в Пекинской библиотеке.

* Священник Петр Иванов. «Из истории христианства в Китае» (*глава из книги*). – М.: Институт востоковедения РАН, изд. «Крафт+», 2005 г.

В начале XIX в. появились многочисленные протестантские переводы Священного Писания на китайский язык. В 1819 г. был завершён полный перевод Библии, выполненный представителями Лондонского миссионерского общества Р. Моррисоном в сотрудничестве с У. Милном и опубликованный в Малакке в 1823 г. под названием «Священная книга Божественного Неба» (*Шентяньшэншу*, 神天聖書).

Годом раньше в Индии был напечатан другой перевод, принадлежавший группе миссионеров из Английского баптистского миссионерского общества во главе с Дж. Маршманом. Оба текста во многом, очевидно, восходят к версии Ж. Бассе.

В 1835 г. образовалась группа переводчиков для переработки сделанного Р. Моррисоном перевода Священного Писания. В неё вошли У. Медхерст из Лондонского миссионерского общества, К. Гуцлаф из Миссионерского общества Нидерландов, Э. Бриджман, представлявший Американский совет уполномоченных зарубежных миссий, и Дж. Моррисон, сын автора редактировавшегося перевода. В результате в Батавии (Джакарта) в 1837 г. был напечатан новый текст Нового Завета *Синьичжаошу* (新遺照書), а в 1840 г. – Ветхого Завета. Примерно в это же время К. Гуцлаф напечатал собственный уточнённый перевод Нового Завета (*Цзюшичжу есу синьичжаошу*, 救世主耶穌新遺照書).

В соответствии с Нанкинским договором 1842 г. для западных миссионеров были открыты пять крупных китайских портов. В 1843 г. американские и английские миссионеры собрались на конференцию в Гонконге для обсуждения проекта нового перевода Священного Писания. Началась коллективная работа. Основой для перевода Нового Завета был Textus Receptus. В качестве редактора пригласили известного китайского ученого Ван Тао. В дальнейшем в ходе консультаций выявились разногласия участников, касавшиеся богословской терминологии. Например, одни считали, что слово *Бог* следует переводить как 神 *шэнь*, а другие – как 上帝 *шанди*. В результате появились две различные версии Четвероевангелия, опубликованного в 1850 г. Ветхий Завет был переведён с участием выдающегося синолога Дж. Легга, что придало тексту изящество языка, однако многие богословские понятия были переданы через термины, привычные для китайской философии, но часто неадекватно отражающие истинный смысл текста. Этот перевод стали называть «Версия делегатов».

Следует отметить, что и до сих пор между различными конфессиями не достигнуто соглашение относительно перевода на китайский язык таких основных понятий, как Бог, Бог Отец, Святой Дух и др. Покинувший эту группу К. Гуцлаф в сотрудничестве с американскими пресвитерианами опубликовал в 1859–1862 гг. переводы Нового Завета и Ветхого Завета. В 1853–1868 гг. увидел свет и ещё один перевод Библии, ставший результатом разногласий между представителями разных миссионерских групп. На этот раз работой руководил Дж. Годдард.

Если до середины XIX века главным адресатом миссионерской проповеди были образованные слои китайского общества, то со временем аудитория христианских проповедников расширилась. Возникла необходимость в упрощённых текстах. Раньше Священное Писание переводили исключительно на письменный язык вэньянь, теперь же были предприняты попытки приблизиться к разговорному языку. Первым таким текстом Библии на китайском языке стали несколько переводов, получивших название *Цяньвэньли ибэнь* (淺文理譯本), или перевод на язык, более близкий к разговорному (среди наиболее известных переводчиков – Дж. Гриффит из Лондонского миссионерского общества, Г. Блоджет из Американского совета уполномоченных зарубежных миссий).

На протяжении второй половины XIX в. появилось множество индивидуальных и групповых переводов Священного Писания. Одним из значимых стал труд С. Шерешевского. Родившийся в России в 1831 г. в ортодоксальной еврейской семье и получивший соответствующее религиозное образование, он эмигрировал в Америку, где принял крещение в протестантской епископальной церкви. Окончив семинарию в Нью-Йорке, в 1859 г. прибыл миссионером в Шанхай. Изучив ки-

тайский язык, С. Шерешевский создал собственный перевод Библии, который был им завершён в 1902 г., несмотря на почти полный паралич тела.

В 1919 г. появился первый перевод Священного Писания на разговорный общеупотребительный язык *гуаньхуа* – *Гуаньхуа хэхэ ибэнь* (官話和合譯本). Новый перевод не только способствовал наиболее широкому распространению Библии среди китайцев, но и стимулировал дальнейший процесс формирования современного китайского литературного языка. В настоящее время этот текст является наиболее распространённым. Следует отметить, что все названные переводы были сделаны протестантами. Что касается католиков, то первый полный перевод Нового Завета с латыни на китайский в исполнении священника Сяо Цзиншаня, увидел свет только в 1922 г., а сверенный с греческим текстом вариант был опубликован лишь в 1948 г. Огромная работа по составлению первого полного католического перевода Библии на китайский язык (включавшего второканонические книги и комментарии) была предпринята группой учёных под руководством францисканца Габриэле Аллегры. Полный текст был опубликован в 1968 г. и имеет название Библия – *Сыгао шэнцзин* (思高聖經).

Постепенно переводами начинают заниматься сами китайцы, лишь пользуясь консультациями иностранных миссионеров. В 1939 г. появился перевод всей Библии Чжу Баохуэя, а также Нового Завета – Чжэн Шоулиня, в 1967 г. Библии – Сяо Теди и Чжао Шигуана, в 1970 г. Библии – Лю Чжэнчжуна. В процессе работы все эти тексты публиковались в различных вариантах.

Во второй половине XX в. увидели свет переводы Священного Писания на современный разговорный китайский язык. Это «Модернизированный китайский перевод» (1979) *Сяньдай чжэунвэнь ибэнь* (現代中文譯本), выполненный группой переводчиков во главе с Сюй Муши, Чжоу Ляньхуа и Ло Ижэнем с еврейского и греческого при опоре на Today's English Version; «Современная Библия» (1998), *Дандай шэнцзин* (當代聖經), представляющая собой перевод English Living Bible; также с еврейского и греческого сделан «Новый перевод» (2001), *Синьибэнь* (新譯本), принадлежащий большому коллективу китайских авторов, работавших при финансовой поддержке Lockman Foundation. С текстологической точки зрения китайские переводы Священного Писания непрестанно эволюционируют в направлении упрощения языка и приближения его к современному разговорному. В настоящее время в Китае и на Тайване наибольшей популярностью пользуется методология перевода Библии, разработанная Юджином Найдой. Следует учесть, что были сделаны также переводы Библии или отдельных её книг на языки национальных меньшинств Китая[3].

Результатом миссионерской работы католиков и протестантов стало появление множества переводов Священного Писания. В настоящее время в зарубежной науке уже существуют исследования, посвящённые истории составления некоторых переводов Библии на китайский язык. Однако в них рассматривается исключительно опыт католиков и протестантов, о работе проделанной православными проповедниками либо говорится крайне скупо, либо вообще ничего[4]. В отечественных публикациях традиционно рассматривались результаты чисто синологических исследований членов Российской Духовной Миссии, а их труды по переводу Священного Писания и богослужебных книг либо упоминались вскользь, либо вообще игнорировались. Между тем мы располагаем многими текстами, составленными российскими миссионерами. Все эти переводы остаются совершенно неисследованными, и вклад православных в проповедь Слова Божия в Китае остаётся и забытым, и невостребованным.

Между тем миссионерская работа различных протестантских деноминаций и католиков, направленная на наиболее адекватный перевод Священного Писания на китайский язык, продолжается. Необходимость такой деятельности объясняется рядом причин: во-первых, историческими, во-вторых, лингвистическими, в-третьих, богословскими. Кратко остановимся на них.

1. Первыми европейскими миссионерами, проникшими в Срединную империю, были католики, чья миссионерская концепция не предполагала скорого издания перевода Библии. Считалось, что распространение разного рода поучений, толкований и проповедей предпочтительнее, поскольку не открывает пути для самовольного и ошибочного толкования Священного Писания. Тем не менее, составлялись так называемые рабочие переводы, а полный текст Библии появился довольно поздно.

Протестантских переводов гораздо больше, их насчитывается более трехсот. Причинами такого многообразия послужили разногласия между различными миссионерскими обществами относительно того, как наиболее адекватно отразить содержание Библии по-китайски[5]. В дальнейшем переводческая работа продолжалась непрерывно, ведётся она и в настоящее время с целью создания экуменического текста Священного Писания, приемлемого и для католиков, и для протестантов, и для многочисленных сект. Для этой цели в 1987 году был создан Комитет по сотрудничеству в деле перевода Библии на китайский язык. Его основной задачей является согласование богословской терминологии[6].

В данном контексте, когда подводятся итоги многовековой работы по переводу Священного Писания на китайский язык, представляется чрезвычайно актуальным выяснить конкретный вклад Российской Духовной Миссии в дело распространения Слова Божия в Китае.

2. Необходимо учитывать, что китайский язык претерпел за последние двести лет огромные изменения, которые не могут быть просто отнесены на счёт процесса естественного развития языка. Сказалось и воздействие социально-политической истории. Переводы Библии в первой половине XIX в. были сделаны на классическом языке, понятном только представителям чиновничества и интеллектуальной элиты. Стремление миссионеров сделать Священное Писание доступным для более широкого круга читателей выразилось в появлении во второй половине XIX столетия переводов на упрощённом классическом языке. Одновременно начинается составление переводов на современный разговорный язык (*гоюй* 國語, или *байхуа* 白話), который после 1919 г. быстро получил в Китае статус литературного[7].

Для нас важно, что и православные переводчики стремились совершенствовать и модернизировать свои переводы, сделать их более доступными для народа.

3. Переводя библейские тексты на китайский язык, миссионеры постоянно сталкивались с одной и той же проблемой, как передать богословские понятия, не имевшие в этом языке никаких аналогий. Рассматривались разные пути. Первый был предложен католиками, считавшими целесообразным использовать традиционный китайский философский словарь, давая лишь дополнительные пояснения новому словоупотреблению. Сторонники второго метода перевода полагали, что следует избегать применения традиционного словаря, поскольку он ведёт к «конфуцианизации» Священного Писания. Изложенная точка зрения имела своим последствием постепенный переход к описательно-истолковательному переводу Библии, что, в свою очередь, привело к искажениям смысла и неточностям.

Таковы некоторые вводные замечания, в самом общем виде очерчивающие тот исторический контекст, в котором следует рассматривать деятельность миссионеров Российской Духовной Миссии по переводу Священного Писания на китайский язык.

Первые православные переводы принадлежат таким миссионерам, как архим. Петр (Каменский), архим. Иакинф (Бичурин), архим. Даниил (Сивиллов)[8]. Одним из деятельных участников переводческой работы можно назвать иеромонаха Исаию (Поликина), который провёл в Китае многие годы. Неутомимый проповедник и талантливый администратор, он оставил после себя многочисленные тексты на китайском языке: Часослов (почти полностью), краткий Обиход воскресного богослужения, основные песнопения двунадесятых праздников, первой седмицы Великого Поста и Страстной седмицы, Святой Пасхи, Псалтирь (перевод с греческого на разговорный язык *сухуа* 俗話), Парак-

лисис, Акафист Божией Матери, начало Служебника, панихиду, канон прп. Андрея Критского (на литературном и на разговорном языках), русско-китайский словарь богословских и церковных речений[9]. Огромный объём выполненной работы сказался на качестве некоторых переводов, отличавшихся, как выяснилось позднее, неточностями.

Систематическую работу по переводу богослужебных книг и Нового Завета начал иеромонах Гурий (Карпов, впоследствии архимандрит, а в конце жизни – епископ Симферопольский). Еще будучи в составе 12-й Миссии, он в 1830-е годы занимался переводами Соборного послания апостола Иакова, Последования ко Святому Причащению, Последования всенощного бдения, Литургии Иоанна Златоуста и др.[10] Архимандрит Гурий в дальнейшем возглавил 14-ю Миссию в Пекине (1858–1864) и с 1859 г. приступил к переводу Нового Завета. Работа эта продолжалась шесть лет. Отвечая клеветникам, обвинявшим его в использовании чужого перевода, выполненного некоей анонимной англичанкой, он писал: «... никого кроме Господа Бога я не призывал в помощь мне. Помогал мне только магистр словесности китаец Лун, как писец. Я обыкновенно с Новым Заветом в руках ходил по комнате и диктовал, а Лун сидел за столом и записывал мой перевод»[11]. По прошествии четырёх лет черновик был готов. Далее при участии китайцев – учителя Ивана из миссийской школы для мальчиков, учительницы школы для девочек Марии, её сына Никиты и албазинца (потомка казаков, попавших в плен к китайцам. – *Авт.*) Моисея – в течение двух лет устраивались устные чтения. Слушатели пересказывали понятый ими текст, а архимандрит Гурий исправлял его, если перевод был сделан неверно. Впоследствии упомянутые Никита и Моисей выступили в роли корректоров.

О процессе напечатания своего перевода отец Гурий сообщал в 1864 г. редактору «Иркутских епархиальных ведомостей»: «Надо приготовить список для писца; напишут – я должен проверить. С этого списка другой художник напишет полууставом, как должно быть напечатано в книге. Новая поверка: нет ли пропусков, все ли крючки и точки на месте, верно ли сделаны переносы. Резчик берет этот лист, накладывает на доску и по писанному вырезывает. Но и в этой работе не без ошибок. Лист накладывается на доску так, что все буквы приходятся наоборот. Поэтому резчик с самостоятельным взглядом на вещи, которому никакой оригинал не указ, иногда такую поставит букву, которой ни по каким законам быть не следует. Новые хлопоты; и так ежедневно»[12].

Далее следовало получить разрешение Святейшего Синода на использование перевода в практике Миссии. До этого архимандрит Гурий предпочитал особенно не распространяться о своей работе[13]. Санкция духовного ведомства была получена, когда автор перевода уже вернулся на родину – в 1866 г. Однако в соответствии с указаниями ветерана Российской Духовной Миссии архимандрита Аввакума (Честного), весьма приближённого к правительственным кругам в Санкт-Петербурге, было приказано внести некоторые поправки. Архимандрит Гурий с огорчением писал по этому поводу обер-секретарю Святейшего Синода: «Китайцы были очевидцы того, что я для проверки своего перевода пригласил целую комиссию учёных и этою поверкою лично с ними занимался два года. Никто не поверит, что учёный китаец знал китайский язык хуже отца Аввакума... Хорош будет кафтан из китайского атласа, когда пришьют к нему лоскут красного сукна российского произведения»[14].

Если отец Исаия с течением времени всё более и более упрощал язык своих переводов, то архимандрит Гурий предпочитал классический язык, передавая текст не слишком близко к подлиннику. Мы можем отнести его перевод Нового Завета к группе *вэньли* 文理. После 1864 г. текст этот[15] длительное время не переиздавался, о нём постепенно забыли. Так, И. Коростовец в историческом очерке, посвящённом Российской Духовной Миссии, вообще не упоминает о его существовании[16]. Необходимо отметить, что и в наше время переводческие труды отца Гурия не вызвали пристального внимания исследователей[17].

Следующий этап в составлении православных переводов Нового Завета связан с деятельностью архимандрита Флавиана (Городецкого,

впоследствии митрополита Киевского и Галицкого). Он впервые прибыл в Китай в 1874 г. и тогда же приступил под руководством выдающегося китаеведа отца Палладия (Кафарова) к переводу кратких разъяснений к Евангелию. Возглавив 16-ю Миссию (1879–1883), отец Флавиан решил ввести богослужение на китайском языке, для чего были пересмотрены многие старые переводы иеромонаха Исаии, а также сделаны новые. При участии иеромонахов Николая Адоратского и Алексия Виноградова, а также священномученика Митрофана (Цзи) был завершён перевод воскресных служб Октоиха с греческого на китайский классический язык. В редактировании участвовали миссийский учитель Осия и переводчик Евмений. Примерно в это же время были завершены переводы чинопоследований всех двунадесятых праздников, Страстной и Светлой седмиц, Литургий Иоанна Златоуста, Василия Великого и Преждеосвящённых Даров, а также Часослова.

Был пересмотрен гурневский перевод Евангелия и издан заново в 1884 г.[18] Не останавливаясь здесь на анализе текстологических различий, отметим лишь, что евангельский текст в новом издании перемежался краткими разъяснениями, набранными мелкими иероглифами. В дальнейшем тенденция к составлению подстрочных толкований сохранялась. Переводчики констатировали большие трудности, касавшиеся передачи богословских понятий, особенно догматических истин о Пресвятой Троице, таинстве воплощения и др.

При изучении различных переводов Священного Писания на китайский язык учёные стараются проследить влияние одних текстов на другие[19]. В настоящее время мы не располагаем сведениями о том, какими материалами пользовался архимандрит Гурий. Относительно архимандрита Флавиана имеется свидетельство отца Николая Адоратского, что в работе использовался перевод, сделанный С. Шерешевским[20].

Последний православный перевод Нового Завета был сделан в начале XX в., в период 18-й Миссии, которую возглавлял Преосвященный Иннокентий (Фигуровский), епископ Переяславский, а впоследствии митрополит Пекинский и Китайский[21].

При нём издательская деятельность Российской Духовной Миссии приобрела особо широкий размах. Были вновь набраны и переизданы старые переводы, например в 1911 г. вышел Апостол в переводе архимандрита Гурия. Заново был переведён Требник[22]. К 1910 г. был завершён перевод Четвероевангелия.

Перевод Преосвященного Иннокентия фактически представляет собой Евангелие с подстрочным развёрнутым комментарием. Был сделан серьёзный шаг в сторону модернизации языка. Текст значительно приближен к современному разговорному языку, что выражается, в частности, в использовании новой лексики. Отличительной чертой словаря языка *байхуа* является обилие двухсложных слов, представляющих пары иероглифов. В то же время ещё встречаются служебные частицы и грамматические обороты классического языка *вэньянь*.

К сожалению, трагические события 1917 г. в России прервали миссионерскую работу Российской Духовной Миссии, все свои силы обратившей на окормление соотечественников, нашедших временный приют в Китае, спасаясь от большевистских преследований.

Нам неизвестно очень многое о том, как работали православные переводчики Нового Завета. Нет возможности ответить на вопрос, пользовались ли они греческим текстом (и если да, то каким его изданием) или работали исключительно с церковно-славянским и русским. Не знаем мы и того, насколько широко учитывался опыт католических и протестантских переводчиков.

Надо признать, что названные трудности испытывают и исследователи других китайских переводов Священного Писания. Для выявления взаимозависимости между текстами шведский пастор Т. Странденас предложил использовать сравнительный анализ наиболее репрезентативных отрывков. В своём исследовании он таким образом сравнил несколько переводов отрывка из Евангелия от Матфея (5:1-12): двух католических – старинного,

сделанного Ж. Бассе, и современного, подготовленного орденом францисканцев, а также трёх протестантских – Р. Моррисона, «Версии делегатов» и современный китайский перевод.

Мы можем здесь добавить к этому анализу три православных перевода (архимандрита Гурия – *А*; архимандрита Флавиана – *Б*; епископа Иннокентия – *В*), чтобы указать на некоторые моменты сходства или различия, а также проиллюстрировать, сколь сложной была работа миссионеров.

Во-первых, перевод имён собственных, как правило, отражает фонетическое влияние того языка, с которого делался перевод. В связи с этим, например, китайская транслитерация имён в католических изданиях традиционно соотносится с Вульгатой. В большинстве же протестантских изданий заметно влияние английской Библии, известной под названием «Библия Короля Якова» ("King James Version"). В православных переводах очевидно церковно-славянское звучание. В Евангелии от Матфея (5:1) *А* и *Б* начинаются со слова Иисус Христос – *Иисусы Хэлисытосы* 伊伊蘇斯合利斯拖斯, тогда как в других переводах этот стих начинается словом *Есу* 耶穌. Только в *В* используется слово Господь [*чжу* 主] для замены «Он» русского текста и «Ему» церковно-славянского.

Во всех текстах (*А*, *Б* и *В*) Господь обращается к ученикам, одинаково переводимым как *мэньту* 門徒, что совпадает с инославными переводами. Передача на китайском языке начала заповедей блаженств в *А* и *В* несколько отлична. Хотя *А* и *В* не отступают от обыкновения использовать традиционный китайский словарь, а именно переводить «блаженство» как *фу* 福, т. е: счастье и благоденствие (то же встречаем и у Р. Моррисона, и у «Версии делегатов», и в католических текстах). Однако в *В* заметно намерение отразить по-китайски ту точку зрения, что заповеди блаженств являют собой чреду торжественных обращений: «Блаженны вы ... ». Поэтому в Евангелии от Матфея (5:4–11) каждый стих начинается с *фуцзай* 福哉, т.е. с двух иероглифов, обозначающих соответственно счастье и восклицание. Что касается *Б*, то здесь «блаженны» – это те, кто «нарекутся радостными» (*чэнлэ* 稱樂). Соответственно и изменена структура предложения в каждой заповеди, заканчивающейся указанием на блаженство, например нищих духом. Последние, кстати, переданы *А* как «имеющие недостаток Божественности» (*шэньпиньчжэ* 神貧者), что далеко от евангельского смысла. *Б* передаёт это понятие как «скромные сердцем» (*синьцяньчжэ* 心謙者), а *В* – как «скромные» или «не гордые» (*сюйсиньжэнь* 虛心者). Понимание плачущих как проливающих слезы характерно для *А* и *Б*, тогда как *В* ближе по пониманию к переводу «Версии делегатов», т.е. говорит о плачущих в состоянии душевного сокрушения.

Значительно больше вариантов и трудностей с переводом слова «кроткие». *А* говорит о «хороших и добрых» (*ляншань* 良善), *Б* – о «тёплых и добрых» (*вэньлян* 溫良) и, наконец, *В* – о «тёплых и мягких» (*вэньжоу* 溫柔), опять же в соответствии с переводом «Версии делегатов».

Как мы видим, в различных переводах тексты дают почву для разного понимания Священного Писания.

Что касается фундаментальной богословской терминологии, то в православных переводах Бог переводится в *А* и *Б* как «Господин Неба» (*тяньчжу* 天主). То же обнаруживаем и в современном католическом переводе, тогда как Р. Моррисон использует слово *шэнь* 神, обозначающее по-китайски любого бога или духа языческого пантеона. Что касается *В*, то тут использовано слово из традиционного китайского словаря – *шанди* 上帝, т.е. «небесный император». Царствие Небесное универсально переводится во всех текстах как *тяньго* 天國, т.е. используется слово, также имеющее глубокие корни в традиционной китайской идеологии и национальном мифологическом сознании.

Итак, из самого поверхностного обзора мы видим, что выполненные отечественными миссионерами переводы Нового Завета хотя и не были полностью оторваны от инославных текстов, однако отличаются от них самостоятельностью.

Примечания

[1] Ван Вэйфань. *«Шэнцзин» и цзай чжунго*. Переводы Библии в Китае (王維藩. «聖經»譯在中國). – *Шицзе цзунцзяо яньцзю* (世界宗教研究), Пекин, 1992, № 1. С. 72.

[2] Wang Weifan. The Bible in Chinese. – *The Chinese Theological Review*. Orchard, 1993, № 9. P. 104.

[3] Ю Жуцзе. *Шэнцзин фанянь ибэнь шуму каолу*. Каталог переводов Библии на диалекты китайского языка (游汝傑。 聖經方言譯本書目考錄). – *Цзидуцзяо юй чжунго вэньхуа цункань* (基督教與中國文化叢刊). Ухань, 2000, № 3.

[4] См.: Чжао Вэйбэнь. *Шэнцзин суоань – сяньдай уда чжунвэнь шэнцзин фаньи ши*. Возвращаясь к истокам перевода Писания. История пяти современных переводов Библии на китайский язык (趙維本. 譯經溯源 – 現代五大中文聖經翻譯史). Гонконг, 1993; Хай Эньбо (Broomhall M.). *Шэнцзин юй чжунхуа*. Библия и Китай (海恩波. 聖經與中華). Гонконг, 1951.

[5] Chin Wai-boon. Chinese Versions of the Bible. – *Journal of the Chinese School of Theology*. Hong Kong, 1994, № 16. P 85.

[6] Фан Чжи-жун. *Тяньчжуцзяо юй цзидуцзяо шэнцзин ды итун*. Сходства и различия между католической и протестантской Библиями (方知榮. 天主教與基督教聖經的異同). Тайнань, 1987. С. 60.

[7] Loh I-jin. Chinese Translations of the Bible. n.p., n.d. P. 62.

[8] Хохлов А.Н. Российская Православная Миссия в Пекине и китайские переводы христианских книг. – Китайское языкознание. VIII Международная конференция. М., 1996. С. 160–164.

[9] И.Н.А. (иеромонах Николай Адоратский). Настоящее положение и современная деятельность Православной Духовной Миссии в Китае. – *Православный собеседник*. Казань, 1884, август. С. 378.

Приводим некоторые китайские названия православных переводов:

Новый Завет – 聖經新約; 新約全書; 新遺詔聖經.

Евангелие от Матфея – 馬特斐之聖福音經; от Марка (瑪爾克); от Луки (魯喀); от Иоанна (伊望).

Деяния апостолов – 宗徒行實.

Послания апостолов – 宗徒書札.

Апокалипсис – 默示錄.

Воскресные службы Октоиха – 主日八調讚詞冊.

Служба Рождества Христова – 主降生瞻禮讚詞.

Служба Крещения Господня – 主領洗瞻禮讚詞.

Служба Благовещения Пресвятой Богородицы – 聖母領報瞻禮讚詞.

Служба Сретения Господня – 主進堂瞻禮讚詞.

Служба Недели ваий – 聖枝主日瞻禮讚詞.

Служба Великого Пятка (Страсти Господни) – 主受難瞻禮讚詞.

Служба Святой Пасхи – 主復活瞻禮讚詞.

Служба Вознесения Господня – 主升天瞻禮讚詞.

Служба Пресвятой Троицы – 聖三主日瞻禮讚詞.

Служба Преображения Господня – 主易聖容瞻禮讚詞.

Служба Введения во Храм Пресвятой Богородицы – 聖母進堂瞻禮讚詞.

Служба Рождества Пресвятой Богородицы – 聖母聖誕瞻禮讚詞.

Служба Успения Пресвятой Богородицы – 聖母安息瞻禮讚詞.

Псалтирь – 聖詠經.

Часослов – 時課經.

Служебник – 事奉經.

Толковый молитвослов – 祈禱經.

Катехизис – 信經問答; 教規略述; 教理問答; 東教宗鑑; 聖教理問; 聖教會要課.

Жития святых – 東教宗聖人行實.

[10] *Китайский благовестник*. Пекин, 1916, №2 9-12. С. 167.

[11] Из письма Преосвященного Гурия к И. И. Палимпсестову о переводе Нового Завета на китайский язык. – *Русский архив*. СПб., 1893, № 11. С. 394. О китайских переводчиках см. также: Из донесения П. И. Кафарова (Палладия) в Синод 10 марта 1869 года. – П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. К 100-летию со дня смерти. Материалы конференции. Ч. 2. М., 1979.

[12] О занятиях Пекинской Православной Миссии. – *Иркутские епархиальные ведомости*. Иркутск, 1864, № 11. С. 185.

[13] См.: Извлечение из отчёта начальника Императорской Духовной Миссии в Пекине архимандрита Гурия о состоянии и действиях сей миссии в течение 1859–1862 годов. – *Христианское чтение*. СПб., 1864, январь. С. 494.

[14] Письмо архимандрита Гурия к И. Г. Терсинскому о переводе Нового Завета на китайский язык. – *Русский архив*. СПб., 1894, № 1. С. 97–98.

[15] *Синьчжао шэнцзин*. Священное Писание Нового Завета (新遺照聖經). Пекин, 1864.

[16] Коростовец И. Русская духовная миссия в Пекине. Исторический очерк. – *Русский архив*. СПб., 1893, № 9. С. 80.

[17] См.: Августин (Никитин), архим. С.-Петербургская Духовная Академия и Российская Духовная Миссия в Пекине. Архимандрит Гурий (Карпов), 1814–1882. – Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб., 1993. С. 42.

[18] *Фушь цзин цзицзе*. Евангелие с объяснениями (福音經集解). Пекин, 1884.

[19] См.: Strandenaes T. Principles of Chinese Bible Translation as Expressed in Five Selected Versions of the New Testament and Exemplified by Mt 5:1–12 and Col 1. Stockholm, 1987.

[20] См.: И.Н.А. Настоящее положение и современная деятельность... С. 382. С. Шерешевский, польский еврей, уроженец Российской империи, получил религиозное иудейское образование, эмигрировав в США, становится христианином, оканчивает семинарию и прибывает в 1859 г. в Шанхай в качестве проповедника американской епископальной церкви, в дальнейшем стал епископом. Используя знание древнееврейского языка, в 1875 г. завершил перевод Ветхого Завета на пекинский диалект. В 1881 году он был парализован. Имея возможность печатать только двумя ещё действующими пальцами, он к 1902 г. подготовил свой перевод Библии на упрощённый литературный язык. Этот текст был наиболее распространен в Китае вплоть до 1919 г., когда появился перевод «хэхэ». – См.: Чжао Вэйбэнь. Цит. соч. С. 23–24; Ло Сюйжун. *«Шэнцзин» цзай чжунгоды ибэнь*. Переводы Библии в Китае (羅虛榮。 «聖經»在中國的譯本). – *Цзиньлун шэньсюэчжи* (金隆神學志). Нанкин. 1988. № 4. С. 38.

[21] Сегодня мы располагаем только переводом Евангелия от Матфея – *Матефейи шэнфунь цзин*. От Матфея Святое Благовествование (馬特斐伊聖福音經). Пекин, 1911.

[22] *Китайский благовестник*. 1907, № 7–8. С. 9; 1908, № 9–10. С. 2.

Что не понял переводчик?

Интервью В.В. Путина журналу *Time*

Е.М. Хомякова

Недавно американский журнал *Time* объявил президента России В.В. Путина Человеком года, и это событие было широко освещено как в российской, так и в мировой прессе, вызвав немало споров и комментариев. Журналисты комментировали как сам выбор журнала, так и интервью с В.В. Путиным, опубликованное *Time* после трёх с половиной часов беседы с президентом в Ново-Огарево. В данном случае вызывает интерес не политическая составляющая этого интервью, и без того много раз описанная соответствующими изданиями, а его лингвистический аспект. При общем, безусловно, высоком качестве английского перевода интервью, опубликованного *Time*, сравнение исходного русского и переводного английского текстов выявляет ряд стилистических погрешностей и смысловых ошибок, очевидно вызванных непониманием американским переводчиком нюансов русского языка, недостатком страноведческих знаний, а иногда и просто недостатком внимания.

Разумеется, синхронный перевод (а это был именно он) неизбежно сопряжён с определёнными погрешностями и помарками, и многое можно списать именно на цейтнот и напряжение момента, однако для уточнения и корректирования ошибок переводчика у редакторов журнала были и время, и возможности, которыми они не воспользовались или воспользовались не в полной мере.

Было бы интересно попытаться проанализировать допущенные переводчиком *Time* ошибки, чтобы понять, на чем именно споткнулись американские профессионалы, и, может быть, сделать какие-то выводы для себя.

Эти ошибки можно условно подразделить на вызванные непониманием того, о чём идёт речь, и, как следствие, вольной интерпретацией переводчика (I), на ошибки невнимания, когда потеря бдительности приводит к искажению смысла (II), либо просто результат небрежности составителя статьи (III).

I. Ошибки непонимания.

Текст интервью	Текст переводчика *Time*
1. Да, если посмотреть на карту мира, то по сравнению с Россией или Соединенными Штатами Ирак там заметить трудно. И, казалось бы, легко «прижать» небольшую страну. Но брызги-то какие – до сих пор не знаем, что с этим делать.	If one looks at the map of the world, it's rather difficult to find Iraq, and one would think it rather easy to subdue such a small country, but this undertaking is enormous.

Тут сравнение с Россией и США было переводчиком опущено и создалось впечатление, будто Путин в неладах с географией: с трудом может найти на карте Ирак. Возможно, это и не удивит американскую аудиторию, которая уже смирилась с тем, что их собственный президент регулярно путает Австрию с Австралией, но всё же российский президент явно имел в виду нечто другое. И предложение про брызги также явно было не понято переводчиком, и он просто генерализировал его, написав про *undertaking*. Наверное, в устном переводе это было бы хорошим выходом, но на письме, в тексте статьи, это уже смотрится странно и очевидно искажает смысл.

Текст интервью	Текст переводчика *Time*
2. Россия – такая страна, которая, так же как и Соединённые Штаты, нуждается в сбалансированной, но сильной президентской власти.	Russia is a nation, like the United States, with a balanced but strong presidential power.

Всё-таки *нуждаться* в чём-либо и *иметь* что-либо – это разные вещи, заменить одно другим – значит подменить понятия.

3. Рузвельт – очень симпатичная фигура, это выдающийся государственный деятель…	Roosevelt is a very notable figure and we treat him with great sympathy.

Тут, похоже, всплыл ложный друг переводчика, на которого попался переводчик *Time*. Конечно, трудно ожидать, что Рузвельта охарактеризуют как симпатичного политического деятеля, это не самый распространённый в таких случаях эпитет, но что-то более нейтральное, вроде *respect*, выглядело бы более естественно. А то получается, что Путин Рузвельту сочувствует, потому что тот выдающийся. Загадочна русская душа!

4. В Америке, как Вы знаете, также начинается президентская кампания. Любой кандидат, включая даже нынешнего Президента, обзавидовался бы, если бы имел такие же рейтинги популярности, какие имеете Вы в России.	In America even a sitting President would envy your popularity ratings.

Странно, что нынешний Президент превратился в любого Президента США при исполнении обязанностей. Выходит, что каждый американский президент должен завидовать популярности Путина, хотя речь шла явно только о Буше.

5. И те наши будущие российские и американские лидеры, которые поймут это, будут востребованы и будут успешными.	Future leaders of Russia and the U.S. will understand this.

В переводе *Time* Путин стал гораздо более оптимистичен в отношении будущих российских и американских лидеров, чем об этом можно судить из его собственного высказывания. Всё-таки не все лидеры поймут, и не все будут успешными – существует придаточное предложение, которым не следует пренебрегать.

6. Уже невозможно кого-то выстроить в военном режиме или загнать в стойло, потому что сегодня другая ситуация.	But today it's not possible to militarily corner others, to make other people obey.

To make people obey by military force – возможно. *Militarily corner others* – непонятно. То ли загонять в угол, тогда почему, об этом речи не шло, то ли выстроить в буквальном смысле? Явно переводчик не понял слово из разговорной речи и передал то, что понял, как сумел.

7. … наша задача заключается в диверсификации экономики и придании ей инновационного характера. Именно для этого мы создаём новые институты развития, именно для этого мы создаём специальные экономические зоны, именно поэтому обращаем особое внимание на развитие образования, науки.	… we are now diversifying our economy on the basis of innovation. We have set up special economic zones. As a result of all of this, we are paying special attention to the development of our education and science

Именно поэтому – это всё-таки *that is why*, а не *as a result of all of this*. Перепутались причина и следствие, и получилось, что Россия уделяет особое внимание развитию образования, потому что появились новые экономические зоны, тогда как это всё звенья одной цепи в перечислении причин.

Текст интервью	Текст переводчика *Time*
8. Но их мало не только в журналистской среде, их мало вообще: они такие пассионарные люди, они в любой среде немножко диссиденты.	I don't live with any journalists, but generally speaking they are very passionate people.

Здесь, конечно, Президент напугал переводчика словом «пассионарный». В целом, нельзя требовать от американского переводчика, чтобы он знал теорию Льва Гумилева, и ожидать, что он сумеет объяснить этот непростой термин, так как это слово однозначного перевода не имеет. Видимо, из-за этого недопонимания и возникла странная фраза, не имевшая ничего общего с тем, что сказал Путин в этом абзаце. *I don't live with any journalists*. Непонятно, что имел в виду переводчик, и почему эта фраза осталась в тексте интервью после редакционной правки, – это явный ляп.

9. Журналистское сообщество – это часть российского общества, которая также состоит из людей, которые хотят лучше жить, лучше зарабатывать, пользоваться всеми благами цивилизации.	First, the journalist community is part of Russian society. There are folks who want to leave Russia, to make more money, and so forth.

Очевидно, что смысл был не понят. Путин не говорил, что кто-то из журналистов хочет уехать из России, они просто хотят жить лучше. Это серьёзная ошибка, так как речь идёт о журналистах, которые из-за желания подзаработать попадают в сети криминалитета и нередко затем становятся его жертвами. А из перевода следует, что криминальные группировки убивают тех, кто хочет уехать из России, чтобы заработать денег. Такие вот патриотичные мафиози.

10. И мы, конечно, будем делать всё для того, чтобы таких людей защитить и обеспечить им безопасность и возможность заниматься своей профессиональной деятельностью.	We do whatever it takes to protect them, to ensure their security, and to work professionally as they should.

Здесь произошёл какой-то грамматический сбой, и получилось, что Путин даёт наставления журналистам о том, что они должны работать профессионально. Странно, что такую очевидно нелепую фразу просмотрел редактор.

11. А на самом деле, мне кажется, это просто инструмент для влияния на Россию – неправильный инструмент.	But I believe this is a tool to affect others, which is a wrong way to go.

Инструмент влияния *на Россию*, а не на неких других, к тому же глагол выбран не очень удачно. Скорее, это должен был бы быть глагол *influence* или даже *manipulate*.

12. ...они сделали шаг к разрушению системы, которую российский народ уже не мог выносить.	...they moved toward destruction of the system that no longer could sustain the Soviet people.

Произошла явная путаница, так как из перевода следует, что существовавшая система не могла больше обеспечивать существование советского народа, тогда как это народ уже больше не мог выносить эту систему: *Could no longer put up with/tolerate it*.

Текст интервью	Текст переводчика *Time*
13. Мы в течение 40 лет вели с Китаем переговоры по урегулированию пограничных вопросов, обращаю ваше внимание: 40 лет.	For 40 years, we've been negotiating with China to settle border issues, and I'll now pay close attention to that.

Опять фраза, неверно понятая переводчиком. Путин подчёркивает, что переговоры были очень долгими, и обращает внимание журналиста именно на это. В переводе получилось, что переговоры велись 40 лет, и только теперь Путин собирается уделить этому внимание.

14. И вообще, несмотря на разницу во взглядах на очень многие вещи, такие знаки человеческого внимания и доброжелательное отношение друг к другу, культура отношений первых лиц – это особая химия, и она очень важна.	I am very grateful to him for that, and despite our different views, we share a special personal chemistry.

Путин говорил о бывшем президенте США Билле Клинтоне, о том, что у них сложились хорошие отношения, и последний абзац был неким обобщением, не относившимся непосредственно к Клинтону, просто вывод о важности человеческих отношений для первых лиц государства. Путин не говорил о том, что у них с Клинтоном были расхождения во взглядах, а из перевода следует, что всё вышесказанное говорилось о Клинтоне и относится только к нему.

15. Да, у меня Библия лежит в самолёте. Я летаю много. В самолёте, которым я пользуюсь, у меня и Библия лежит, и икона там есть, она такая своеобразная, вышитая, но всё там есть.	Yes, I have. And the Bible is on my plane. I fly frequently, you know. And on the plane I use, there is a Bible. I also have an icon there with some sewing on it.

Пассаж получился скомканным, он явно вызвал затруднения, нарушилась темаремматическая связь, возникло непонимание реалий. Если воссоздавать образ иконы, лежащей у Путина в самолёте, по данному переводу, получается некая обычная икона, на которой почему-то сделаны какие-то стежки, а вовсе не *an embroidered icon*, что имелось в виду.

16. ...я их очень поддерживаю и сочувствую им в высшей степени.	...and I associate with them a lot, to protect the environment, one of the top priorities of the human race. And I associate with them a lot, to protect the environment, one of the top priorities of the human race.

Речь идёт об активистах зелёного движения, которым Путин хоть и сочувствует, но всё же не общается с ними так активно, как это можно предположить из перевода. *I support them...*

17. У нас нет никакого пессимизма по этому вопросу – будем работать.	We're not optimists in this regard. We are not pessimists. We will work on it.

Почему-то Путина лишили оптимизма, хотя он вполне оптимистично настроен, по крайней мере, про отсутствие оптимизма он не говорил.

II. Ошибки невнимательности

Текст интервью	Текст переводчика *Time*
1. Но у лидеров, как правило, не возникает особых прав – у них возникают, как правило, обязанности. А если лидеры начинают думать, что у них особые права, то они часто теряют эти лидерские позиции.	However, as a rule, leaders do not have rights; they mostly have commitments and obligations. When they come to think that they have rights, they tend to lose their position and authority.

Переводчик дважды пропустил слово «особые», которое является в предложении ударным и без которого вся фраза становится нелепой: у лидеров, оказывается, нет никаких прав, одни обязанности, и им даже подумать о возможности получения прав нельзя, сразу лишатся всякого авторитета. Дискриминация, да и только!

2. Но мы боремся не с какими-то религиозными проявлениями, а с идеологией нетерпимости, в какие бы одежды она ни рядилась.	We're not encountering religious demonstrations but rather an ideology of intolerance, regardless of what colors it paints itself.

Борьба в переводе превратилась в констатацию факта существования нетерпимости, а сама фраза лишилась смысловой нагрузки. Если вместо *encounter* стоял бы глагол *counter*, этого можно было бы избежать.

3. Я глубоко убеждён, что Президент Буш взял на себя огромную ответственность, взял на себя большую, причём личную, нагрузку – и я хочу его с этим поздравить.	I'm convinced that President Bush has taken upon himself an enormous personal burden, and I would like to congratulate you as a nation that that risk was a worthwhile endeavor.

Поздравляет Путин лично Буша, а не всю американскую нацию, и хотя Джордж Буш, в качестве американского президента, безусловно, представляет США, здесь поздравление адресовано ему лично и это подчёркивается в интервью. Было ли право у американских журналистов делать такую подмену, судить трудно, но с переводческой точки зрения это явная отсебятина.

4. Я для себя еще не принял решение, буду я претендовать на должность Председателя Правительства или нет.	I'm prepared to accept Dmitri Medvedev's offer to serve as the Premier.

Здесь просто смысл изменился. Он говорит, что решения не принял, а переводчик за него это решение принимает. Тут, конечно, хорошо, что угадал, а конфуз вышел бы изрядный. Возможно, впрочем, что эта фраза была добавлена в английский текст через несколько дней после интервью, когда президент Путин уже определился со своим преемником. То есть американский редактор над текстом всё-таки работал. Жаль, что в другие места текста он не заглянул...

5. Но также очевидно, что нельзя было откладывать на потом и рыночные преобразования.	It is equally clear that market transition could be postponed to a later date.

От недостатка внимания произошла смена минуса на плюс. Откладывать было *нельзя*, а переведено как *можно*. Это серьёзная ошибка, так как речь идет об отношении Президента к рыночным преобразованиям, важной теме в российско-американском диалоге, где такого рода ошибки ведут к серьёзному непониманию.

Текст интервью	Текст переводчика *Time*
6. ...нам **не** нужно, как в Евросоюзе, придумывать правила использования национальных языков...	Like in the European Union, we do not have to invent the rules of use of national languages...

Та же самая проблема, не было услышано отрицание. *Unlike* превратилось в *like*, и в результате Путин сам себе противоречит, ведь очевидно, что в Евросоюзе проблема единого языка стоит остро, а значит отождествление ситуации в постсоветском пространстве и в Евросоюзе лишено смысла.

7. Некоторые отрасли экономики просто не могут существовать друг без друга, просто не в состоянии. Это касается и России, и Украины, и Белоруссии, и Казахстана, многих других республик бывшего Советского Союза.	Many economies, many industries are not able to sustain themselves without relying on countries like Ukraine, Belarus, Kazakhstan and other former Soviet republics.

Очевидная смысловая ошибка, так как речь идёт не о том, что какие-то страны не могут существовать без экономик Украины, Белоруссии, Казахстана и других бывших соцреспублик, а о том, что эти страны бывшего СССР тесно взаимосвязаны и не могут обойтись *друг без друга*.

8. Как было однажды сказано, если Господь Бог существует, то он не знает о том, что у людей разные взгляды на церковь.	As somebody said once, if God exists, he does know that people have different views regarding church.

К сожалению, ещё одна грубая ошибка, где просто отрицание не было услышано.

III. Ошибки при вёрстке

Текст интервью	Текст переводчика *Time*
1. ВОПРОС: Хотелось бы коснуться темы НАТО. Можно ли рассматривать НАТО как живой организм или это всё-таки рудимент того, о чём Вы только что говорили, – блокового мира? *В. ПУТИН:* Я не сказал бы, что НАТО – это «смердящий труп холодной войны».	*TIME:* **What is NATO's purpose today? If Russia were invited to join would it do so?** *PUTIN:* I wouldn't call NATO a putrid corpse of the cold war, but it is a leftover of the past, indeed.

Тут журнал напечатал вопрос, который был задан не целиком, в результате чего создается странное впечатление, что Путин ни с того ни с сего начинает говорить про смердящий труп и НАТО, хотя у него всего лишь спросили про его мнение о целях НАТО. Всё-таки вопрос про живой организм следовало оставить, иначе выглядит это дико, особенно в качестве начала ответа на вопрос. Конечно, это вопрос уже не к переводчику, а к редактору журнала.

2. ВОПРОС: Объясняет ли рост экономики России успех российских теннисистов на мировых аренах? *В. ПУТИН:* Нет, это не объясняет успех российских теннисистов, но успехи российских спортсменов в целом, конечно, связаны в том числе и с экономикой.	*TIME:* **Could you explain the success of the Russian tennis program and why there are so many great Russia tennis players?** *PUTIN:* The successes scored by Russia's sportsmen and sportswomen can of course be explained in part by the successful development of the Russian economy.

Здесь вопрос, заданный Путину, и вопрос, напечатанный в журнале, просто не совпадают. Трудно сказать, в какой момент произошёл переводческий сбой, возможно, журналист

спрашивал именно то, что и было напечатано, а Путин отвечал на то, что ему перевели, но ведь очевидно, что получилась некая нелепица. Человека спрашивают, чем он может объяснить успех теннисистов (вопрос довольно странный, если учесть, что его адресуют не тренеру сборной, а президенту страны, и наводит на мысль, что, наверное, он и был сформулирован так, как его перевели Путину, т.е. как некая шутка), а он в ответ говорит, что, конечно, успех теннисистов отчасти успешной экономикой объясняется. Ну а чем же ещё?

Это далеко не исчерпывающий список погрешностей, обнаруженных в переводе интервью *Time*, но этот список, на мой взгляд, достаточно убедительно демонстрирует, что журнал поленился ещё раз проверить то, что было сказано Президентом Путиным, и сравнить с тем, что было синхронно переведено. Это, мягко говоря, досадно, ведь статьи такого рода, как правило, получают большой отклик во всём мире и оказывают влияние на имидж как интервьюируемого и страны, которую он представляет, так и на репутацию самого журнала и качества его работы. В данном случае, редакторская работа была выполнена не в полном объёме, и интервью было опубликовано в довольно сыром виде. Если кто-то хочет ознакомиться с полным текстом интервью на русском и с его английской версией, их можно найти в Интернете по адресам www.kremlin.ru и www.time.com соответственно.

Терминологические головоломки

Е.В. Юшина

Точность выражения мысли в оригинале и точность его выражения в переводе требуют широкого использования терминологии — знакомства переводчика с терминологическими системами обоих языков, умения работать с отраслевыми словарями и пользоваться консультациями специалистов.

В век научно-технической революции и сложных финансово-экономических отношений нередко даже в газетах и журналах, предназначенных для широкого круга читателей, можно встретить материалы, разобраться в которых будет нелегко даже специалисту. Острая потребность в большом количестве переводных работ и отсутствие контроля над работой переводчика привели к стихийному формированию терминологии финансовой сферы. В результате появилось большое количество избыточных слов. Во-первых, переводчикам не всегда было известно о наличии в русском языке полного эквивалента иностранного термина и они добавляли новый; во-вторых, переводчики работали отдельно друг от друга и создавали свои собственные термины; в-третьих, новые слова появлялись и без участия переводчиков, а стараниями экономистов и представителей других специальностей, которым приходилось иметь дело с иностранной экономической и финансовой литературой. Однако в последнее время лексический состав финансовой терминологии достиг критической точки, и наметилась тенденция к её систематизации, упорядоченности и уточнению терминов. Думается, что в авангарде этого движения должны идти преподаватели специальных видов перевода.

Следует также обращать особое внимание на подвижность финансовой терминологии русского языка, состоящую в быстром отображении ею динамики развития финансовой системы. В переходный период происходит стремительное изменение реалий, что, безусловно, находит своё отражение в языке. Некоторые лексические единицы, не выдерживая конкуренции со стороны других благозвучных и удачных слов, исчезают, например, сравните «буккипинг» и «бухгалтерский учёт». Подвижность русскоязычной финансовой терминологии препятствует её превращению в терминосистему.

Никак нельзя при преподавании специальных видов перевода обойти вниманием проблему синонимии. Присутствие синонимии и терминологических дублетов характерно для русской финансовой терминологии в большей степени, чем для английской. Синонимия получила распространение вследствие расширения понятийного аппарата экономики.

Синонимия в финансовой терминологии существует между доперестроечными терминами и заимствованиями последних лет. Например, «контора» — «офис», «облигация» — «бонд», «бухгалтер-ревизор» — «аудитор», «вкладчик» — «инвестор»; а также заимствований последних лет: «эккаунтинг» — «буккипинг», «буфер» — «стоп-лос» (*бирж*).

Во мнениях многих видных специалистов есть расхождения по вопросу о том, вредны ли для терминологии явления полисемии, синонимии, омонимии.

В финансовой терминологии, в отличие от языка художественной литературы, дублеты нельзя рассматривать как проявление выразительных возможностей языка. Признавая синонимию пороком терминологических систем, терминологи В.С. Лотте, В.П. Даниленко, В.П. Кузьмин считают это явление терпимым. Можно согласиться с ними в том, что терминологическая дублетность адекватному восприятию текста специалистами не препятствует. Однако для переводчиков-лингвистов синонимы часто являются помехой, поэтому в данных терминосистемах упорядочение, в первую очередь устранение дублетности — «мёртвого груза терминологических систем», — явно назрело.

Ещё одним серьёзным вопросом для современного переводчика является постоянное и стремительное расширение понятийного аппарата, наплыва всё новых явлений на финансовом рынке, и, соответственно, появления новых терминов. Для таких терминов не существует перевода, поскольку сами явления, описываемые ими, только возникли. Вот когда переводчику и преподавателю специальных видов перевода приходится проделывать кропотливую исследовательскую работу, поиск. Возьмём, к примеру, неожиданно свалившийся всем на голову кризис ипотечного кредитования в США, повлёкший за собой целый ряд кризисных явлений в экономике, не говоря уже об изобилии новых терминов-головоломок. Терминологическое сочетание *subprime crisis* не сходит сейчас с уст специалистов. В российской экономической прессе встречается предложенный специалистами вариант перевода «кризис субстандартного ипотечного кредитования» или перевод-толкование «дефолт заёмщиков с сомнительной кредитной историей по ипотечным кредитам». В аудитории, особенно среди неспециалистов, несомненно, возникнут вопросы относительно перевода, требующие более подробного разъяснения всех составляющих предложенного в переводе словосочетания.

Обратимся к словарю: «Новый англо-русский банковский и экономический словарь» Б.Г. Фёдорова. Пытаясь дать объяснение *subprime*, уточним значение *prime* в контексте ипотечного кредитования. *Prime rate* — «прайм-рейт» (США): публикуемая банками базовая ставка по краткосрочным кредитам первоклассным заёмщикам; ставка по конкретному кредиту обычно устанавливается путём двусторонней договорённости как сумма «прайм-рейт» и определённой маржи; «прайм-рейт» изменяется сравнительно редко и служит ориентиром стоимости кредита; в Великобритании таким ориентиром являются базовые ставки банков. Если *prime* относится к первоклассным заёмщикам, явно не обладающим сомнительной кредитной историей, то очевидно, что *subprime* характеризует ненадёжную кредитную историю, а следовательно,

и субстандартное (ниже определённого стандарта) ипотечное кредитование, что весьма точно передаёт причину самого кризиса ипотечного кредитования.

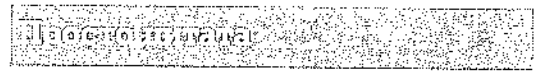
На помощь банкам, оказавшимся в весьма затруднительном положении в результате кризиса субстандартного ипотечного кредитования, приходят *sovereign wealth funds*. И опять возникает проблема с переводом, который разъясняет следующий контекст:

"On January 15th the government of Singapore, Kuwait and South Korea provided much of a $ 21 billion lifeline to Citigroup and Merill Lynch, two banks that have lost fortunes in America's credit crisis. It was not the first time either had tapped the surplus saving of developing countries, known as sovereign – wealth funds, that have proliferated in recent years thanks to bumper oil prices and surging Asian exports." (Economist)

Итак, *sovereign wealth funds* определяется как сверхдоходы или сбережения стран с развивающейся рыночной экономикой, вложенные в зарубежные предприятия, чему в учебном пособии «Организация управления инвестициями» (Cadogan Financial, 1997) соответствует весьма скудное определение «зарубежные фонды». В современной экономической прессе предлагается вариант перевода «суверенные фонды».

Из недавно появившихся явлений в области кадровых вопросов хотелось бы отметить *vendor management models* и *recruitment process outsourcing* (RPO). Для того чтобы предложить адекватный перевод данным терминологическим словосочетаниям, необходим контекст. "*Another recent development is the use of vendor management models to improve the performance of a panel of recruitment providers* (специалисты по подбору кадров, рекрутеры). *These vendor management models drive performance, improvements, contact compliance and reduce the 'cost per hire' through the elimination of contract spending and improving the hiring – to – interview ratio*". Отсюда можно сделать вывод, что агентства по подбору кадров начинают использовать расширенную модель набора персонала, оказывая перспективным работодателям полный спектр услуг – от интервью до оформления контракта с будущим сотрудником. В отношении *recruitment process outsourcing* (RPO) можно отметить, что это очередное нововведение в процессе подбора персонала, демонстрирующее стратегическое партнёрство клиента и рекрутера, используя «процесс аутсорсинга в сфере занятости».

Как видно из приведённых выше примеров, за многими терминами стоят понятия, доселе не существовавшие в отечественной науке, экономике и юриспруденции. Однако кропотливая работа, консультации коллег и специалистов, неутомимый поиск наиболее близкого эквивалента или аналога в родном языке, исчерпывающего объяснения, перевода путём толкования представляется на современном этапе проявлением не много не мало гражданской позиции переводчика.



Л.Н. Толстой. Из дневника (23 марта 1851 г.)

С 10 до 12 писать дневник и правила для развития слога. Делать отчётливые переводы.

Переводить что-нибудь с иностранного языка на русский для развития памяти и слога.

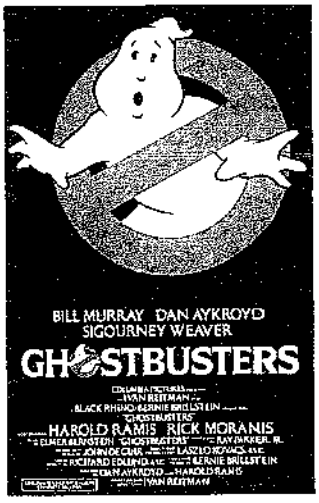
Слова-привидения

Д.И. Ермолович

В современном русском языке существуют слова-привидения. Мы их слышим и видим, и они многих вводят в заблуждение относительно своей реальности. Они порой вылетают из уст образованных людей, а нередко смотрят на читателя со страниц солидных печатных изданий. Обманутые их кажущейся респектабельностью, люди верят в их существование и сами начинают их употреблять.

Но на самом деле этих слов не существует! Убедиться в этом можно, заглянув в любой авторитетный словарь русского языка. Со словами-привидениями, маскирующимися под реальные слова, необходимо бороться. Ведь они незаметно разрушают грамотность даже образованных людей, которые и должны, по идее, быть хранителями речевой культуры.

Впору вызывать охотников за привидениями — наподобие персонажей из известного американского фильма "Ghostbusters" (1984) режиссёра И. Рейтмана.



Привидениям – нет! (Афиша фильма «Охотники за привидениями»)

Казалось бы, у охотников за словами-привидениями должно быть даже меньше проблем, чем у киногероев: ведь если для истребления злых духов в американском фильме требовались уникальные протонные пушки, то для борьбы с ненастоящими словами достаточно лишь такого нехитрого оружия, как толковый словарь. Но беда в том, что агрессивные слова-привидения уже умудрились затаиться в закоулках языкового сознания столь многих людей, что те уже свыклись с ними. А побудить людей критически посмотреть на привычное — одна из самых трудных задач.

Но не будем унывать, коллеги — лингвисты и переводчики! Кому же, как не нам, бороться с языковыми призраками? А чтобы бороться с противником, его надо знать в лицо. В этой статье я хочу разоблачить некоторые, самые назойливые слова-привидения.

развитый

Начну с цитат:

Когда государство имеет развитый рынок, качественные трудовые ресурсы..., ему проще решать, в какой момент и в какой сфере ужесточать регулирование, в какой ослаблять.

(*«Известия», №198, 2003 г.*)

Учёные и политики при любой дискуссии с энтузиазмом соглашаются, что развитый средний класс должен быть ключевым фактором устойчивости демократических перспектив России.

(*Газета «Время новостей», №14, 2008 г.*)

Читатель, ты заметил слово-привидение? Если не заметил, я этому почти не удивлюсь.

Ведь в последнее время почти все наши политики, а также и многие журналисты, усвоили это несуществующее прилагательное — **ра́звитый*. Куда нашей стране деваться без сравнения с индустриальными странами! Вот мы и слышим постоянно с экрана телевизоров: «ра́звитые» страны, «ра́звитое» производство, «ра́звитая» система социального обеспечения...

Вот что странно: те политики, которые в своих речах рассказывают нам о ситуации в «ра́звитых» странах, в большинстве своём относятся к старшему поколению. И мне удивительно, как это поколение позабыло о временах своей молодости, когда им беспрестанно твердили про то, что они живут при **развито́м** социализме. Да ещё и самих заставляли про это рассказывать на семинарах по политэкономии, истории КПСС и научному коммунизму.

Напомню им о тех временах цитатой из Большой Советской энциклопедии:

Впервые **развитой** социализм был построен в СССР в результате глубоких изменений в экономике и всей системе общественных отношений... Переход к этому этапу произошёл в Советской стране в начале 60-х гг.

(*Л.И. Абалкин. Статья «Социализм». БСЭ, 3-е изд.*)

Какой бы социализм – развитой или недоразвитый – ни был на самом деле построен в те времена, надо отдать ему должное в том, что тогда спичрайтеры, редакторы и журналисты всё-таки почаще заглядывали в словарь и употребляли слова в соответствии с литературной нормой. А норма эта такова, что в русском языке существует прилагательное **развитой** с ударением на последнем слоге. Подкрепим это цитатой из словаря:

РАЗВИТО́Й, -а́я, -о́е. ... 3. Достигший высокого уровня, высокой стадии развития. *Развиты́е страны. Развита́я промышленность. Развита́я литература.*

(*С.А. Кузнецов. Большой толковый словарь русского языка. Спб., 2000.*)

Надо оговориться: существуют прилагательные *слабора́звитый*, *недора́звитый* и *высокора́звитый*. Может быть, слово-привидение возникло как осколок этих слов. Кроме того, форма *ра́звитый* существует в русском языке на законных основаниях как страдательное причастие от переходного глагола *развить*, но в этом случае она поддаётся замене на придаточное предложение со словом *который*. Например, можно сказать: «скорость, ра́звитая автомобилем (=которую развил автомобиль)», «мускул, ра́звитый тренировками (=который развили тренировками)».

Однако если подобный перифраз неуместен, а речь идёт просто о высокой степени зрелости, мощи какого-то явления (системы, отрасли, страны), то правильным будет употреблять только прилагательное ***развито́й*** (*развита́я, развито́е*).

Кстати, это согласуется и с другими несовпадениями между формой причастия и формой прилагательного в русском языке, например: *Человек, за́нятый делом — **Занято́й** человек.*

*Здесь и далее звёздочкой перед словом обозначены ненормативные слова и формы.

занять кому-то

Ещё с одним словом-привидением я познакомился в давние школьные годы. До поры до времени я учился в обычной московской школе, где не слышал такого слова, но в седьмом классе перешёл в специальную школу, в интернате при которой училось немало ребят из других городов. Как-то в коридоре на перемене один из интернатских подбежал ко мне и сказал:

«Слушай, займи двадцать копеек!»

Этот вопрос поставил меня в тупик. Мои знания русского языка говорили мне, что *занять деньги* – значит «взять деньги взаймы». Выходило, что однокашник обращается ко мне со странной просьбой взять у него двадцать копеек.

«Как это, — переспросил я его, — ты хочешь дать мне деньги?».

«Да нет же, — пояснил соученик, видимо, раздражённый моей глупостью, — это ты мне их дай!».

В конце концов я догадался, что противоположный смысл, вложенный иногородним парнем в слово *занимать*, — это, вероятно, диалектизм. Можно было надеяться, что, поживя в Москве, мальчишка научится литературной норме.

Я уж не знаю, исправилась ли речь того моего одноклассника, но похоже на то, что словечко-призрак в итоге победило литературную норму в речи некоторых москвичей, да ещё каких высокопоставленных! Какое-то время назад оно вылетело из уст Олега Митволя, заместителя главы Федеральной службы по надзору в сфере природопользования Министерства природных ресурсов РФ. Он тогда боролся с Аллой Пугачёвой из-за того, что певица разместила какие-то дачные постройки в природоохранной зоне питьевого водоёма. В интервью газете «Известия» Олег Львович заявил:

Почему Алле Борисовне всё позволено? Теперь она обзванивает госорганы и требует, чтобы Митволь отстал. Хотя на то, чтобы устранить нарушение и перенести домик на другое место, требуется не больше 3 тысяч долларов, что соизмеримо с ценой нескольких билетов на её концерты. Даже я готов **занять** ей эти деньги, если она попросит.

(*«Известия», №18, 2005 г.*)

Да и известинские газетчики не отстали: вынесли слово-привидение в заголовок интервью, набранный крупными буквами: «Я готов **занять** Пугачёвой деньги, если она попросит».

Может, эта неграмотность была в «Известиях» случайной? Напротив, она там повторяется систематически. Днём раньше газета опубликовала статью о погашении Россией её долгов перед Международным валютным фондом. Подпись под одной из архивных фотографий гласила:

10 марта 1995 года, Кремль. Борис Ельцин просит главу МВФ Мишеля Камдессю **занять** России $6 миллиардов.

(*«Известия», №17, 2005 г.*)

Ещё спустя месяц в «Известиях» появилась статья о выделении рядом банков кредита компании «Сухой». Она, естественно, красовалась под следующим броским заголовком:

«Сухому» **заняли** на самолёт.

(*«Известия», №50, 2005 г.*)

Специально для журналистов из «Известий» привожу определение из словаря:

ЗАНЯТЬ. ... Взять на время, взаймы. *Занять денег на покупку автомобиля.*

(*С.А. Кузнецов. Большой толковый словарь русского языка. Спб., 2000.*)

Итак, *занять* деньги — это **взять** их **взаймы**. В противном случае следует говорить либо *дать взаймы*, либо *одолжить*.

Следующее слово-привидение родственно предыдущему и тоже имеет отношение к долгам. Чем-то оно полюбилось правительству Москвы, которое несколько лет назад эмитировало облигации под уродливым названием «Займ Москвы». Эти облигации и сегодня торгуются на бирже. Кстати, их курс в последнее время неуклонно падает.

Но даже если б он рос невиданными темпами и способствовал обогащению держателей, лично я никогда не приобрёл бы облигаций этого займа. Мне не позволило бы этого сделать внутреннее чувство протеста против нарушения нормы русского языка. А норма эта такова: в именительном и винительном падежах слово имеет форму ***заём***, а в остальных падежах в нём появляется буква *й* — ***займа***, ***займу*** и т.д.

И ведь вроде бы нашим городом руководят солидные люди. Неужели они совсем забыли те времена своей молодости, когда все центральные газеты каждую неделю публиковали результаты финансовой лотереи, в которую с увлечением играли многие советские граждане, под названием «Государственный 3-процентный внутренний выигрышный заём»?

Вероятно, да, забыли. В финансовые лотереи нашего времени играть намного увлекательнее.

Но если б несуществующие слова проникли только в язык чиновников из правительства Москвы! Ими, этими словами, грешат и профессионалы-финансисты, которым положено бы знать термины. Вот, к примеру, листовка одного банка, являющегося к тому же дочерней компанией крупной европейской финансовой группы. Впрочем, не называю этот банк по имени, чтобы не способствовать его рекламе.

Точно так же, как и слово *заём*, ведёт себя, по нормам русского языка, слово ***наём***. Буква *ё* в его именительном и винительном падежах чередуется с *й* в остальных падежах. Однако прочитайте квитанцию, которую прислала вам ваша жилищная контора, – не появилось ли в ней слово-призрак? Мне, например, до недавнего времени приходили счета за коммунальные услуги со строчкой «**найм** квартиры».

Для тех, кому трудно запомнить правильные формы слов ***заём*** и ***наём***, я сочинил специальный стишок:

Под **заём** мы оплатим **наём**.
А без **займа** не будет и **найма**.

(Прошу на всякий случай отметить, это не поэзия и вообще не осмысленный текст, а чистая мнемотехника — приём для лучшего запоминания. Так что любая критика данного двустишия с точки зрения техники или эстетики стихосложения била бы мимо цели.)

Слова-привидения иной раз возникают из названий парных предметов, которые мы чаще слышим во множественном числе. Когда же надо назвать только один предмет, появляется несуществующее слово. Это прежде всего названия видов обуви.

На ум приходит прежде всего незабвенная реплика Труса из «Кавказской пленницы»: «Чей туфля? Ой, моё!». Но персонаж Георгия Вицина всего лишь переставил ударение, он по крайней мере не исказил форму именительного падежа слова *туфля*. Да и потом, мелкий жулик Трус никак не мог претендовать на филологическую образованность. Но некоторые современные журналисты пошли по его стопам, присваивая мужской род словам женского рода.

Если в устной речи нередко можно услышать слово **туфель*, то в печатных публикациях мне почему-то особенно часто встречается слово-привидение **тапок* (или его уменьшительная форма **тапочек*). Цитирую:

[Необходимо] закупить побольше урн, в подъездах на этажах пепельницы поставить. А то ведь сейчас в лучшем случае жильцы консервными баночками пользуются либо просто окурки на полу **тапочком** давят.

(Н. Гранина. «Мойдодыровский» проект. «Известия», 25.10.2003)

Даже уважаемая известинская обозревательница пустила слово-привидение в свои комментарии, публикуемые в рубрике «Теленеделя»:

Когда в ответ на крики зрительских душ, раздававшиеся по телефону в прямом эфире «Сегоднячка», сытые циники пошло острили и покатывались со смеху над собственными сомнительными шутками, хотелось запустить **тапком** в их довольные физиономии.

(И. Петровская. Развлекательные новости. «Известия», 26.07.2003)

Нет, всё-таки единственное число от существительного *тапки* – это ***тапка*** (в уменьшительной форме – ***тапочка***), и никаких вариантов словари не допускают.

Конечно, в этой статье названы только некоторые слова-привидения. И согласитесь, такие слова нелегко выявлять. Высказывание видного политика или публикация серьёзной газеты могут создать ложное впечатление, что эти слова существуют в нашей речи на законных основаниях. Однако здесь нам – профессиональной говорящей и пишущей братии – надлежит, на мой взгляд, действовать так же настойчиво, как миграционная служба борется с незаконными гастарбайтерами: ну-ка, иди сюда на проверку! В словаре не прописан? Вон с нашей территории!

Наблюдаем

Дядюшка Сэм нас сильно "хочет"

Сергей Начаров

С 30 января Пентагон начал необычную рекламную кампанию: на всей территории США будут вывешиваться плакаты, призывающие идти на службу людей со знанием русского языка. Задействован широко известный по карикатурам Дядюшка Сэм – хищный американский империалист указывает на смотрящего пальцем, а ниже красуется подпись на русском: "Я Хочу Вас".

В размещённом на сайте Пентагона сообщении по поводу рекламной кампании говорится: оборонное ведомство собирается создать гражданский корпус переводчиков. К 2010 году он, по планам пентагоновских стратегов, должен насчитывать одну тысячу человек. К помощи лингвистов военные будут прибегать только в том случае, если "возникнет срочная необходимость национального масштаба". Что это – очередной природный катаклизм или ядерная война – не уточняется.

Корпус создаётся не для того, чтобы допрашивать военнопленных, а чтобы устранить "проблему недопонимания во время чрезвычайных ситуаций". По словам руководителя национальной программы по образованию в сфере безопасности Роберта О. Слэйтера, во время урагана "Катрина" пострадали от 50 до 100 тысяч вьетнамцев. "Тогда было сложно найти профессионалов со знанием вьетнамского, которые бы помогли им преодолеть все проблемы, с которыми они столкнулись", – говорит он.

Похоже, Пентагону действительно нужны специалисты с русским языком: писать в слоганах каждое слово с большой буквы – традиция английского языка, но никак не русского. Кроме того, фраза скорее всего является просто калькой с английской "I want you", которая звучит не столь двусмысленно и чаще означает "Мы ищем вас" или "Вы нам нужны". Остаётся только догадываться, как будут выглядеть подобные плакаты на китайском, суахили, языке мандарин и ещё десяти "крайне необходимых" Пентагону языках.

Известия, 01/02/2008 (№17)

Translation, Editing, Formatting and Proofreading Procedure

Yuri Plakhti (USA)

Редакцией «Мостов» опубликован ряд статей, описывающих проблемы технического перевода и, в частности, такие вопросы организации переводческого процесса, как сотрудничество переводчика и редактора и взаимоотношение переводчика с заказчиком. Вопросы организационного плана касались в основном российских переводчиков. В предлагаемой ниже статье, носящей характер инструкции, описывается организация работы по переводу технической литературы в американском переводческом агентстве.

Инструкция предназначена прежде всего для координаторов и менеджеров, так как эти работники агентств, как и заказчики перевода, обычно плохо разбираются в специфике перевода. Рассмотрен весь процесс создания качественного переводческого продукта, охватывающий собственно перевод, редактирование, форматирование и корректуру. Указаны области ответственности участников процесса. Надеемся, что отечественным переводчикам будет интересно и полезно познакомиться с зарубежным опытом.

This procedure has been written for coordinators and managers of translation agencies as well as for all specialists involved in a very important process of creating equivalent documents in a foreign language, in particular Russian [or English (if the document is translated from Russian)]. Sometimes translation coordinators and managers are new to translating, editing, formatting and proofreading business and just do not understand what it is all about. In this article I want to highlight most important things related to this very complicated and creative process and to define "areas of responsibility" of all participants in the process.

Please note the strict "division of labor" – each task of the process is highly specialized and shall be performed by an assigned individual. Even translator's and editor's jobs shall not be mixed in the translation of the same document or package of documents. Unfortunately, in some translation agencies, it is a common practice (in order to save time and money) to assign tasks of editing to two and more translators. Very often they do not communicate with each other or disagree on terminology when they do communicate. This might lead to the worst thing that could ever happen – inconsistency of terminology within the same translated document or package of documents, and as a result the Client's dissatisfaction.

MAIN PRINCIPLES

In order to provide high quality of translated documents, a 4-step procedure shall be utilized: Translation → Editing → Formatting → Proofreading. Each step is indispensable and shall be done by an assigned specialist (specialists), as in Publishing Houses:

- translators, mainly off-site (freelance) translators
- editor, in-house
- formatter, preferably in-house
- proofreader, preferably in-house

This procedure shall be strictly obeyed ***despite the deadlines***. The "finished product" is a properly formatted document that has been read by 3 people (translator, editor and proofreader).

TRANSLATION

Translation does not amount just to replacing words in the source language with words in the target language. Translation means conveying the idea "embedded" in the source language text using the target language (source and target language word sets are not necessarily the same). It is not enough just to know both languages, have a computer and an Internet access to do a professional translation.

A professional translator shall have:

- Knowledge of both source and target languages.
- College or university degree (engineering degree if we talk about technical translation).
- Access to special dictionaries and reference books.
- Access to special literature (industry practices, specs, standards, etc.), both in source and target languages.
- At least 7-year experience in translation.

Translation procedure

First read the whole document, do not start translation from the first sentence. Closely consult with special dictionaries in the process (usage of Internet's Multitran only is not allowed). Using special dictionaries is a rudimental thing for any professional, especially technical translation. Multitran is not a special dictionary, in many cases it is just a "garbage can" where everybody (not necessarily professional translators) put their "findings", that could be wrong. Sometimes it is advisable to refer to special literature (as industry practices, specs, standards, reference books, etc.) to verify equivalent terms to be used in the translation. If required, all terms shall be also verified against the Client's Glossary.

Finished translation shall be read and spellchecked before submittal for editing to make sure that terminology is ***consistent***, sentences are grammatically correct and orthography is OK.

Before submittal for editing, the finished translation shall also be checked for missing words, sentences and paragraphs as well as wrong numbers.

Backward translation of titles of published documents (and even excerpts from them) is not allowed. For example, the Russian law "On Environmental **Protection**" is often translated backward as «**О защите** окружающей среды», though the correct name of this Russian federal law is «**Об охране** окружающей среды».

If any sentence or its part in the original document (scanned image or fax) is illegible a translator's note "illegible" shall be given in parentheses.

It is not allowed to just "translate" foreign geographical names (of cities, administrative units of states, water bodies, regions, mountains, etc.) or take them from Internet. All geographical names shall be taken from or verified against established reference books in the target language. (For example, the correct Russian name for the State of Virginia (USA) is still «Виргиния», and not «Вирджиния», and Jamaica = «Ямайка» (not «Джамайка»).)

When translating names of persons please use the phonetic approach suggested in the relevant dictionaries. (For example, David = "Дейвид", and not "Дэвид"; Irene = "Айрин", and not "Ирэн" и т.д.)

If a mistake is found in the original the following shall be done:

- When working on-site (at the Client's premises), find the author of the document and show the mistake to him or her (usually the author agrees to correct it in the original).
- When working off-site (in the translation agency office), do not correct it (leave it as it is), just inform the coordinator and he or she will notify the Client accordingly.

Please do not waste your valuable time on formatting. Spend your time on translation per se, such as finding right equivalent terminology in the target language, stylistics, consultation with authors (if working on-site), etc.:

- For example, when translating figures, maps and other graphics please do not insert text boxes electronically if it is too time consuming for you. Just attach a 2-column MS Word table showing original captions in the left column and their translations in the right column. (The formatter will take care of it later.)
- Please do not get confused with "styles" in the text documents if you are not 100% sure how to handle them, leave it to the formatter too.

Please always use the reference material sent to you by the coordinator. Please do not translate paragraphs and sentences that were already translated and are present in the reference, just copy them in the translation.

Rules for translating company names to Russian:

- When transliterating a company name in the target language, the transliterated company name shall be enclosed in the quotation marks and in front of it should be the Russian word "компания" (ExxonMobil = компания «Эксон Мобил»).
- When using the original company name (in the source language), quotation marks are not used (компания ExxonMobil).

When translating equipment operation manuals please do not just "translate" names of controls (switches, pushbuttons, levers, etc.) and their positions, names of lights, screen buttons and messages, etc. You should leave the name of each control (or its position) in the source language [such as «селекторный переключатель **Mode**» (**Mode** selector switch) or «положение **Speed**» (**Speed** position)] and give the translation in parentheses after it just once, when it first occurs in the text [such as «селекторный переключатель **Mode (Режим)**» or «положение **Speed (Скорость)**»]; further in the text these names should be left untranslated. This is because the supplied equipment normally is not localized, i.e., names of all controls and their positions on control panels of actual equipment are in the source language. If they are all translated the operator of the equipment who uses the translated manual will never find them on the control panel of the equipment.

EDITING

Editing does not amount to rewriting everything written by the translator. First priority is to check that the translation is complete, no omissions. The same priority is to adjust terminology so it is correct and consistent throughout the whole document. Document stylistics in the target language is also important, but still it is a second priority. Also all numbers shall be checked since an ugly situation could arise if the Client finds out that numbers (sometimes most important thing in the original document) in the translation are wrong.

A professional editor shall have:

- Knowledge of both source and target languages.
- College or university degree (engineering degree if we talk about technical translation).
- Degree in linguistics preferable.
- Access to special dictionaries and reference books.
- Access to special literature (industry practices, specs, standards, etc.), both in source and target languages.
- At least 7-year experience in translation and editing.

Note that required qualifications for a professional editor and for a professional translator (see earlier in the text) are very similar. It is not surprising since editing shall be done by an experienced professional translator.

Editing Procedure

First read the whole document – do not just start editing from the first sentence. If the translation quality is unacceptable inform the coordinator accordingly to arrange for retranslation. Check for any omissions and send the document back to the coordinator → translator, or complete translation yourself. Adjust terminology so it is correct and consistent throughout the whole document. If required, verify all terms against the Client's Glossary. Correct stylistics of the translation. By all means avoid "taste editing". If possible, call the author of the original document to verify certain terms and clear out "dark places". Check terminology against special dictionaries.

Use Internet to find standards, specifications, scientific papers, etc., related to the material you are editing. Refer to special books on editing to check the "general culture" of technical translation. Check orthography and grammar of the translation. Always check numbers.

FORMATTING

Formatting is computer processing of translated documents. Formatting is not necessarily performed before editing – it could be performed immediately after translation. Purpose of formatting is to create a document in the target language that looks neat and closely resembles the original.

A professional formatter shall have:

- Desktop publishing skills including proficiency in Microsoft Word, Excel, PowerPoint and Office Publisher, Adobe PageMaker, PhotoShop, Fine Reader, Visio, etc.
- At least 2-year experience in formatting.

Formatting Procedure

Format the translated document so it looks neat and closely resembles the original.

If the translated document contains untranslated portions notify the coordinator immediately. Update the Table of Contents for text documents if the document is formatted following the normal procedure, i. e., after editing.

PROOFREADING

Proofreading includes checking for correctness of all numbers and quality of formatting (formatting errors sometimes are corrected by the proofreader). Proofreading does not concern terminology (except consistency) or stylistics.

The main purpose of proofreading is to verify that the translation is complete, no omissions whatsoever and no wrong numbers.

A professional proofreader shall have:

- Knowledge of both source and target languages.
- College or university degree preferable.
- Attention to details.
- Formatting skills.
- At least 2-year experience in proofreading.

Proofreading Procedure

The proven method of proofreading includes 3 steps:

- Checking for words, sentences, paragraphs and bigger chunks of text missed in the translation and not picked up by the editor.
- Checking correctness of all numbers and quality of formatting, reformatting if required.
- Reading translation again making sure that orthography is OK and terminology is consistent (in case of any inconsistency the editor shall be notified).

Proofreading is the "last line of defense" and requires utmost attention on the part of the proofreader.

Месседжем по электорату – это круто!
(дополнение к «Нерусско-русскому бестолковому словарю переводизмов»

Е.К. Масловский

месседж *сущ., м. р., от англ.* **message**	Шедевр российского новояза, лихо запущенный в оборот российскими политологами и мгновенно подхваченный юристами и журналистами примерно в 2005 году. Политологами этот «термин» применительно к избирательной кампании определяется следующим образом: **Месседж** – это знаковая информация, формирующая восприятие кампании избирателями. **Месседж** должен содержать формулировку программной цели кампании и подчёркивать её преимущество в сравнении с оппонентами.	*рус.* 1. сообщение 2. послание, обращение 3. основная тема, идея 4. поручение, задание, миссия 5. донесение, извещение, депеша 6. мысли, взгляды (*Е.И. Курьянов. Англо-русский словарь по средствам массовой информации. М., Московская международная школа переводчиков, 1991*).

месседж *сущ., м. р., от англ.* message	**Месседж** должен содержать формулировку программной цели кампании и подчёркивать её преимущество в сравнении с оппонентами. **Месседж** адресован главным образом избирателям, ещё не сделавшим окончательный выбор. **Месседж** – это логическое обоснование кампании, на котором вы строите весь процесс донесения позиций кандидата до избирателей. Каждый элемент кампании должен так или иначе отражать основную концепцию. Ваш месседж должен быть «гибким», применимым к любой теме, волнующей избирателя. На основе **месседжа** раскрывается позиция кандидата по тому или иному вопросу, но сам **месседж** должен основываться не на конкретных, узких проблемах, а на общезначимых ценностях. Каждая такая проблема должна рассматриваться с точки зрения именно основополагающей ценности. Выборы выигрывают те, кто умеет жёстко увязать осуществление частных, повседневных стремлений избирателей с достижением программной цели. Кроме того, **месседж** должен быть ясным и запоминающимся: написан простыми словами, которые кандидат и сотрудники кампании смогут легко и запомнить и донести до избирателей в неискажённом виде. **Месседж** должен буквально впечатываться в сознание. **Месседж** неполноценен, если он не содержит сравнений и противопоставлений. Каждый раз, когда кандидат говорит о себе, он говорит и о своих соперниках, указывая на своё отличие от них. По мере развития предвыборной борьбы этот момент будет приобретать всё большее значение. (Полный текст первоисточника см. по адресу: http://www.33333.ru/teoriya/begin/begin.php?st=25) Данный термин пока не зарегистрирован ни в каких авторитетных словарях – возможно, по причине огромной избыточности его словоформ, но пока предельно удобен для использования по принципу прикольной достаточности – благодаря рекордному безразличию ко всем нормам русского языка (как хочешь – так и пиши). По состоянию на 12 февраля 2008 года, число страниц, на которых данный независимый «термин» присутствовал в Рунете, распределялось следующим образом: **месседж** – 148240, **мессидж** – 83339, **меседж** – 38171, **мэсэдж** – 35886, **месидж** – 16401, **мессэдж** – 9011, **мэссидж** – 6587, **мэссэдж** – 2910, **мэсидж** – 1108, **месэдж** – 894, **массидж** – 18.	Тот, кто сочтёт это множество переводов недостаточным, должен чётко себе представлять, что в своих месседжах ему придётся, например, «Ежегодное послание президента» именовать «Ежегодным президентским месседжем».

PS Статья словаря публикуется на правах рукописи, так как требует продолжения исследовательской работы по выбору правильной словоформы, если таковая когда-нибудь устоится. Но на носу – выборы, и месседжей, отвечающих или не отвечающих представленному выше определению, будет всё больше и больше. Поэтому прошу читателей-избирателей считать данный черновик словарной статьи «юзерской гуидой» (User's Guide) по оценке мессиджистов, месседжмейкеров, меседжеров и прочих представителей мэсэджмента на предмет их соответствия ими же сформулированным критериям и реальной цене вашего голоса.

ВАЖНОЕ СОБЫТИЕ

В Москве 4–6 декабря 2007 г. состоялся весьма представительный Международный форум переводчиков русской литературы, организованный Московским государственным лингвистическим университетом и Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям. Это, бесспорно, важное и полезное событие. Перевод русских произведений на различные языки – едва ли не лучший способ спроецировать наш мир, наше сознание, нашу культуру на сознание других народов, создать подлинный образ России. Что бы ни говорили об интернационализации и космополитизации восприятия современного человека, только люди, осознающие себя представителями той или иной исторической национальной культурной традиции, способны развивать свою культуру дальше; и эти же люди лучше всех способны уважать и постигать иные культуры, без чего трудно представить развитие культуры собственной. Роль переводчиков прозы и поэзии сегодня огромна (несмотря на скромную плату, которую они получают за свой труд), и миссия их, в условиях нарастающей масс-культурной энтропии, – высока как никогда!

Редакция журнала «Мосты» рада познакомить читателей с выступлениями на форуме двух американских переводчиков – Франклина Рива и Джима Кейтса.

Современный переводчик классики: кто он?

Франклин Рив (США)

В заглавии моего доклада я поставил вопрос, который волнует, наверное, нас всех. Вот как бы я сам ответил на этот вопрос. Современный переводчик классики – чревовещатель и костюмер.

Миры древних и классических героев исчезли, Олимп давно распродан на районное развитие, и божественная семья Зевéса сохранилась лишь в виде прекрасных созвездий ночного неба. Между старым словом и современным опытом – огромный разрыв: слова лежат на страницах, старого контекста больше не существует. Это означает, что при переводе классики нам приходится воспроизводить старинные, чужие – хотя и безмерно дорогие нам! – миры современными словами своего родного языка. Сами классики тут вряд ли могут прийти на выручку – ни Фукидид, ни Лев Толстой не смотрят нам через плечо.

У одного узбека-лавочника в Бруклине есть такой избитый, но всё ещё верный анекдот. Как назвать того, кто владеет тремя языками? Человек о трёх языках. (Мы бы с вами сказали научно – «трилингв»!) А того, кто владеет двумя? Человек о двух языках. Билингв! Ну, а кто же тогда человек, который владеет всего одним языком? Ответ прост, этот человек – американец. В течение последних пятидесяти лет население США удвоилось, и спрос на бестселлеры, равно как и стремление к их печатанию, придаёт особый вес американской книжной торговле. Поэтому более всего мы в Америке сейчас нуждаемся в достойных переводах на английский язык самых живых, самых изобретательных, самых «задиристых» книг, как западных, так и восточных культур. Пускай часть этих переводов, особенно произведений поэтов и философов, достигнет лишь крохотного количества читателей, но они всё-таки очень важны, эти переводы: они помогут повысить уровень нашей культурной жизни, нашей литературной критики, укажут молодым писателям новые пути...

Разумеется, каждый язык, как воплощение национального духа, как воплощение общества – неповторим, единственен в своём роде, – и поэтому гораздо легче соорудить перевод-подстрочник, чем умело и художественно отразить в переводе культурную среду оригинала...

Проходят годы, века. И хотя Приамова Троя и Энеев Рим рушатся, слова остаются. Именно мы, люди, исходя из собственной психологии, создаём словесное представление о величии или о крушении прошлого. Это я знаю по себе. Пятьдесят лет тому назад, в буйно-бренное время вашего спутника и политических реабилитаций – у нас в это время происходила десегрегация, – в обеих наших странах царило свежее, вдохновляющее настроение перемен. Именно в эту достопамятную пору у нас в США было основано первое хорошо финансированное издательство художественных книг в бумажном переплёте. Тогда интерес не только к спутнику, интерес ко всему русскому рос как «грибы после дождя» – другие издательства подключались к этой общей программе, и выходили один за другим всё новые и новые переводы русских классиков. Мой перевод пяти повестей Тургенева появился в шестьдесят первом, в том же году, когда я впервые приехал в Россию. Что тогда я мог ведать о русском старосветском обществе? И что мог я сделать в переводе, кроме того как попробовать воссоздать – доступными мне средствами моего родного языка – картину давно ушедшего прошлого, живую лишь благодаря гению Тургенева?

Но здесь возникает и другой вопрос. В «Вешних водах» утренний запах свежего хлеба чудесен, но до какой степени мог этот запах **немецкого** хлеба быть особым, существенным для русского читателя, особенно в советской России? Поскольку мы знакомы с темноволосыми итальянками, мы живо воспринимаем очаровательность Джеммы; мы её *видим*. Но зрение – не обоняние, хотя описание запахов почти всегда визуально. У меня был студент, талантливый прозаик, который родился без чувства обоняния. Он просто умолял меня всегда описывать для него как можно подробнее все оттенки сладости, горечи, кислоты различных запахов всего мира. У него не было никаких чувственных ассоциаций; среди полевых цветов он был так же изолирован, как глухой на концерте. Что я хочу сказать? Я хочу сказать, что мы, переводчики – сродни чревовещателям, или, может быть, медиумам. Мы должны *передать, вызвать в бытиё то, чего здесь нет*. Например, вспоминаемый или воображаемый запах той последней алой розы, которую Ахматова просит ощутить, или импрессионистическую живость цветов первой страницы «Хаджи Мурата». Но мы не только чревовещатели, мы ещё и костюмеры! Мы не только заставляем говорить пустые, глухие куклы, мы ещё и одеваем их в словесные костюмы, чтобы спектакль мог быть сыгран на новой, современной сцене другого языка!

В письме к своему близкому другу Боккаччо от 28-го октября 1366-го года Петрарка предложил, чтобы «переводчик нацеливался на работу, в целом сходную с оригиналом, но не имеющую с ним такого же буквального сходства, какое имеет портрет с изображаемым на нём лицом». Это должно быть скорее сходство родственных сущностей, – объясняет Петрарка, – сходство сына с отцом. Черты и отдельные части могут заметно отличаться друг от друга, но в конце концов есть нечто главное, их объединяющее, то, что у художников зовётся *художественным ви́дением*, из которого растёт подобие. Поэтому при взгляде на сына возникает образ отца. Тут надо припомнить, что, во-первых, великий Петрарка, который не знал греческого, в четырнадцатом столетии выкраивал итальянский из латыни, и, во-вторых, надо припомнить то, что далеко не все языки похожи друг на друга.

Поучительный, жаркий спор между Владимиром Набоковым и Эдмундом Уилсоном об «Онегине» (речь шла о таких тонкостях, как правильный перевод глагола «чует») показывает основную разницу между двумя нашими мировыми языками; показывает, как в отсутствие схожих склонений и глагольных парадигм мы всё-таки должны умело подбирать словесные костюмы к пьесе-переводу. В новом, мировом, глобальном Пассаже, в темноте огромной галоши Крокодила, мы можем опираться лишь на свои собственные привязанности, свои предпочтения и свои слова. Всё решают талант, мастерство и совесть переводчика. Чтобы перевести художественное произведение, мы ухватываем его целиком, как бродяги кладём его в мешок, и

удаляемся с ним в темноту. В зверином чреве этой темноты, подобно Ионе во чреве кита, мы через языковое *чревовещание* воссоздаём иноязычный дубликат того идеала, который хранится в нашем вещевом мешке.

Между прочим, сегодняшний спор по поводу нового перевода «Войны и мира»[1] прежде всего лишний раз доказывает, что многим критикам, которые берутся судить о достоинствах перевода, оригинал явно недоступен. Отсюда их высказывания – "a translation remarkable for its fidelity to Tolstoy's style and cadence," "stunning grace and precision," "set to become the definitive English edition". Эти опрометчивые суждения освобождают критиков от обременительных размышлений. Массовому же читателю критики говорят: «Вот тебе роман про любовь молодой красавицы и про нашествие Наполеона на Россию — ничем не хуже нашего американского бестселлера про любовь и про войну и мир – *Gone with the Wind* – бери да наслаждайся».

Всё это напоминает мне курьёзную попытку одного нашего режиссёра перелицевать Чехова в американца: он взял «Вишнёвый сад» в старом переводе, на который истекли авторские права, переменил некоторые имена и выражения, и под заглавием «Глициниевые деревья» поставил пьесу так, будто бы действие развёртывалось на юге Америки в послевоенные годы девятнадцатого века. «Глициния» прошла, как пройдёт и мода на новый перевод «Войны и мира».

Вкусы, однако, меняются. Мы редко смотрим неизменными глазами. Помню, полвека тому назад, приехав из Парижа в Варшаву, я был крайне разочарован их несходством. Однако всего какой-то год спустя, вернувшись в Варшаву, но уже из Москвы, я про себя тепло отметил, что Варшава похожа на Париж. Долго спорили о вполне очевидной уместности французских текстов в английских переводах «Войны и мира». Сорок лет назад поставили «Тот, кто получает пощёчину» Леонида Андреева в моём переводе; весной 2008 г. у меня выйдет «Рассказ о семи повешенных» того же автора — публика всё ещё дорожит первоклассной литературой; правда, теперь публика увлекается изучением психологии идеалистов-террористов больше, чем рассказом о цирковых интригах и таинственной скорби одного циркача. Да и сама идея театра изменилась: до пьес Аристофана мы не можем дотянуться, мы только читаем их как подстрочник. Точно так же нам приходится читать перевод гениального романа Андрея Белого «Петербург» – романа, который представляет собой воистину *непереводимую*, напряжённую сплочённость слов, символов, злободневности. Приходится забывать о несовершенстве перевода, чтобы уловить главное — этот запах, этот чад... С другой стороны, благодаря чрезвычайно способному переводчику Роберту Чандлеру, Андрей Платонов живо предстаёт перед англо-американскими читателями – *во вполне словесной плоти*.

Вообще, интересная и показательная вещь – театр. Чтобы избежать лишних расходов на постановку иностранной пьесы, режиссёры сами или их помощники зачастую перерабатывают уже существующие переводы. Возможно, поэтому язык недавно поставленной в Нью-Йорке «Власти тьмы» больше сообразуется с нашими, американскими театральными представлениями, нежели со смыслом и стилем самого оригинала. Нетрудно заметить подобный принцип «работы с подстрочника» и в других областях художественного перевода. В тяжёлые времена Анна Ахматова и другие поэты кормились такой работой; но я помню сборник стихотворений Иосифа Бродского, переведённый семью американскими поэтами, – получился сборник семи полуамериканизированных Бродских. Точно так же в новейшем переводе получился полуамериканизированный Толстой.

Все мы знаем, что перевод чрезвычайно важен, – без него не было бы международных связей, культурных контактов. Интересно отметить, что порой в процессе перевода переводчик достигает чего-то, сдвигает что-то большое, будто не по своему умению, сверх собственных сил. Так было, например, со мной, когда я переводил слова Никиты Хрущёва Роберту Фросту[2]. К этому же всегда хочется стремиться в художественном переводе и прозы и поэзии...

[1] Имеется в виду перевод Р. Пивера и Л. Волохонской (*ред.*).

[2] Франклин Рив был личным переводчиком Роберта Фроста во время его визита в СССР в 1962 году (*ред.*).

И всё-таки, какой это тяжёлый, порой удручающий труд — художественный перевод. От скольких зол и соблазнов нужно уберечься переводчику, чтобы избежать ошибок, искажений, опошления автора, да и чтобы просто противостоять обывательской неуклюжей тупости, которая, может быть, хуже всего. По правде сказать, мне больше всего по душе двуязычные издания, где перевод на правой странице не заслоняет собой оригинала на левой, так что те, кто любит поэзию, могут познакомиться и напрямую — с Беллой Ахмадулиной, Анатолием Найманом и другими поэтами.

Классики стареют, но одновременно подрастают новые поколения переводчиков. Только что у нас в Америке вышла новая книга «Собрание рассказов» Ивана Бунина в переводе Грэйма Хеттлинджера. Последняя фраза предисловия переводчика может служить идеалом для всех нас, чревовещателей. Позвольте вам зачесть эту скромную, но замечательную цитату: "Readers will not find an exact replica of Bunin's prose in the pages that follow. I hope, however, they will encounter some slight echo of its music and its grace that has previously gone unregistered." Перевод: «На страницах этой книги читатели не отыщут точной "копии" прозы Бунина. Однако, я надеюсь, что они встретятся с неким до сих пор не замеченным эхом её музыки и грации».

Choice of Voices

Как в США знакомились с русскими поэтами, 1917–2007

James Kates (USA)

As a prologue, you need to know that very little gets published at all in translation in the United States. According to a recent survey, fewer than three per cent of all books published in our country are books in translation, and that figure includes all technical and nonfiction books. So there is a very narrow door through which the literature of most of the world enters the United States. When you consider that the market for poetry is also comparatively small, you can see that the choice of which poets get exposure in translation is not trivial. By simple statistics, most good writers in the world are unknown to any Americans except to specialists in the field.

We are all ignorant.

Speaking for those of us who publish poetry in translation now, I should say that the field is being more and more controlled by the funding private and government sources are able to use to back up their literature. You can not make a profit by selling poetry in America. It is not a particular political orientation that accounts for the relative profusion of Korean, Polish and Romanian poetry in the United States these days, but the willingness of public and private funds to support publication. Some countries, like France, maintain whole offices in the United States specifically to act as agents for placing their literature in translation. Russians, so proud of their culture, and with an incredibly rich contemporary scene, are far too underrepresented on our bookshelves. Nowadays, I guess, as usual, money is politics.

For the twentieth century, the translation of Russian poetry into English — more particularly American English — and its publication, were inescapably political acts. The politics have changed from one decade to the next, but the controlling sensibility has been the same. The attention a Russian poet gets has only partly to do with that poet's intrinsic qualities, but much more to do with outside influences of a less disingenuous nature. The notes that follows are not meant to constitute a comprehensive survey, but a sketch that illustrates the changing landscape.

Before World War II, what scattered translations there were of individual poets usually signaled solidarity with the Soviet experiment. I know of only one English-language anthology of *Modern Russian Poetry* before World War II, and that is the accomplished poet Babette Deutsch's translations (some with her husband Avrahm Yarmolinsky) in 1921 of thirty-six poets from Pushkin through Mariengof. The absence of names in this list is as interesting as the presence — no formal experimentalists at all, for instance, no Mayakovsky, no Gumilev, and so on. In her introduction, Deutsch specifies that her principles of selection are aesthetic and controlled by what she feels comfortable translating. Under the circumstances, the breadth she achieved is remarkable. But her selection is not without its political underpinnings. Deutsch herself was a vocal and passionate supporter of the Revolution, and an unspoken purpose of her book is to prove that Russian culture did not die with the Romanovs. "It is worth noting," she also wrote, "that the literature of the Revolution is chiefly verse ... The return to realism is the promise of a new development in Russian poetry." With a perspective that reaches from Khlebnikov to Prigov, I think we can say that she was more successful as a compiler than as a prophet.

Poets of the Russian émigré community after the Revolution remain pretty well ignored to this day outside academic studies. If the name and work of Marina Tsvetaeva are now widely known, that knowledge owes more to her liaisons with Pasternak and Rilke, her return to the Soviet Union, her sensational death, and the advocacy of her work by others, like Brodsky, than to the intrinsic value of what she wrote. Khodasevich, like Blok in the generation before him, hardly exists in English except as a rumor.

But all this was hit or miss. 1945 brought a major shift of attention. After World War II, translators in the United States took up the standards of the Cold War, centering their interest on poets they identified as "individual," if not specifically dissident. These poets are praised not for the qualities of their verse, but of their character. Harrison Salisbury lauded Yevtushenko as "a poet in the great and brave tradition of Russian letters." It is the word *brave* that gives it away. The truth of the encomium may be undeniable or not, but the use of the word is an odd one in a purely literary context. It is echoed by William Jay Smith's introduction of Vozensensky: "The poetry of Voznesensky speaks with a force and *courage* [emphasis added] that would be admirable anywhere under any circumstances." The attention Joseph Brodsky was able to attract from well known American poets — an attention he carefully cultivated as a springboard to international recognition — is not solely attributable to his indisputable qualities as a poet, but even more to his status first as a victim of the Establishment and then as an exile. A parallel vogue for the poetry of Irina Ratushinskaya developed in the wake of Solzhenitsyn's *Gulag Archipelago* in such a way that actual interest in of the merits of her verse was hardly even considered.

Meanwhile, within the Soviet Union there developed a lamentably lame in-house industry of translating approved writers for foreign consumption. We don't need to belabor this. But it magnified the impression in the West that poets writing under official sanction were not worth reading.

Doctor Zhivago made an international celebrity of Pasternak, but his actual verse remained in the shadow of his lyrical prose — hurriedly and inaccurately rendered into English in the only version available even today. In spite of *Zhivago*, it is harder to find decent English versions of Pasternak's poems than it is of those of Mandelstam, Tsvetaeva and Akhmatova. And to this date, the only poet of this generation represented in English with a *Complete Poems* is Akhmatova, published by Zephyr Press in Judith Hemschemeyer's translation. It should be noted that this volume has been what amounts to a best seller in terms of American poetry, having sold more than 40,000 copies in the English-speaking world, and remaining constantly in print since 1990.

1968 saw the publication of *Russia's Other Poets*, translated by Keith Bosley with Dmitry Pospielovsky and Janis Sapiets — a deliberate choice of unauthorized poetry, with texts gleaned from *Phoenix*, *Sphinxes*, and *Syntax*. Even here, the editors express a diffidence — the act of recognizing that such poetry exists is more important than the verse itself. "The quality of the material available is very uneven: the general

policy has been simply to translate the poems which seemed worth translating." Earlier, In 1966, George Reavey's *New Russian Poets: 1953–1966* had begun with Pasternak and ended with Brodsky. Reavey mixed a few more established poets with undeniable dissidents — at least one, Yury Ganakskov, inserted to "represent" samizdat verse. Reavey praised the individualism and the "extraordinary grasp of poetics and language" of a whole new generation of Russian poets, and he added, "Courage is another prerequisite in which many of them are not wanting." This was undeniably true, but the need to say it smacks very much of its own time and the point of view of the observer.

Suzanne Massie, in her introduction to *The Living Mirror: Five Young Poets from Leningrad* (1972) may have been trying to shake free of this preoccupation with the political, but even her language about the poets she chose was couched in the antitheses of Cold War rhetoric; contrasting Leningrad poets with those close to the center of power in Moscow, she wrote, "The poets of Leningrad [are] more concerned with form and style of language, with the eternal themes of the human soul, life, death, love. Theirs has been an individual rather than a collective search for art." And she promised that these poets were "only the visible, shining tip of an iceberg."

Perestroika and the end of the Soviet Union were not only an earthquake for Russian literature, but equally a major shift in the translation of Russian literature.

In the 1980s, poets began making their own contacts abroad, and the fashion of the Matter of Russia attracted Western translators to their work. A series of literary magazines gave their attention to Russian poetry: *Negative Capability* "Queuing for Hope: a Miscellany of Soviet Literature," in 1988; *The Michigan Quarterly Review* in 1989, "Perestroika and Soviet Culture;" *The Literary Review*, "Poetry of the Soviet Peoples." *The Five Fingers Review* devoted two issues in 1990 to new Russian poetry; and *Nimrod* offered "Prose and Poetry from the Soviets" in the same year. When Kent Johnson and Stephen M. Ashby put together *Third Wave: The New Russian Poetry* in 1992, with the help of Alexei Parshchikov and Andrew Wachtel, they explicitly created an anthology of formerly "underground" poets — the "Third Wave," and this tendentiousness was echoed by the Talisman Press *Crossing Centuries* a decade later — the object being to present Russian poets as transgressive as American poets, to bolster a parrticular American aesthetic. The agenda is to ally American avant-gardism with the rediscovered avant-garde of the Oberiu and Futurists, and others.

In England Peter Mortimer and S. J. Litherland published *The Poetry of Perestroika* in 1991. The title links the literature explicitly to the Gorbachev reforms.

In this wave of attention, the best anthology in terms of selection is Gerald S. Smith's *Contemporary Russian Poetry*, designed primarily for academic use, with poems mostly written during the 1970s and 1980s. Avowedly personal, and acknowledging that "the canon of texts and the very idea of a canon [have] become unusually problematical" Smith selected twenty-three poets.

The 1990s also saw the first appearance of tendentious anthologies like Helena Goscilo's *Lives in Transit*, Daniel Weissbort's *Russian Women Poets* and Kevin Moss's *Out of the Blue* — their politics are explicit and the choices obviously made to fit into existing categories. In general, these anthologies define clear constituencies in the United States or Europe and simply extend the work of similar anthologies of American and European poetry of the 1970s and 1980s. The choices in the women's anthologies tend to be governed mostly by the personal contacts of the editors, although Weissbort explicitly tries to cast as wide a net as possible. *Out of the Blue* is interesting for its cultural colonialism — It claims Pushkin, Lermontov, Gogol and Tolstoy in the name of the homosexual canon, alongside Kuzmin, Kharitonov and other, more contemporary names. The legitimacy of this is less important than its political intent.

Alas, when the word "Soviet" disappeared, American interest in Russian poetry quickly waned.

I've been directly involved with two anthologies, both bilingual. In 1999, Zephyr Press published *In the Grip of Strange Thoughts: Russian Poetry in a New Age*. The attempt there was to present not a comprehensive, but a representative selection of Russian poetry free of politics. How well I succeeded is for others to judge. More recently, I have edited the translations for a new anthology of *Contemporary*

Russian Poetry instigated by the American government's National Endowment for the Arts as part of a joint project also publishing American poets in Russia. In this case, the selection of Russian poets was made in Russia, by Russians; and, from my point of view, it reflects very specific cultural politics within this country, not in ours.

This *Contemporary Russian Poetry* is officially edited by Evgeny Bunimovich — whose own political associations are public — but seems to have been primarily compiled by Dmitry Dmitriev, who chooses in a brief afterword to assert that poets in Russia and the United States somehow stand outside and above politics — an assertion that is itself a political declaration: "The publication of the two bilingual anthologies of American and Russian poetry is yet another big step towards the final destruction of myths about 'evil empires' that have been contaminating us for many decades. The texts by Russian and American poets clearly demonstrate that our countries have more commonalities than differences."

The most comprehensive compilation of Russian poetry in English was also compiled by a Russian. This is Yevtushenko's *20th Century Russian Poetry: Silver and Steel*. Not surprisingly, Yevtushenko's 1993 anthology claims to be overtly political in a broader sense — that to be a poet in Russia is itself to lay claim to a higher politics. There is something redemptive and defensive in Yevtushenko's rationale and his rhetoric, and perhaps also self-serving. The book aims to be comprehensive, and its very bulk puts far more attention on the inclusion of names than on the quality of translation. Not to disparage any individual contribution, but in general the effect is bibliographical, archival, not literary. It's one of the best reference books around. Yevtushenko began this compilation in the 1970s, but it was not published for nearly twenty years. Even with a vast collection of 252 poets, there are curious gaps, mostly among the generation writing just in Yevtushenko's own wake.

In terms of individual books, whom do we see among contemporary poets being published in translation since the turn of the century? Elena Shvarts, Elena Fanailova, Arkadi Dragomoshchenko, Lev Rubinshtein, Evgeny Rein, Nina Iskrenko, Alexey Parshchikov, and our own line at Zephyr: Gennady Aygi, Tatiana Shcherbina, Viktor Sosnora, Anatoly Naiman, Sergey Gandlevsky, Mikhail Aizenberg, Elena Ignatova.

There's also now an interest in poets who have passed into history. Alan Myers' *An Age Ago*, published in 1986, presents 19th century poets with a rather condescending preface written by Brodsky emphasizing their "shabbiness" (a word he uses more than once) and their representing "this incessant quest in Russian literature for the unique through the thick of the ordinary." There have been four or five translations of *Evgeny Onegin* since 1917, notably those by Deutsch, Walter Arndt, and an excellent recent one by James Falen — and two curiosities — one, an anatomy of the poem in two volumes by Nabokov; and the other a playful, almost jazzy amateur version by a man better known for his research into artificial intelligence, Douglas Hofstadter. (In a review I characterized this last, not unkindly, as "Pushkin Lite," and suggested that the poet himself might have enjoyed its somewhat adolescent playfulness.) Kharms and the Oberiu are now catching the attention of those interested in the play of language in the United States, and a new collection of poems from the Silver Age, *The Stray Dog Cabaret*, translated by the late Paul Schmidt (who also notably translated Khlebnikov) and edited by Catherine Ciepiela, has recently appeared.

To conclude, I'd like to add that, in spite of hundreds of names in numerous anthologies over the last few decades, a painfully small number of Russian poets have books of their own in English translation. And so, most of the Russian poets who are known at all are known only by a handful of "representative" poems — poems that hardly represent at all, say, of the breadth of a literary career like Viktor Sosnora's or Dmitry Prigov's.

We'll never completely overcome the vagaries of individual taste or of political agendas in anthologies — nor would we want to, because the flavor is in the particularity — but adequate support for many and good translations of Russian poets into English would go a long way towards an ideal understanding of literature, something we all dream of.

Креститель или Христитель?

Об одной ошибке в переводах Евангелий

О.М. Делендик (Украина)

Тема переводов Евангелий необъятна. Существует множество переводов Евангелий на русский язык. Наиболее распространёнными переводами на восточнославянские языки являются: на русский – синодальный перевод [1], на украинский – «Новий завіт»[2]. В этой заметке автор касается перевода лишь нескольких слов.

Во всех Евангелиях упоминается Иоанн Креститель, крестивший людей и самого Иисуса Христа. В наше время при крещении человеку дают имя и надевают на него крест. Совершал ли эти действия Иоанн Креститель? Очевидно, нет. Ведь сына Марии нарёк Иисусом Иосиф по указанию ангела (Мф. 1: 24, 25). Не надевал Иоанн Креститель и крестов на приходивших к нему людей. Да оно и понятно, крест стал символом христианства после того, как на нём был распят Иисус. Возникает вопрос: почему Иоанна называли Крестителем и называли ли его так вообще? Попытаемся выяснить это.

Для этого вначале уясним, что такое крещение. Вот какое определение этого христианского таинства приведено в объяснении некоторых слов, встречающихся в Новом Завете: «КРЕЩЕНИЕ (*греч. baptizo*) – *используется в Новом Завете для обозначения действия, исполнение которого заповедано Христом в Мф. 28:19. Крещение совершается путём погружения верующего в воду. Оно является публичным исповеданием и подтверждением внутренней перемены, происшедшей в человеке (Рим. 6: 3 – 6; 1 Кор. 12: 13).*» [3]. Действительно, Иоанн погружал приходивших к нему в воды реки Иордан (Ин. 1: 26, 28.). Почему же эти действия называются крещением, если крест в определении этого термина не упоминается? Заповедал ли Христос апостолам крестить народы? Давайте посмотрим, как эти же действия и предметы называются на некоторых европейских языках (см. таблицу ниже).

Русский	Украинский	Английский	Немецкий	Польский
крещение	хрещення	1) baptism; christening (обряд) 2) Epiphany* (праздник)	1) Taufe** (обряд) 2) Epiphanias (праздник)	chrzest
креститься (принимать крещение)	хреститися (приймати хрещення)	be baptized / christened	sich taufen lassen	chrzcić się brać chrzest
крестить (совершать обряд крещения)	хрестити (справляти обряд хрещення)	baptize, christen	taufen	chrzcić
крест	хрест	cross	Kreuz	krzyż

Русский	Украинский	Английский	Немецкий	Польский
крестить (осенять крестом)	хрестити (осіняти хрестом)	cross; make the sign of the cross (over)	bekreuzigen	zrobić znak krzyża
Иоанн Креститель	Іоанн Хреститель	John the Baptist	Johannes der Täufer	Jan Chrzciciel

*Слово epiphany имеет в английском языке следующие значения:

1) (Epiphany) Богоявление (одно из названий христианского праздника Крещения Господня)

2) (epiphany) явление божественного или сверхъестественного существа

3) (Epiphany) прозрение

** Слово Taufe по звучанию очень близко к слову Tauchen (погружение).

Итак, то, что по-русски называется «крещение», в английском, немецком и польском языках называется словами, которые можно перевести как «христианизация». Этим существительным соответствуют глаголы «христить», «охристить». Крест здесь ни при чём. Для наименования креста и делания знака креста в этих языках имеются слова, не имеющие корней, соответствующих русскому «христ». Видимо, только в восточнославянских языках глагол, означающий «приобщать к церкви» имеет ещё значение «делать знак креста» [4].

Наконец, обратимся к оригинальным текстам Евангелий, которые были написаны на диалекте древнегреческого языка [5]. Мы увидим, что Иоанна Крестителя звали Ιωαννης Βαπτιστης, т.е. Иоанн *Погружатель* (от слова βαπτίζω – «погружать»). Иоанн не крестил Иисуса, он его *христил*. В результате действий, совершённых Иоанном над Иисусом (погружение в воды Иордана), Иисус был провозглашён Богом (сыном Божьим), т.е. явился людям как Бог (Ин. 3: 13 – 17). Иными словами, Иисус стал *Христом*. Христос (Χριστος) в переводе с греческого означает «помазанник». Теперь становится понятным вопрос, который левиты задали Иоанну: «что же ты крестишь, если ты не Христос...?» (Ин. 1: 25). На самом деле этот вопрос звучал так: «что же ты христианизируешь, если ты не Христос...?»

Об этом же написано и в статье «крещение» Библейского словаря В.П. Вихлянцева, выставленного в 1998 г. в Интернете, но до сих пор не изданного типографским способом [6]:

«Русское слово "крещение" этимологически не соответствует тому слову, которое употребляется в оригинале (греческое "баптизо" означает "окунать", "погружать"), но имеет обратную формацию от слова "крест", на котором был казнен Спаситель».

Почему же в русском языке христианизация называется крещением? Была ли ошибка допущена первым переводчиком (Кириллом и Мефодием?) или она вкралась при переписывании? Во всяком случае, эта ошибка содержится и в первом известном украинском переводе Евангелия – Пересопницком Евангелии, являющимся переводом с древнеболгарского языка, например, в нём употребляется слово «кр(с)титися» [7]. В контексте этого вопроса интересно посмотреть, как писали слова, касающиеся христианства, наши далёкие предки. Рассмотрим, например, «Повесть временных лет» Нестора Летописца (по Ипатьевскому списку) по изданию [8]. В этом издании наряду с оригинальным текстом Ипатьевского списка представлен и его перевод на украинский язык. В таблице ниже представлены фрагменты из «Повести» с переводом на украинский и русский (перевод на русский мой – *О. Д.*) языки.

Древнерусский	Украинский	Русский
Христьянинъ	християнин	християнин
Крѣстьянинъ	християнин	християнин
вѣра крестьянская	віра християнська	вера християнская
И крестися въ Иерданѣ оть Ивана	І охрещений був в Іордані Іваном [Хрестителем]	И окрещён был в Иордане Иваном [Крестителем]
крестивъся	охрестився	окрестился
крестьяномъ	християнам	християнам

Интересно, что, цитируя договор Олега с греческими царями Львом и Александром (912 г.), Нестор (или переписчик?) называет греков то християнами, то крестьянами, часто даже в одном и том же предложении. Возможно, что в этом случае мы имеем дело с простой опиской. Мы видим, что при переводе на украинский язык эту и другие подобные описки (или ошибки) переводчик исправил, но не все. Чтобы быть последовательным, ему нужно было исправить ошибки во всех словах, связанных с християнством. Но, находясь в плену традиции, переводчик не исправил слова, связанные с обрядом «крещения». В этих словах ошибка закрепилась, так же как в слове «крестьянин» в современном русском языке, которое, как мы видим, есть не что иное, как искажённое «християнин».

Можно ли исправить эти ошибки спустя тысячу с лишним лет после християнизации Руси? Русская православная церковь неоднократно исправляла перевод священного писания. Первый раз это имело место в 1653–56 гг. во время церковной реформы, проведённой патриархом Никоном с привлечением Е. Славинецкого и других украинских переводчиков.

В переводе Евангелий Л.Н. Толстого [9] «Иван Купало» «купая в Иордане всех тех, которые сознавались в своих заблуждениях». В переводе Евангелий В.Н. Кузнецовой [10] вместо «крестил» или «купал» написано «омывал», но назвать Иоанна иначе, чем Крестителем, переводчик всё же не решился.

Впервые обсуждаемые слова были правильно переведены в Библии И. Огиенко (1939) [11]. В 1963 был напечатан перевод Библии И. Хоменко [12], в котором содержится такой же перевод этих слов. До недавнего времени эти переводы замалчивались, и доступ к ним был затруднён.

Ниже приведены фрагменты из некоторых переводов Евангелий.

Стих	Синодальный перевод	Переводы на украинский язык		Перевод на белорусский язык [13]
		И. Огиенко	И. Хоменко	
Мф. 3	В те дни приходит Иоанн Креститель... Христитель...	Тими ж днями приходить Іван Христитель...	Того часу з'явивсь Йоан	У тыя дні прыходзіць Іаан Хрысціцель...
Мф. 28: 19	Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа...	Тож ідіть, і навчіть всі народи, христячи їх в Ім'я Отця, і Сина, і Святого Духа...	Ідіть, отже, і зробіть учнями всі народи: христячи їх в ім'я Отця і Сина і Святого Духа...	Дык ідзіце, навучыце ўсе народы, хрысцячы іх у імя Айца і Сына і Святога Духа...
Ин. 1:25	что же ты крестишь, если ты не Христос...?	Для чого ж ти христиш, коли ти не Христос...?	Чого ж бо христиш, коли єси ні Христос...?	чаго ж Ты хрысціш, калі Ты не Хрыстос...?

Между прочим, на поисковом интернет-сайте Google поиск по слову *Христитель* даёт ссылки на 548 источников. И хотя в русскоязычной версии Google при этом появляется замечание: «Возможно, вы имели в виду: Креститель», а поиск по слову Креститель даёт ссылку на 48 500 источников, процесс, начатый корифеем перевода Библии И. Огиенко, «пошёл».

Итак, мы видим, что исправить ошибки перевода никогда не поздно, даже по прошествии тысячи лет. Автор надеется, что вслед за украинскими и белорусским переводами эти ошибки со временем будут исправлены и в переводах Евангелий на русский язык, после чего (очень нескоро) может произойти усвоение исправленных слов русским языком.

В украинской лексикографии уже зафиксированы следующие параллели: хрести́ни – христи́ни, хрести́нний – христи́нний, хрести́ти – христи́ти, хрести́тися – христи́тися, хре́щений – хри́щений, хре́щеник – хри́щеник, хреще́ниця – хрище́ниця, хре́щення – хри́щення [14].

Автор выражает искреннюю благодарность за полезные замечания проф. О.В. Прискоке и акад. М.В. Стрихе.

Источники

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. В русском переводе. Перепечатано с синодального издания. SGP, Box 516, Chicago, IL 60690-0516, USA. 1990.

2. Новий завіт. Українська православна церква Київського патріархату. Київ. 2003.

3. Новый Завет. По заказу общества «Сирин», Москва.

4. Ожегов С. И., Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1982.

5. Новый завет на греческом языке с подстрочным переводом. http://www.superbook.org/UBS/index.htm

6. http://jesuschrist.ru/lexicon/?word=%EA%F0%E5%F9%E5%ED%E8%E5&dic=vikhlyantsev

7. Пересопницьке Євангеліє 1556 – 1561. Дослідження. Транслітерований текст. Словопокажчик. – Київ. Національна академія наук України. 2001.

8. Повість врем'яних літ: Літопис (За Іпатським списком) / Пер. з давньоруської, післяслово, коментар. В.В. Яременка. – К.: Рад. письменник, 1990.

9. Соединение и перевод четырех Евангелий. Л.Н. Толстой. Толстовский листок № 6. В сжатии составителя «Толстовского листка» (Владимира Александровича Мороза). «Мамонтовский Дом», «Музей русской народной живописи», Москва, 1995.

10. Канонические Евангелия. Перевод с греческого В.Н. Кузнецовой. Под редакцией С.В. Лезова и С.В. Тищенко. Москва. «Наука». Издательская фирма «Восточная литература». 1993.

11. Украинский перевод Библии Ивана Огиенко – Новый завет. http://www.superbook.org/OG1/index.htm

12. Святе письмо Старого та Нового Завіту. Українське біблійне товариство. 1992.

13. СВЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ (на белорусском языке). Перевод Библейской комиссии при Белорусском Экзархате. http://churchby.info/rus/53/.

14. Великий тлумачний словник сучасної української мови / В.Т. Бусел. – К.; Ірпінь; ВТФ «Перун», 2002. – с. 1353.

Заметки на полях

по поводу статьи Олега Макаровича Делендика «Креститель или Христитель?»

Н.И. Колотовкин

Несомненно, что существует множество переводов Евангелий на русский язык, но не все они равноценны с церковной точки зрения.

Г-н О.М. Делендик пишет: «В наше время при крещении человеку дают имя и надевают на него крест». И не только: таинство крещения сопровождается троекратным погружением человека в воду в ручьях, реках, особых бассейнах со словами: «Крещается во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа».

Поливание водой, употребляемое при крещении, уже давно практиковалось даже у язычников как символ не только физического, но и нравственного очищения. По всей видимости, крещение как особое церковное установление существовало ещё до Иисуса Христа, в период после Маккавеев. Начало христианского таинства крещения положено крещением Иисуса Христа Иоанном Крестителем. Вопрос о точном времени установления этого таинства решается по-разному, но большинство богословов склоняется к мнению, что оно было установлено Самим Иисусом Христом словами перед вознесением Его на небо: «Идите и научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа» (Мф. 28, 19).

Не надо путать современное христианское таинство крещения с ветхозаветным крещением Иоанна Крестителя. Последний совершал лишь омовение человека в водах Иордана при условии его покаяния и отказа от своего греховного прошлого. Действия святого Иоанна были прообразом будущего христианского таинства, а не его точным чинопоследованием.

Автор пишет: «Не надевал Иоанн Креститель и крестов на приходивших к нему людей». Да, он абсолютно прав: нательные крестики христиане стали носить примерно с IV в. по Р.Х., и то это не было обязательным правилом.

Нельзя согласиться с мыслью автора, что русскому слову «крещение» соответствует англо-немецко-польский эквивалент «христианизация». Если взять английское слово **baptism**, то легко заметить, что оно заимствовано из латинского языка, куда, в свою очередь, оно попало из древнегреческого языка *τὸ βάπτισμα* (омовение). А вот слово **christening** соответствует древнеанглийскому **cristnian** ← **cristen** 'христианин' ← лат. Christianus ← греч. *ὁ χριστιανός*.

В современном русском литературном языке нет глаголов "христить", "охристить".

Что касается слов «христиане» и «крестьяне» в древнерусском языке, то действительно они были полными эквивалентами вплоть до XIV в. по Р.Х. Здесь также надо учитывать тот факт, что для славянского уха сочетание звуков [кр] более естественно, чем [хр]. Так что параллельное употребление слов «христиане» и «крестьяне» в летописи Нестора является не опиской, а фиксацией определённого исторического факта. С XV в. слово «крестьянин» приобрело новое значение в современном смысле, и ни о какой ошибке здесь не может быть и речи.

По мысли автора, г-да И. Огиенко и И. Хоменко, «корифеи искусства перевода», в 1939 и 1963 гг. соответственно совершили подвиг абсолютно точного и правильного перевода Библии на украинский язык после тысячи лет ошибок и заблуждений, а вот церковники

(это слово не употребляется, но подразумевается) обходили молчанием эти переводы и всячески препятствовали их распространению. То же самое дóлжно сделать и на русском языке, может быть, и в отдалённой перспективе.

Автор вовсе не открыл Америку, установив несоответствие между греческой и славяно-русской терминологией; действительно, "крестить" происходит от слова "крест" – следовательно, с идеей погружения, омовения русский термин никак не связан.

Русское слово «крест» происходит из церковнославянского **крьстъ** *σταυρός*. Согласно словарю Макса Фасмера, первоначально *krьstъ означало «Христос» и произошло из древневерхненемецкого Krist, Christ. Вероятно, затем появилось значение «распятие» (лат. crucifixus), откуда и возникло значение «крест». Более далёкое в фонетическом отношении лат. Chrīstus, греч. *Χριστός*.

Любопытно проследить происхождение английского слова **cross** (крест). В X в. по Р.Х. оно было заимствовано из древненорвежского **kross**, куда, в свою очередь, оно попало из древнеирландского **cross** ← лат. **crux**.

Утверждение о том, что Иисус был провозглашен Мессией (=Христом) в результате омовения, совершённого Иоанном, по меньшей мере, спорно.

Термины "христить", "Христитель" имеют право на обсуждение, однако очевидно, что они фонетически слишком близки традиционным терминам, вследствие чего существует большая вероятность их смешения (особенно в украинском языке). Кроме того, корректность термина "Христитель" представляется спорной с богословской точки зрения: сам Иоанн не сделал Иисуса Мессией, а лишь иносказательно провозгласил Его мессианское достоинство.

В рассуждениях автора содержится фактическая ошибка: в ходе реформы патриарха Никона Священное Писание не подвергалось правке; существенная, общественно значимая редактура славянской Библии имела место в середине XVIII в. (так называемая Елизаветинская Библия), однако это была последняя, а не первая правка библейского текста. Начало же книжной справы относится ко времени ближайших учеников Кирилла и Мефодия.

P.S. Креститель – наименование исключительно и единственно присвоенное Святою Церковью святому Пророку и Предтече Иоанну, крестившему в Иордане Господа нашего Иисуса Христа.

Мы верим, что святые братья Кирилл и Мефодий создали славянскую азбуку и совершили перевод Священного Писания на славянский язык по вдохновению Святого Духа. Они были вполне свободны в своём переводе, буквально лепили его из готового языкового материала. Им не был свойствен крайний буквализм, которым грешили переводчики, начиная с XIV-XV вв., и который вновь пытается навязать нам г-н Делендик.

Об искусстве перевода

М.В. Ломоносов

"...язык российский имеет великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность италианского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка... Сильное красноречие Цицероново, великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке."

Teaching Interpreter Training and Training Teachers of Interpretation: A Crucial Problem in the US

Lynn Visson

Despite all the differences in opinion as to how interpreters should be trained and on how interpreter training programs should be run, and despite heated arguments on the kind of curriculum, exercises and examinations needed for such programs, the one point on which nowadays nearly all Russian and Western professional (and in particular aging!) translators and interpreters seem to agree is that there is a desperate need for such programs, and for a new generation of well-educated, competent and enthusiastic interpreters. In international organizations, government agencies and commercial firms a mass awakening from decades of hibernation is taking place as department heads and managers greet the day only to find that there is no one to translate or interpret the salutations and endless flow of words that make up the lifeblood of their organizations.

To state the obvious: a training program needs both students and teachers/trainers. Yet criteria for selecting the students are often very fluid. A student who is "good at languages" may be encouraged by parents, friends and high school or college teachers to pursue a course of study in translation/interpretation. All too often, though, a student who "knows" a language well, i.e. chatters away non-stop in French, German, Russian or whatever may turn out to be a terrible interpreter, and a quiet pupil sitting in the back of the classroom who never opens his mouth may wind up revealing great talents as a translator. Naturally, students wishing to sign up for translation/interpretation programs need to prove excellent passive comprehension of their C language, and the ability to translate/interpret fluidly and correctly into their A and B languages. Once they have a basic mastery of the languages they can go on to advanced T and I training. Yet they also need to be tested for their aptitude for both translation and interpretation. Granted, sometimes a would-be translator ends up as a superb interpreter, and vice versa. The sooner the student can be channeled into that field for which he or she is most suited, however, the happier the student and the happier the instructor. We have all seen translators who are excellent at what they do, and would make miserable interpreters, and interpreters who are richly endowed with the gift of gab but churn out clumsy or flat written texts. And American teachers are all too aware that that just because a student announces that, "my parents speak Russian at home," the little brat does not necessarily have the makings of a good translator or interpreter.

A good language student is not necessarily a good translator or interpreter. No one would argue that foreign language courses are an excellent breeding ground for future translators and interpreters. In the US, however, all too often it never even occurs to foreign language teachers to suggest careers in translation or interpretation to their students, and translation exercises in language classes are frequently limited to run-of-the-mill "the pencil is on the table" exercises. The US press is filled with articles bemoaning the shortage of interpreters and translators for government agencies and commercial firms. There is a crying need at the UN and in the European Union for interpreters into many languages, especially English, and with various

language combinations. And yet there is little or no action to fill this need, particularly in the US.

Who are today's and tomorrow's teachers of translation and interpretation? No one would expect someone without a medical degree to be teaching in medical school, or someone without a law degree to be teaching in law school. In the US, however, and in many other countries, there is no "degree" or "certification" which allows an individual to prove that he is a bona fide, professional and skilled translator or interpreter. There is only one institute in the entire country, the Graduate School of Translation and Interpretation at the Monterey Institute of International Studies, which provides a full-time (2-year) program leading to an MA in translation/interpretation; the ATA (American Translators Association) gives examinations providing "certification" in a specific language combination; the State Department sporadically conducts a few interpretation exams; but basically, the situation is one of *caveat emptor* – let the buyer beware. It is the finished product – the written text of a translation, or the sound the listener hears at a conference in his earphones, that is the proof of the pudding and of the linguistic product. Moreover, an excellent translator or interpreter who holds a degree in T and I in whatever country – the US, Russia, or Western Europe – may have zero ability to a) communicate his skills and how to master them and b) teach others to do what he is doing.

Good interpreters are out in the field interpreting; good teachers, we hope, are in the classroom teaching. Yet there are very few – and no full-time – programs in the US to train teachers of interpretation. Assuming that any interpreter is by definition qualified to teach interpretation is as risky as assuming that any doctor or lawyer is qualified to teach future professionals in his field. Highly qualified interpreters may work miracles in the booth but have nothing to say to interpreters in training. Some are not interested in teaching, and some are incapable of teaching. Nor is there training available for would-be teachers of interpretation. As a recent article in the ATA *Chronicle* noted, "faculty members with expertise in training students to use their languages for applied purposes in nonacademic professional careers are very difficult to recruit because there are no doctoral programs producing such individuals."[1] There are various American programs in "Translation Studies," teaching everything from the theory of translation to legal and medical interpretation. Yet there is not a single program specializing in the training of the trainers, i.e. of those who will be teaching interpretation to a new generation of interpreters.

Old horses, proverbially, go to the glue factory, and some old interpreters become translators as their hearing and reflexes start to wane. Very few, however, would think of a "second career" in teaching, because there is literally nowhere to teach. Some interpreters are incapable of teaching; others do not want to. The worst scenario is that of an interpreter (even the most brilliant one) who is blissfully unaware that he is a terrible teacher. Those gifted interpreters who also happen to enjoy teaching (and have often blundered into a teaching career by chance, or as a result of prior experience teaching languages or other subjects) are constantly torn apart by conflicting responsibilities and commitments. As students at T and I institutes around the world can attest, their instructors are constantly taking leave to work in the booth at various conferences and negotiations. It is easy – though perhaps not as easy as it seems at first glance – to blame the interpreters for this. Would a student sign up for piano lessons with an instructor who never plays the piano? No. Would a patient agree to go under the knife of a surgeon who drones on in an amphitheater but never operates? Most unlikely. A talented teacher of interpretation must keep up his skills, learn new vocabulary (plus, in today's world, stay on the cutting edge of new technology, videoconferencing, etc.) and keep abreast of developments in his fields of specialization. He can only do this by hands-on interpreting. The result is a stream of missed classes (that have to be made up) leading to rushed schedules and a piling up of hours which deprive the students of the chance to practice and build on the skills they have acquired at a normal pace.

[1] Françoise Massardier-Kenney, "Kent State University Ph.D. in Translation Studies," ATA Chronicle, Volume XXXVI, Number 11 (November-December) 2007, p. 14.

As any administrator of a large bureaucratic organization knows, at the slightest hint of a budge squeeze the first programs to go are those involving training. Organizations such as the United Nations or the Marshall Center in Germany have time and again seen funds promised for training evaporate as other priorities siphon off the promised allocations. Nor is a large international organization willing – or able – to release a full-time interpreter from his or her duties to work with a training program, as this would place an undue and unfair burden on other interpreter colleagues. The result is a continuation of this vicious circle: no trainees, and therefore no training program, since there is no money forthcoming for either the trainees or the trainers. And there is no training for the trainers since there are no programs to teach interpreters how to teach.

Is there any solution on the horizon? Interpreters are not trained overnight, and their trainers are not trained overnight. T and I institutes will have to engage in major fundraising campaigns to start up teacher training programs, and make an all-out effort to hire individuals capable of training teachers. This also means undertaking a full-scale effort to produce teaching materials and curricula for such teacher training programs. Interdisciplinary efforts between teacher training colleges and interpreter schools could be invaluable in producing such curricula and courses. Allocating even a part of the funds earmarked for computer technology, CAT programs and localization studies would be a significant first step.

In the US this problem is particularly acute as a result of the longstanding neglect of foreign languages and the prevalence of an attitude of "well, most of the world speaks English." The problem is not, however, unique to the US, and this is an area in which international cooperation between the major T and I institutes in Russia, England, the US and France could prove extremely fruitful. An international task force made up of faculty from leading institutes, provided with a mandate to draw up programs for teacher training and for producing training materials, could put the experience of institutions in the various countries to good use. Otherwise the interpreters of today may find that when they have become the interpreters of yesterday, there will be less and less interpreters of tomorrow.

Обратный перевод

ОНУФРИЙ ЗУЕВ О ПЕРЕВОДЕ

Онуфрий Зуев – вымышленный комический персонаж, так сказать, прямой потомок Козьмы Пруткова. Под этой маской скрывались два писателя, в своё время вместе руководившие английской редакцией знаменитого издательства «Всемирная литература» – Е.И. Замятин и К.И. Чуковский. В рубрике «Тетрадь примечаний и мыслей Онуфрия Зуева», публиковавшейся в журнале «Русский современник» в 1924 году, они посмеивались над несуразностями, речевыми ляпами, а то и просто глупостями, которые встречались в газетах того времени и в произведениях современных им писателей. Онуфрий Зуев простодушно удивлялся то «эллипсическому кругу», упомянутому в очерках Б. Пильняка, то речениям вроде: «Глубоко-социальный базис, подведённый под корень художественного оформления талантливого романиста» из журнала «Мир искусства», то ошибке В.Я. Брюсова, переведшего выражение "C'est l'âge de Chérubin" (имеется в виду Керубино, персонаж комедии Бомарше «Женитьба Фигаро») как «Это – возраст херувима» («Из чего, без всяких, ясно, что возраст херувима есть именно пятнадцать лет», – глубокомысленно замечает Онуфрий Зуев).

В одной заметке Зуев касается и переводной литературы.

Кстати о Всеволоде Иванове

Про него пишут, будто бы у него пристрастие к разным таким выражениям для некурящих. А по мне – Всев. Иванов, как он всё-таки мужчина, это ничего, а вот если женщина, да ещё заграничная этакие картинки изображает – это уж даже охально. Например, Клара Фибих, роман «Совиное гнездо», перевод Острогорской (изд. «Петроград»). И в этом романе на стр. 34 читаю: «Стройная, с выбившимися из-под передника волосами, она возбудила в одном из всадников желание...»

Не знаю, как по-немецки, а по-нашему передник есть фартук, и в заключение выходит нехорошо.

Об авторах

Борисенко Александра Леонидовна – переводчик художественной литературы, устный и письменный переводчик, член гильдии «Мастера литературного перевода», литературовед, кандидат филологических наук, доцент кафедры общей теории словесности МГУ им. М.В. Ломоносова. Окончила романо-германское отделение филологического ф-та МГУ.

Виссон Линн (США) – синхронный переводчик с русского и французского на английский в ООН. Училась и получила докторскую степень в Гарварде, а затем была профессором русского языка и литературы в Колумбийском и др. университетах США. Давний участник научных и культурных обменов между Россией и Америкой, автор ряда книг и статей, посвящённых сравнительному изучению культуры двух стран.

Голышев Виктор Петрович – переводчик с английского, член Союза писателей СССР, преподаватель художественного перевода в Литературном институте им. М. Горького. Закончил МФТИ. Работал инженером в Институте автоматики и телемеханики, научным редактором в редакции физики издательства «Мир», преподавал электронику в Институте стали и сплавов. С 1966 года профессиональный переводчик. Лауреат литературных премий: журнала «Иностранная литература» 1990 и 1993 гг., «Иллюминатор» 1997 г., «Малый Букер» 2001 г., «Либерти» 2003 г.

Делендик Олег Макарович – инженер электронной техники с опытом переводческой и редакторской деятельности в Киевской редакции Всесоюзного центра переводов научно-технической литературы и документации, Торгово-промышленной палате Украины и в промышленности. В настоящее время сотрудничает в качестве переводчика и редактора с украинскими, российскими и западноевропейскими бюро переводов и промышленными предприятиями.

Ермолович Дмитрий Иванович – синхронный и письменный переводчик, лингвист и лексикограф. Доктор филологических наук. Профессор кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Сотрудничает с международными организациями. Автор научных работ по лингвистике и теории перевода, учебных пособий и словарей.

Протоиерей Пётр Иванов – окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности история Китая, доктор исторических наук, с 1989 по 2004 гг. заведующий сектором новой и новейшей истории Китая Института востоковедения РАН, в настоящее время ведущий научный сотрудник, автор шести монографий, а также более 100 статей. Преподавал внутреннюю и внешнюю политику России, а также основы Православия в Институте России Университета Чжэнчжи на Тайване. 1 марта 1998 г. рукоположен митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием во диакона, а 28 августа того же года – во пресвитера. В 2004 г. назначен настоятелем Свято-Троицкого храма г. Люберцы.

Кейтс Джеймс (James Kates, США) – действующий президент американской ассоциации переводчиков художественной литературы (American Literary Translators Association), директор издательства «Зефир-пресс», играющего большую роль в распространении на Западе современной русской поэзии (книги этого издательства можно посмотреть на сайте www.zephyrpress.org). Составитель и редактор антологий современного русского стиха, переводчик-практик.

Колотовкин Николай Иннокентьевич – устный и письменный переводчик, филолог-германист. Старший преподаватель кафедры английского языка для гуманитарных факультетов факультета иностранных языков МГУ им. М.В. Ломоносова, преподаватель английского, древнегреческого и латинского языков Московской духовной семинарии и академии. Окончил романо-германское отделение филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и Московскую духовную семинарию и академию.

Ланчиков Виктор Константинович – переводчик художественной литературы, кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Автор ряда теоретических работ.

Масловский Евгений Константинович – кандидат технических наук, переводчик и редактор научно-технической литературы, ст. преподаватель факультета иностранных языков МГУ им. М.В. Ломоносова по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Автор, редактор и соавтор ряда тематических и научно-технических книг и словарей. Член правления Союза переводчиков России, руководитель секции научно-технического перевода и специальных словарей.

Морозов Дмитрий Александрович – переводчик Российской государственной радиовещательной компании «Голос России» с 1976 г. Окончил филологический факультет ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова. Автор около двадцати работ по арабской филологии и источниковедению.

Некрасова Тамара Петровна – начальник отдела переводов российской юридической компании "Пепеляев, Гольцблат и партнёры". Окончила МГПИИЯ им. М.Тореза. имеет диплом Кембриджского университета в области юридического английского International Legal English Certificate.

Юрий Плахтий (Yuri Plakhti, USA) – письменный переводчик научно-технической литературы. Дипломированный инженер. Профессионально занимается переводом с 1979 г. Выпускник Высших курсов переводчиков при МГПИИЯ им. М. Тореза. Участвовал в переводе на русский язык толкового словаря Dictionary of Computing (Oxford University Press, 1986) (Толковый словарь по вычислительным системам, М: Машиностроение, 1989). В настоящее время живет и работает в США.

Рив Франклин (США) – профессор-славист, один из старейших переводчиков русской литературы в США. В числе его переводов: Five Short Novels by Turgenev (Рудин, Дневник лишнего человека, Первая любовь, Вешние воды, Степной Король Лир) и др.

Хомякова Екатерина Михайловна – окончила Государственный университет управления, в настоящее время студентка Факультета переводческого мастерства МГЛУ. Письменный и устный переводчик.

Юшина Елена Владимировна – переводчик-синхронист, доцент кафедры теории и практики перевода МГЛУ, преподаватель синхронного, устного последовательного перевода, курса специального экономического перевода, автор учебных пособий в области международной финансово-экономической деятельности. Окончила МГПИИЯ им. М. Тореза, Высшие курсы переводчиков-синхронистов МГПИИЯ им. М. Тореза и магистратуру МИПК МГЛУ.

Bridging the Communication Gap

1(17)/2008

Bridges

Translators and Interpreters' Journal

T. Nekrasova

Traps and mishaps in legal translation

Translation, Editing, Formatting and Proofreading Procedure by *Yuri Plakhti*

D.A. Morozov

Arabic Proper Names in Latin and Cyrillic Characters: Their Origin, Variations, and Some Practical Advice

Lynn Visson

Teaching Interpreter Training and Training Teachers of Interpretation: A Crucial Problem in the US

as well as

theory, practice and useful information for translators, teachers and students from top professionals

978-5-93439-2520